А. Петрункевич

Маргарита Ангулемская

и ее время

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга содержит увлекательный, подробный и практически полный рассказ о Маргарите Ангулемской, королеве Наваррской, которую по праву относят к выдающимся представителям эпохи Возрождения. Общаться с ней считали за честь Эразм Роттердамский и Филипп Меланхтон, она помогала писателям и ученым, особенно тем, кого преследовали за убеждения, покровительствовала Жану Кальвину, Клеману Маро, Франсуа Рабле. Историческое исследование об этой талантливой и смелой женщине было написано более ста лет назад, в конце XIX века, на основе изучения зарубежных работ и документов, обнаруженных в национальных архивах Франции.

- А. М. Петрункевич
  - В стремлении к идеалу
  - Предисловіе
  -
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть II
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

А. М. Петрункевич
Маргарита Ангулемская и ее время

В стремлении к идеалу

Маргарита Ангулемская

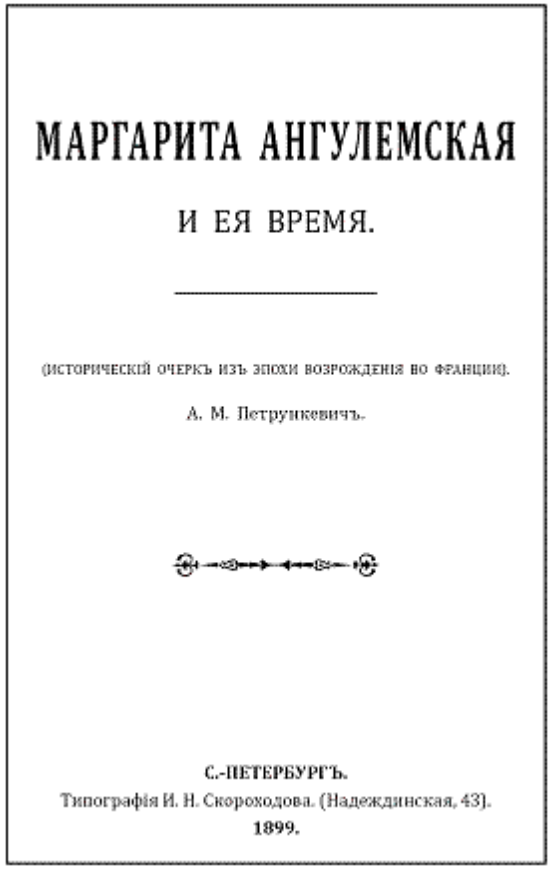
Возрождение… Уже само это слово будоражит воображение и извлекает из файлов памяти обрывочные сведения и какие-то имена, оставшиеся после получения аттестата или диплома. Жизнь Европы в середине минувшего тысячелетия была очень бурной. Конечно, всюду в нашей маленькой Европе затевались войны (как же без них?), горели костры инквизиции, благочестивые католики гонялись за еретиками и безбожниками, вспыхивали и угасали монархические династии и, как в «мрачном Средневековье», по-прежнему знатный брат шел на брата, кузен на кузена.

Однако в этой суете сует и всяческой суете рождалось вечное – идеи, творения искусства и литературы. Со страстной одержимостью люди отправлялись в дальние путешествия, изучали действительность во всех ее проявлениях, делали великие географические и научные открытия. Николай Коперник совершил переворот в естествознании, создав гелиоцентрическую систему мира. Афанасий Никитин и Васко да Гама проложили путь в Индию, Фернан Магеллан совершил первое кругосветное

плавание, Христофор Колумб и Америго Веспуччи ходили к берегам Америки.

Светлые личности возбудили небывалый массовый интерес к тому, что унаследовано от античности. Многие захотели читать и переводить древних авторов, у которых было чему поучиться, а еще подлинные библейские книги. Началось активное освоение латинского, древнегреческого и древнееврейского языков. Пышно расцвела литература, в том числе поэзия – придя в восторг от возрожденной классической латыни, с наслаждением писали на ней, отвергнув латынь, испорченную в прежние (последние) века. В издательском деле произошла революция: издавали сотни книг, отказались от готического шрифта, придумали новые элементы оформления. Значительно продвинуло общество вперед создание гуманистической светской школы в противоположность богословскому образованию. Западная Европа устала от засилья католической церкви, духовного и политического. Брожение умов и борьба с догматизмом, со средневековой схоластикой привели к Реформации и возникновению протестантизма. Вольномыслие блистательных личностей раскрепостило многие таланты, немалые умственные и творческие силы. Все больше утверждались идеалы красоты и гармонии действительности, гуманистическое мировоззрение.

Огромный неоценимый вклад в «возрождение классической древности», в культурное и идейное развитие Европы внесли Италия и Франция. К выдающимся личностям той эпохи, благодаря которым и происходило это развитие, может быть с абсолютной уверенностью причислена **Маргарита Ангулемская**, сестра французского короля Франциска I. В год, когда она родилась, Колумб открыл Америку; через несколько лет после ее ухода из жизни на свет появился Шекспир. Любителям литературы она известна также как Маргарита Наваррская – жена короля Наварры, автор стихов и «Гептамерона», написанного в подражание «Декамерону» Джованни Боккаччо. Чтобы был виден масштаб этого прогрессивного человека, достаточно сказать, что Маргарита Ангулемская состояла в переписке с Эразмом Роттердамским и Филиппом Меланхтоном, а ее покровительством и помощью пользовались Жан Кальвин, Жак Лефевр д’Этапль, Бонавантюр Деперье, Клеман Маро, Франсуа Рабле.



МАРГАРИТА АНГУЛЕМСКАЯ

И ЕЯ ВРЕМЯ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ).

А. М. Петрушкевичъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова. (Надеждинская, 43).
1899.

Эта книга о Маргарите Ангулемской имеет свою немалую историю. Она была написана более ста лет назад, в конце XIX века, и, разумеется, давно стала библиографической редкостью. Издательству не сразу удалось найти ее. Ценный экземпляр, послуживший основой для настоящего издания, хранится в Российской государственной библиотеке.

С целью помочь современным читателям погрузиться в атмосферу Ренессанса и Реформации издательство взяло на себя смелость осуществить обработку текста, произвести некоторую адаптацию, а также снабдить его краткими дополнениями: подстрочными примечаниями, содержащими биографические и исторические справки, пояснения.

В новом издании помещены генеалогические схемы, чтобы читатели не заблудились в лабиринте времени и не запутались в династических, родственных связях.

Все имена и названия в книге приведены так, как они употребляются сегодня (то есть их современные общепринятые формы). Для частичного сохранения специфики оригинального

текста рядом в скобках приведены исходные формы (по большей части – французские). Курсив в основном тексте – авторский.

Структура книги и последовательность изложения материала оставлены почти без изменений. Однако у автора все разделы (главы) просто пронумерованы, обозначены римскими цифрами. Мы посчитали возможным озаглавить их, чтобы увлекательный текст приобрел вид привычный и удобный.

Н. И. Маркин

ДИНАСТИЯ ВАЛУА

Валуа прямые

Карл V Мудрый 1338 ♚1364 †1380

жена Жанна Бурбонская

|

Карл VI Безумный 1368 ♚1380 †1422

жена Изабо Баварская

|

Карл VII 1403 ♚1422 †1461

жена Мария Анжуйская
коронован в Реймсе (1429) благодаря Жанне д'Арк

|

Людовик XI 1423 ♚1461 †1483

жена Шарлотта Савойская

|

Карл VIII 1470 ♚1483 †1498

до 1494 г. правил при регентстве сестры Анны
жена Анна Бретонская; их сын (наследник)
умер в возрасте трех лет; власть перешла к Людовику XII

ДИНАСТИЯ ВАЛУА
Валуа Орлеанские

Людовик,
герцог Орлеанский

брат короля Карла VI †1407

Карл
Орлеанский

французский поэт
(1394–1465)
жена Мария Клевская

Иоанн
Ангулемский

(Иоанн Орлеанский,
граф Ангулемский)

Людовик II 1462 ♚1498 †1515

после внезапной смерти Карла VIII
стал королем под именем

Людовик XII

женился на Анне Бретонской (вдове Карла VIII)
перед смертью оставил корону своему зятю Франциску
(известен как король Франциск I)

ДИНАСТИЯ ВАЛУА
Валуа Ангулемские

Иоанн (Жан) Ангулемский
(Иоанн Орлеанский, граф Ангулемский)
3-й сын Людовика Орлеанского, брат поэта Карла Орлеанского

Карл Ангулемский 1446 †1496
(Карл Орлеанский, граф Ангулемский, герцог Валуа)
жена Луиза Савойская (1476–1531) – дочь Филиппа,
герцога Савойского, и Маргариты Бурбонской

Маргарита Ангулемская
(1492–1549)

Франциск, граф Ангулемский
стал королем под именем
Франциск I 1494 ♚1515 †1547
жена Клод Французская –
дочь короля Людовика XII и Анны Бретонской

Генрих II 1519 ♚1547 †1559
жена Екатерина Медичи

Франциск II 1544 ♚1559 †1560
1-й сын Генриха II и Екатерины Медичи

Карл IX 1550 ♚1560 †1574
2-й сын Генриха II и Екатерины Медичи

Генрих III 1551 ♚1574 †1589
3-й сын Генриха II и Екатерины Медичи
последний король из династии Валуа

РОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ БУРБОНОВ

Иоанн (Жан) д'Альбре,
король Наварры

жена Екатерина Наваррская – сестра Гастона-Феба де Фуа

|

Генрих д'Альбре,
король Наварры 1503 ♚1516 †1555

жена **Маргарита Ангулемская** (1492–1549)
(Алансонская по 1-му мужу, Карлу Алансонскому)

старшая сестра французского короля Франциска I

королева Наварры (с 1927), поэтому также известна
как **Маргарита Наваррская**, графиня Ангулемская

|

Жанна д'Альбре 1528 †1572

дочь Генриха Наваррского (Генриха д'Альбре)
и Маргариты Наваррской (графини Ангулемской)
королева Наварры (1555–1572)
вышла замуж (1548) за Антуана Бурбонского

|

Генрих Бурбонский (де Бурбон)

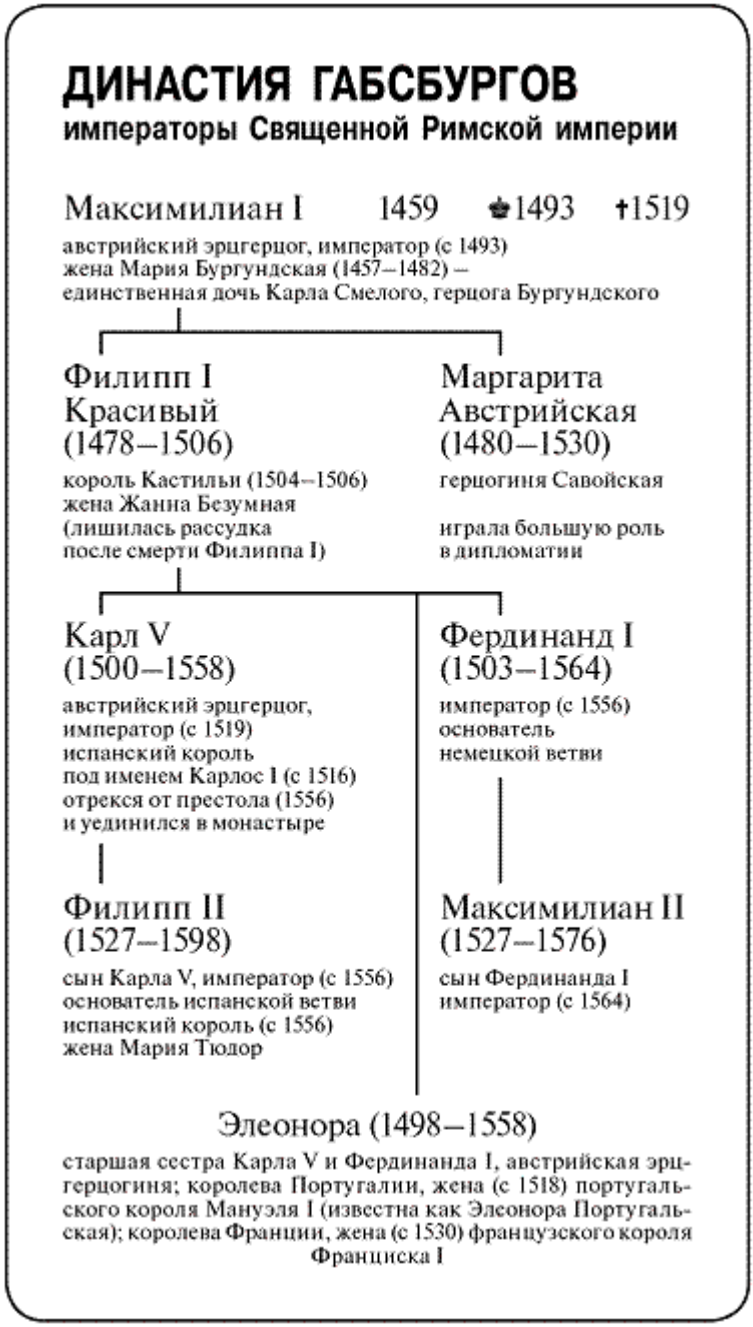
сын Антуана Бурбонского и Жанны д'Альбре
король Наварры (1572–1610) под именем Генрих III

женился (1572) на Маргарите Валуа (1553–1615),
дочери французского короля Генриха II
и Екатерины Медичи
(Маргарита известна как королева Марго)

унаследовал французскую корону
от короля Генриха III (последнего из династии Валуа)

король Франции (1589–1610) под именем

Генрих IV 1553 ♚1589 †1610


ДИНАСТИЯ ГАБСБУРГОВ
императоры Священной Римской империи
Максимилиан I 1459 ♚1493 †1519
австрийский эрцгерцог, император (с 1493)
жена Мария Бургундская (1457–1482) –
единственная дочь Карла Смелого, герцога Бургундского
Филипп I Красивый (1478–1506)
король Кастильи (1504–1506)
жена Жанна Безумная
(лишилась рассудка
после смерти Филиппа I)
Маргарита Австрийская (1480–1530)
герцогиня Савойская
играла большую роль
в дипломатии
Карл V (1500–1558)
австрийский эрцгерцог,
император (с 1519)
испанский король
под именем Карлос I (с 1516)
отрекся от престола (1556)
и уединился в монастыре
Фердинанд I (1503–1564)
император (с 1556)
основатель
немецкой ветви
Филипп II (1527–1598)
сын Карла V, император (с 1556)
основатель испанской ветви
испанский король (с 1556)
жена Мария Тюдор
Максимилиан II (1527–1576)
сын Фердинанда I
император (с 1564)
Элеонора (1498–1558)
старшая сестра Карла V и Фердинанда I, австрийская эрцгерцогиня; королева Португалии, жена (с 1518) португальского короля Мануэля I (известна как Элеонора Португальская); королева Франции, жена (с 1530) французского короля Франциска I

Великие личности Возрождения

Джованни Боккаччо (1313–1375)
итальянский писатель, автор книги новелл «Декамерон»

(1350–1353); выступал за признание «прав природы» в человеке и свободомыслие, ослабление влияния церкви на политическую и культурную жизнь

Эразм Роттердамский (1469–1536) (Дезитерий)

филолог, писатель, богослов, автор трактата «Похвала глупости» (1511); сыграл большую роль в подготовке Реформации, но не принял ее, выступал против религиозного фанатизма и богословского догматизма

Франсуа Рабле (1494–1553)

французский писатель, врач, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533–1552); боролся с ханжеством и предрассудками, ограничением духовной свободы

Мартин Лютер (1483–1546)

немецкий деятель Реформации, основатель лютеранства (направление протестантизма); отвергал основные догматы католицизма

Жан Кальвин (1509–1564)

французский деятель Реформации, основатель кальвинизма (направление протестантизма); главный труд – «Наставление в христианской вере» (1536)

Предисловіе

предлагаемый очеркъ отнюдь не претендуетъ быть ученымъ изслѣдованіемъ.

авторъ будетъ считать свою цель вполне достигнутой, если ему удастся, хотя бы только до некоторой степени, вызвать передъ глазами читателя образъ королевы наваррской.

въ Россіи она до такой степени еще мало известна, что ее легко спутываютъ съ другой маргаритой наваррской, супругой Генриха IV, известной своими мемуарами. примеромъ такой ошибки можетъ служить недавно появившаяся в русскомъ переводе *Исторія Литературы Шерра*, въ которомъ помещенъ портретъ дочери екатерины медичи и подписано, что она – авторъ Гептамерона. такое недоразуменіе не единичный случай. а между темъ несомненно, что первая маргарита наваррская заслуживаетъ гораздо большаго вниманія и симпатіи, нежели ея легкомысленная внучка.

въ нашемъ очерке мы старались воспользоваться всеми доступными намъ матеріалами и теми французскими изслѣдованіями, которыя, какъ, напримеръ, статьи Лефранка и книга Лаферріера, целикомъ основаны на документахъ.

мы пытались дать не только біографію королевы, но, хотя бы отчасти, и картину духовной жизни XVi века, жизни кипучей и разносторонней, душой которой, по выраженію Гастона пари, являлась сама маргарита.

намъ могутъ поставить въ упрекъ то, что мы сравнительно немного останавливались на характеристике королевы какъ писательницы. это объясняется, во-первыхъ, темъ, что насъ лично интересовало ея культурно-историческое значеніе гораздо больше, нежели ея историко-литературная роль, а во-вторыхъ, темъ, что ея произведенія врядъ ли могутъ представить для русскихъ читателей какой бы то ни было непосредственный интересъ.

въ заключеніе обращаюсь съ чувствомъ искренней признательности къ глубокоуважаемому моему учителю проф. Г. в. Форстену, такъ много помогавшему мне своими советами и указаніями.

[А. Петрункевич]

Le moment parait venu d'essayer un tableau de la vie de Marguerite, de son influence sur son siècle; un tableau où se grouperont autour d'elle tous les personnages qu'elle a aimés, protégés, dirigés: sa mère, son frère, ses deux époux, sa fille et, dépendant d'elle ou inspirés par elle à des titres divers – Lefèvre d'Étaples, Marot, Rabelais, Calvin, Bonaventure Des Périers et tant d'autres. Ce sera la galerie complète de la première Renaissance française groupée autour de celle qui en fut l'âme.

Gaston Paris

кажется, пришло время исследовать картину жизни Маргариты и ее влияние на свою эпоху; картину, где она будет окружена теми, кого любила, кому оказывала покровительство и руководство: это ее мать, брат, два супруга, дочь и – зависевшие от нее и вдохновлявшиеся ею на различные творения – Лефевр д'Этапль, Маро, Рабле, Кальвин, Бонавантюр Деперье и многие другие. это будет завершенная галерея раннего французского возрождения – все соберутся вокруг той, что была их душой.

Гастон Пари

Часть I
Маргарита Ангулемская – герцогиня Алансонская
1492–1527

Глава 1
Маленькая графиня

Было 2 часа ночи, 11 апреля 1492 года, когда обитатели старинного Ангулемского замка с радостью узнали, что их молодая графиня, 16-летняя Луиза Савойская, супруга графа Карла Ангулемского, благополучно родила дочь. Новорожденную назвали Маргаритой, что по-латыни означает «жемчужина». Впоследствии современники находили, что Маргарита как нельзя больше оправдывает свое имя; поэты и художники пользовались этим соответствием в своих произведениях, а люди более мистического образа мыслей усматривали в нем перст Божий. Так, филолог Шарль де Сент-Март сообщает:

> И когда настал день крещения, князья и вельможи долго спорили об имени, которое ей надлежало дать. Они могли бы назвать ее Шарлоттой или Луизой, согласно французскому обычаю, но Богу угодно было, чтобы ей дали имя, которое бы соответствовало ее будущим качествам… поэтому, согласно Промыслу Божию, она получила имя, в котором, как в символе, Господь дал нам познать, какими дарами он обогатил и украсил свое творение…

Величайшие умы XVI века, талантливейшие люди этой эпохи с замечательным единодушием сливаются в один общий хор похвал этой женщине. Эразм Роттердамский, которого можно назвать Вольтером XVI века, пишет ей в 1525 году из Базеля:

> Я долго не решался Вам писать, но, наконец, уступил силе той необыкновенной симпатии, которую я питаю к Вам… уже давно восхищаюсь я и любуюсь теми высокими дарами, которыми наградил Вас Господь: осторожность, достойная философа, целомудрие, умеренность, благочестие, несокрушимая сила духа и удивительное презрение к суете мира сего.
>
> Если Вы спросите меня, откуда я Вас знаю, я, который никогда даже не видел Вас, скажу Вам, что многие Вас знают по портретам, не имея счастья видеть Ваше Высочество. А мне хорошие и ученые люди описали Ваш ум гораздо вернее любого портретиста.
>
> Вы не должны сомневаться в моей искренности… я не льщу Вашему могуществу, ибо не хочу от Вас ничего

другого, кроме взаимной симпатии…

Дальнейшее содержание письма таково, что писавший его действительно не может быть заподозрен в неискренности. Да автору письма и не требовалось заискивать перед Маргаритой – в то время она была вдовой незначительного по положению дворянина, герцога Алансонского. А Эразма Роттердамского, известного сегодня великого философа и гуманиста XVI века, уже при жизни чтили во всей цивилизованной Европе. Он сам рассказывает, как благосклонно относился к нему император (Kaiser) Карл V и как добивался его дружбы король Франциск I. Его похвалы, как милости, ждали могущественные князья и государи.

Письмо Эразма к Маргарите было продиктовано теми чувствами, которые целиком разделяли большинство современников, а позже – все исследователи, занимавшиеся историей Франции и конкретно эпохой первого Валуа. Посвященные Маргарите (часто возвышенные и восторженные) произведения литературы являются не образцами напыщенного фразерства и придворной лести, а выражением искренней преданности и какого-то радостного восхищения, что она умела вызывать в людях, встречавшихся с ней на жизненном пути. Это отношение к ней сохранилось и до нашего времени. Все заметки, статьи и монографии о Маргарите дышат той же симпатией, которую мы обнаруживаем у людей, живших в середине тысячелетия. Вот как говорит о ней Сент-Бёв:[1]

> Грациозная, любезная, деликатная, она освещала лучом поэзии жизнь своего брата, для которого всегда являлась добрым гением.

Другой исследователь, Гектор де ла Феррьер, называет ее одной из обаятельнейших женщин XVI века.

> Перечитывая ее письма, – письма, в которых отразилась лучшая часть ее души, я понял ту непобедимую симпатию к ней, которую, *еще* при жизни, она умела внушать всем обращавшимся к ней, и, в свою очередь, я ощутил эту симпатию.

Основательный знаток истории XVI века Абель Лефран (Lefranc) в своем предисловии к «Последним произведениям королевы Наваррской» (Les Dernières poésies de Marguerite de Navarre. Paris, 1896) пишет:

> Когда мы вспомним, что она написала «Гептамерон» и «Духовные песни», защищала Маро, Деперье, Лефевра, Доле, Кальвина и вальденсов,[2] оценила Амио, понимала Ренату Феррарскую, наслаждалась произведениями Челлини, Серли и Клуэ, покровительствовала первым лекторам греческого и еврейского языков, всем поэтам и последователям Реформации; когда мы подумаем рядом с этим, что в продолжение тридцати лет она принимала деятельное участие во внешней политике Франции, что король постоянно обращался к ней за советами, что она ездила в Испанию и вела переговоры об освобождении Франциска из плена, что в своем королевстве она являлась настоящей правительницей; когда мы вспомним все это, тогда становится возможным утверждать, что во всей эпохе Возрождения не встречается женщины более удивительной и более заслуживающей любви.

Кроме той притягательной силы, которой обладает всегда и везде все действительно прекрасное, Маргарита Ангулемская интересует нас еще и с чисто исторической точки зрения. Она является одной из самых ярких и типичных представительниц эпохи Возрождения вообще и французского Возрождения в частности; история ее личной жизни тесно переплетена с историей всего того духовно-культурного движения, которое, начавшись значительно раньше, достигло своего апогея при Франциске I; наконец, она является тем центром, вокруг которого группируются знаменитые люди XVI века. Маргарита – одна из тех немногих женщин, которые сумели придать себе и истории своей частной жизни общечеловеческий интерес. Во введении к «Гептамерону», изданному в 1880 году, А. де Монтеглон (Montaiglon) заметил:

> Когда нужно говорить о Маргарите мало-мальски подробнее, приходится излагать чуть не всю историю царствования Франциска I, и можно было бы составить очень крупную часть истории французской литературы за этот период времени.

Вот почему мы принуждены будем делать довольно длинные и частые отступления от ее жизнеописания. Говорить о Маргарите без этих отступлений нет никакой возможности: иначе рискуешь совершенно исказить ее личность. Говорить же в книге, специально ей посвященной, о Франциске I и Франции даже не есть отступление: с их историей слишком тесно связана жизнь

этой замечательной женщины, до сих пор еще у нас, в России, мало известной – ее светлый образ лишь неясно вырисовывается на блестящем фоне эпохи Ренессанса.

XV век был на исходе. На французском престоле сидел Карл VIII. Сам еще юный (21 год), он женился в конце 1491 года на 15-летней Анне Бретонской, гордой наследнице герцогства Бретонского, отказывавшейся выйти замуж за кого-нибудь другого, кроме короля или королевского сына. Этим браком был положен конец длинной распре между Францией и Бретанью; герцогство, навсегда потеряв самостоятельность, было присоединено к французской короне. Женитьба Карла VIII вызвала страшное негодование со стороны германского императора Максимилиана и английского короля Генриха VII. Максимилиан был оскорблен, потому что летом 1490 года Анна Бретонская вышла за него замуж par procuration;[3] таким образом, Карл VIII отнял у него супругу. Кроме того, Карл VIII, женившись, отослал обратно к отцу (то есть к Максимилиану) эрцгерцогиню Маргариту, воспитывавшуюся в качестве королевской невесты при французском дворе.

Генрих VII в высокопарных выражениях заявил парламенту, что он хочет вернуть себе «свое Французское королевство» и рассчитывает на помощь германского императора. Однако вскоре начавшаяся война была так неудачна для англичан, что они поторопились заключить мир (в Этапле 3 ноября 1492 года). Этот мир был большой политической ошибкой Карла VIII, не сознававшего действительных нужд своего королевства и не воспользовавшегося удобным случаем, чтобы изгнать англичан из Франции.

Карл бредил Крестовыми походами и рыцарскими приключениями; он даже своего сына назвал Карлом Роландом в честь эпического героя. (Сын умер в 1495 году.) Увлеченный фантастическими планами покорения Италии, молодой король торопился кое-как закончить свои дела на севере, чтобы поскорее броситься на Апеннинский полуостров. 23 мая 1493 года в Санлисе был заключен мир с Максимилианом, и Карл VIII мог всецело предаться своим мечтаниям о том, «как заставить мир говорить о себе».

Старшая сестра его Анна, герцогиня Бурбонская (женщина чрезвычайно умная, и ей, по словам отца, Людовика XI, для того чтобы быть королем, не хватало только мужского пола), постепенно утрачивала свое когда-то безусловное влияние на брата и потому не могла удержать его от похода в Италию. Юная королева Анна Бретонская не имела никакой власти над мужем, а

его товарищи, молодые дворяне, окружавшие престол, мечтали не меньше его самого «о прекрасной Италии, о ее богатствах, красавицах и наслаждениях…»

Наперекор всем доводам рассудка король хотел идти добывать себе Милан. Так было положено начало знаменитым Итальянским войнам, длившимся с лишком полстолетия. Они не принесли Франции никаких политических выгод, но зато широко растворились ее двери для культуры, мощной волной хлынувшей из Италии, которая в это время уже создала многое из того, чем гордится она и поныне и что понимается под словами «итальянское Возрождение». Ее ученые, художники, поэты – учителя и образцы для всей Европы. Ее искусство поднялось на высоту почти недосягаемую. Она выработала формы общественной жизни, незнакомые предшествовавшему времени. Человеческая личность, угнетенная миросозерцанием Средних веков, вдруг воспрянула с небывалой энергией и увлеклась каким-то страстным развитием своего «я». Человек опять, как в седой древности, стал центром мироздания; он хочет господствовать, и для того чтобы лучше делать это, он хочет знать. Жажда знания снедает его, и он упорно, неустанно ставит вопросы всему, что попадается его пытливому взору. Он верит, что на его вопросы есть вечные, абсолютные ответы, и страстно ищет их. Вера спасает его. Вселенная одну за другой открывает ему свои великие тайны, и, ослепленный этими успехами, пораженный величием своих открытий, человек эпохи Возрождения впадает в крайности. Ему кажется, что еще шаг-другой, и он – господин мира. Нет пределов его личности, как нет конца его желаниям.

Дух человека растет в нем, не зная меры. Этим отличается блестящая эпоха Возрождения от сравнительной темноты Средних веков. В этой духовной борьбе за первенствующее место в мире развиваются и укрепляются силы человека. Все способности, все дарования его нужны ему, поэтому все они развиты. Он велик как в добре, так и во зле. Он духом своим способен подняться в бесконечное небо или опуститься в преисподнюю человеческой низости. Возрождавшаяся Италия дала вначале Франциска Ассизского, а в конце – Александра Борджиа. Неслыханные преступления этого наместника Христова вызывают страстную проповедь доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. Роскошная, утопающая в блеске и наслаждениях, изнежившаяся и обессиленная Флоренция облекается в траур, с воплем и плачем несет свои драгоценности на громадные костры, сложенные на площадях, и пламя этих костров ярко освещает нравственное возрождение флорентийских граждан. Монах господствует во Флоренции. На его проповедь

собираются все граждане. Папа, испугавшись, предлагает Савонароле кардинальскую шапку, Савонарола отказывается: он не продает своей совести, ему не нужно другого венца, кроме мученического. Подобно древнему иудейскому пророку, он потрясает людей возгласом: «Покайтесь! Придет мститель имени Господня!» Этим мстителем, которого проповедник ждал, на помощь которого он рассчитывал, стал Карл VIII. В Испании же в это время готовилось совершиться одно из величайших событий мировой истории: 3 августа 1492 года из Палоса, андалузской гавани, вышли три корабля под командой генуэзского моряка Христофора Колумба. Через шесть лет (в 1498 году) перед глазами Европы из пучин океана вырос новый материк, о существовании которого она не подозревала.

Сбылось предсказание Сенеки, сделанное им в трагедии «Медея»:

> Пройдут века, и океан откроет миру хранимые им тайны,
> И явится новый великий материк,
> И новые Тифисы найдут новые земли.

Таков был исторический момент, в который родилась Маргарита, а два года спустя (11 сентября 1494 года) – ее брат, будущий король-рыцарь Франциск I. Франциску еще не было двух лет, когда умер их отец, Карл Ангулемский; 19-летняя вдова осталась с двумя маленькими детьми. Ее, Луизу Савойскую, графиню Ангулемскую, не любила королевская чета – ни сам Карл VIII, ни его супруга Анна, поэтому молодая графиня поселилась вдали от двора, в своем замке Коньяк, и целиком отдалась воспитанию детей, которых боготворила. Но ей не суждено было долго вести такой замкнутый и уединенный образ жизни. В 1498 году внезапно скончался Карл VIII и на престол вступил Людовик XII, начавший собой династию Валуа-Орлеанов. Вскоре он женился на вдове своего предшественника Анне Бретонской.[4]

Новый король призвал Луизу Савойскую ко двору. Ведь она была его близкой родственницей,[5] к тому же необычайно красивой. О красоте молодой графини говорили и писали многие, упоминает об этом также и Брантом:[6]

> Луиза, была очень хороша собою и прекрасно сложена, так что при дворе трудно было найти женщину красивее ее.

Король, искренне любивший графиню, очень хотел, чтобы у нее установились добрые отношения с королевой,[7] но это оказалось невозможным. Обе властные, честолюбивые, настойчивые и страстные, они никак не могли поладить: сходство их характеров порождало между ними только ненависть. К тому же дальнейшие события лишь разжигали их скрытое недоброжелательство: все сыновья Людовика XII умирали в раннем детстве, поэтому естественным наследником престола являлся сын Луизы – здоровый, крепкий мальчик; с этим гордая королева никак не могла смириться. Однако взаимная антипатия этих двух женщин, судьбою поставленных в положение соперниц, тщательно скрывалась ими самими. Более того: вероятно, по настоянию короля, Луиза с детьми переселилась в королевский замок Амбуаз, где продолжала усердно заниматься их воспитанием; но она не могла уже держаться в стороне от придворной жизни, как прежде.

Между тем настало время учить Маргариту и ее брата. К маленькой графине приставили почтенную женщину, некую госпожу де Шатийон (Chatillon), владевшую, по словам Сент-Марта, всеми добродетелями сразу. В ребенке рано проявился пытливый ум, и Луиза, с согласия опекуна, короля Людовика XII, решила дать своей дочери блестящее образование. Маргарита изучала греческий и латинский языки, а итальянским и испанским она владела в совершенстве с ранних лет благодаря заботам матери. С девочкой занимались лучшие учителя того времени: так, для освоения классических языков был приглашен Робер Гюро (Hurault), а для еврейскаго позднее – Павел Каносса Парадизио (Canossa Paradisio).

Луиза лично следила за литературным образованием Маргариты, приучая ее к чтению и поощряя детские попытки литературного творчества. Маргарита рано начала пробовать в этом свои силы. В ней сказывался династический дар, полученный от Карла Орлеанского, который после битвы при Азенкуре провел 25 лет в английском плену и там скрашивал свое одиночество тем, что писал (в поэтической форме) воспоминания о прошлых счастливых днях. В результате получился целый сборник лирических произведений, среди которых есть весьма изящные.[8]

Произведения Маргариты редко достигали той непринужденности и поэтичности, которые дали ее деду имя поэта: ни она, ни ее брат не имели поэтического таланта в строгом смысле этого слова, но она несомненно обладала художественным чутьем и развитым литературным вкусом, которые сказались и в языке ее прозаических сочинений, и в том

постоянном интересе к литературе, который не покидал ее до конца жизни.

Но мы забежали несколько вперед. Вернемся в мрачные залы старого королевского замка и под вековые деревья амбуазского парка, на зеленые берега широкой Луары. Здесь рядом с развитой не по летам Маргаритой растет общий баловень, будущий король Франциск I. Казалось бы, ничто не может сблизить задумчивую девочку-подростка и непоседливого буйного мальчика. Она – с пылкой фантазией, мистическим умом, громадной жаждой знания, внимательно слушает рассказы своих учителей о древних философах и евангельских истинах, жадно читает все, что попадается под руку, а он – с неиссякаемой энергией, бесконечными забавными выдумками, целые дни проводит в шумной компании своих сверстников, устраивает турниры и примерные осады деревянных крепостей или скачет на горячей лошади. А между тем, несмотря на разницу характеров и интересов, самая нежная, самая тесная дружба связывает их, сестру и брата, вырастая и усиливаясь с каждым годом.

Позже эта дружба найдет себе обоснование в тождестве их вкусов и в тех чертах, которые дают право называть Маргариту выдающейся представительницей Возрождения, а Франциска – королем Возрождения (хотя, может быть, по справедливости, он не заслужил этого почетного имени).

Маргарите было 12 лет (в 1504 году), когда она впервые появилась при дворе Людовика XII вместе со своим братом, носившим теперь, в качестве первого принца крови, титул герцога Валуа, пожалованный ему три года тому назад королем. С каждым годом становилось все вероятнее, что престол перейдет от Валуа-Орлеанов к Валуа-Ангулемам, и взоры патриотов с любовью останавливались на 11-летнем Франциске и его молодой матери, заботливо воспитывавшей его для будущей славы.

Поскольку сыновья Людовика XII умирали в младенчестве, а его старшая дочь, которой исполнилось уже 6 лет, по Салическому закону[9] не могла быть преемницей своего отца, глухая вражда королевы Анны и графини Луизы Савойской приняла вполне определенную форму зависти и соперничества, что не давало покоя ни спесивой королеве, ни честолюбивой матери наследника престола. Королеве было о чем думать и беспокоиться: здоровье короля ухудшалось, а после его смерти она снова станет лишь герцогиней Бретонской, тогда как ее ненавистная соперница, какая-то графиня Ангулемская, гордо вступит на ее престол вместе со своим сыном и, конечно, разделит с ним власть, до сих пор принадлежащую ей, королеве Анне, гораздо больше, чем Людовику.

Эти мысли приходили в голову не только Анне, но и Луизе – для графини они были так же приятны, как для королевы тяжелы. В ее журнале[10] (Journal de Louise de Savoie) находится следующая пометка:

> Анна, королева Франции, в день св. Агнессы, 21 января, разрешилась от бремени сыном, но он не мог помешать возвышению моего цезаря, ибо вскоре умер (car il avait faute de vie).

Несмотря на весь лаконизм этих строк трудно не заметить в них более чем равнодушное отношение Луизы к горю королевы-матери; горе одной оборачивается радостью для другой, способствуя достижению высокой цели – чтобы ее сын Франциск стал королем. А эта цель была уже близка. В апреле 1506 года Людовик серьезно заболел и поэтому повелел выдать свою старшую дочь замуж за наследника престола, Франциска Валуа, – наперекор желанию королевы и во исполнение заветной мечты своих подданных. Анну заставили присягнуть в том, что она не будет действовать (ни теперь, ни в дальнейшем) против воли короля, и 21 мая состоялось обручение 12-летнего Франциска и 7-летней Клод. Это событие стало национальным торжеством Франции.

Через два года в журнале Луизы появляется следующая запись:

> 3 августа 1508 года, в царствование короля Людовика XII, мой сын уехал из Амбуаза ко двору и оставил меня в полном одиночестве.

С этого времени для юного Франциска началась школа придворной жизни. Весь маленький круг его товарищей, будущих его сотрудников и министров, переехал вместе с ним к королевскому двору. В те времена (в XIII–XVI веках) дети рано становились взрослыми и, вероятно, от этого рано и старились. К примеру, на первой же странице мемуаров маршала Флеранжа (Fleurange) мы встречаемся с описанием того, как автор, которому только что исполнилось 9 лет, уехал в Блуа, ко двору Людовика XII, намереваясь поступить к нему на службу. Король, с серьезным видом выслушав речь мальчика, ответил ему:

– Мой сын, вы слишком молоды, чтобы мне служить, поэтому я вас отправлю к Франциску, принцу Ангулемскому, в Амбуаз.

Флеранж возразил королю:

– Я поеду туда, куда Вы мне прикажете. Мне достаточно

возраста, чтобы служить Вам и чтобы идти на войну, если Вы того пожелаете (Je suis assez vieil pour vous servir).

Король отправил Флеранжа к Луизе Савойской, графине Ангулемской, и с этих пор между ним и Франциском завязалась дружба на долгие годы. Через несколько лет они, уже вместе, вернулись ко двору, для того чтобы закончить здесь свое воспитание и обучиться военному делу. В чем заключалось это придворное воспитание, можно представить по мемуарам герцога Бульонского, которые хотя и относятся к более позднему времени, но отчасти могут служить и нам.

> Я находился при дворе с 10 до 12 лет, воспитываемый и обучаемый моим гувернером. Он обращал мое внимание на самых знатных особ двора, указывая тут же на благородные поступки их и скрывая от меня худые, а если последние бывали мною замечены, он тотчас же отмечал мне их пагубные последствия, дабы я стремился их избегать. У меня не было других учебных занятий, кроме чтения некоторых рассказов, выбираемых для меня моим гувернером, но зато его поучительные наставления мне были очень полезны. Так я провел два года, обучаясь верховой езде, военному искусству и танцам.

После того как мальчик получит лоск придворного кавалера, ему остается только отправиться на войну, чтобы там, на поле брани, выказать свое умение и храбрость, физические свойства, делающие хорошим солдата, и нравственные качества, создающие великого полководца. Военная служба – это цель, к которой стремится всякий дворянин с самого раннего возраста.

Родители юных воинов, конечно, не всегда соглашались отпустить своих сыновей на войну и создавали всевозможные препятствия, вроде того, например, что не давали денег, чтобы снарядиться в поход. Это не помогало. Брантом рассказывает, что молодой Строцци, сын знаменитого маршала (кузена Екатерины Медичи), не имея нужных ему денег, украл у своей матери кое-какую серебряную утварь. Маршал, узнав об этом проступке и о поводе, по которому он был совершен, сказал: во всяком другом случае он повесил бы своего сына за воровство, однако, принимая во внимание, что это было сделано из славного и похвального желания «увидеть войну», прощает его и простил бы еще большее преступление ради сего важного повода. Таково отношение людей той эпохи к войне и к военной службе. Таковы те понятия и взгляды, которые приобретает Франциск при дворе своего дяди; воспитанный в такой атмосфере, он при первой возможности

бросится в самый пыл битвы и так же, как его товарищи, будет находить, что единственное достойное его занятие – война.

Королевская резиденция Блуа

Между тем Маргарите минуло 17 лет (в 1509 году). Ее нельзя было назвать красивой, но она владела в высшей степени тем, что называют словом «шарм», и это заставляло современников не замечать неправильность черт ее лица, обрамленного темными волосами. Она очень походила на своего брата и являлась типичной Валуа: как у всех представителей этого рода – ослепительный цвет кожи, длинный нос, карие живые глаза и крупный, немного насмешливый рот. Современники считали Франциска красавцем. Красота Маргариты заключалась не в чертах лица, а в том выражении, которое имело ее лицо; в тех мыслях, которые горели в ее глазах; в той ласковой, доброй улыбке, которая убирала насмешливую складку губ; наконец, в мягком, благозвучном голосе, «будившем все нежные струны сердца».

Высокая и стройная, изящная и величественная в каждом своем движении, она, по словам видевших ее, производила всегда неотразимо чарующее впечатление. Так, Иларион де Кост (Coste) говорит:

> Она выделялась не только своими знаниями, но также изяществом своей одежды и красотой своей речи.

Речью она владела в совершенстве. Любила красиво одеваться и при этом была «живой, остроумной и прекрасно образованной». В эпоху, когда во Франции еще не свергли иго схоластики, хотя борьба против нее длилась уже целый век, когда правило «Что по-гречески, то не читается» (Graecum est, non legitur; эта фраза принадлежит знаменитому юристу Аккурцию, который по-гречески не понимал и потому оставлял без объяснения все греческие цитаты) внушалось даже в школах, когда священнослужители с кафедры не стыдились говорить, что «недавно открыт новый язык, называемый греческим, которого следует очень избегать, ибо он порождает все ереси», – в такую эпоху Маргарита с увлечением читала Софокла в подлиннике, интересовалась вопросами теологии и, чтобы лучше понимать их, в конце концов занялась даже еврейским языком под руководством знаменитого ориенталиста (востоковеда) того времени Парадизио, по прозванию Каносса.

В 1509 году Маргарита вышла замуж – не по любви, и даже не по склонности. Ее просто «выдали» за герцога Алансонского, чтобы этим закончить земельную тяжбу между ее братом (как наследником Ангулемским) и герцогом. (Это была первая жертва, которую Маргарита принесла интересам нежно любимого брата. Ей впоследствии еще не раз предстояло жертвовать собой ради

прихотей эгоистичного Франциска.) Свадьба состоялась в Блуа с большой торжественностью, после чего молодые уехали в свое герцогство. С этого года и вплоть до Павийской битвы (в 1525 году) и мадридского плена Франциска в биографии Маргариты наступает для нас огромный пробел: не сохранилось почти никаких документов, позволяющих воссоздать сколько-нибудь подробно ее жизнь в этот период, так что приходится ограничиваться лишь отрывочными и случайными сведениями.

В самом начале 1514 года умерла королева Анна. Ее оплакивали только бретонцы и муж, который «надел глубокий траур и плакал 8 дней». Флеранж в своих мемуарах говорит, что смерть эта была очень приятна Франциску, ибо Анна ему во всем противодействовала и не было часа, когда бы эти два дома (королевский и Ангулемский) не враждовали между собой. Мы вполне можем поверить этому свидетельству близкого друга и товарища молодого наследника, хотя оно как будто не согласуется с записью, содержащейся в журнале Луизы:

> Анна, королева Франции, скончалась 9 января 1514 года, поручив мне свои имения и своих дочерей, даже Клод, [будущую] жену моего сына, которую я дружески воспитывала, как то всем известно.

Кроме Клод у Анны была еще дочь Рената, будущая герцогиня Феррарская, родившаяся в Блуа 29 октября 1510 года. Тот факт, что Анна поручает двух своих дочерей надзору Луизы, еще не доказывает ее доброго отношения к ней. Ведь Анна знала, что после ее смерти Клод выдадут замуж за герцога Валуа, и, стало быть, волей-неволей ее дочь попадет под руководство своей свекрови – Луизы Савойской. Умирая, она только как бы просила не переносить на детей того недоброжелательства, которое разделяло их, матерей. Страх, что, обретя власть, Луиза будет притеснять ее маленьких дочерей, вырвал у гордой королевы последнее завещание. И даже та настойчивость, с которой Луиза указывает на добросовестное исполнение ею последней воли покойницы, наводит нас на мысль о том, что в душе своей она не находила любви к двум сиротам.

Об обеих дочерях Людовика XII можно сказать, что их жизнь не была радостной. Старшую, Клод, выдали за Франциска в 14 лет. Добрая и ласковая, она, однако, никогда не могла добиться любви своего ветреного супруга, которого сама, кажется, горячо любила. Измученная нравственно и физически, она умерла в 1524 году. Королеву Клод искренне оплакивала не только золовка Маргарита, но и весь народ, в своем представлении присоединивший ее к другой несчастной королеве, Жанне (жене

Людовика XII), такой же заброшенной и покинутой человеком, которому слепая судьба вручила заботы о ней.[11]

Младшая дочь Людовика XII, Рената, болезненная и некрасивая, была выдана замуж за герцога Феррарского. Не найдя в замужестве ничего, кроме горя, она всей душой отдалась реформатскому движению и превратила свой двор в убежище для всех гонимых, повторяя то же, что делала раньше нее Маргарита во Франции, но действуя смелее и последовательнее. Этим двум женщинам обязано Возрождение сохранением многих и многих замечательных представителей эпохи.

Франциска Ангулемского и принцессу Клод обвенчали через четыре месяца после смерти королевы Анны, 18 мая 1514 года. Сейчас же после этого король Людовик XII задумал и сам жениться (в третий раз), для того чтобы иметь прямого наследника. Ему предложили в жены 16-летнюю принцессу Марию, сестру английского короля Генриха VIII; брак был заключен par procuration[12] 18 августа в Гринвиче. Мария прибыла во Францию с большой свитой, в которой, между прочим, находилась в качестве фрейлины знаменитая впоследствии Анна Болейн.[13] Франциск был послан в порт навстречу королевской невесте. Мария была так хороша собой, что 20-летний герцог тут же в нее влюбился. Но Мария высадилась на французский берег со своим любовником, молодым герцогом Саффолком; а в Абвиле ее с нетерпением ждал 52-летний супруг Людовик XII.

Карл Орлеанский и Мария Клевская (Шпалера XV века. Музей декоративного искусства. Париж)

В продолжение шести недель пиршества и балы беспрестанно сменялись турнирами и играми; король, не желая отставать от молодежи, принимал живое участие во всех увеселениях, а ночи проводил с женой. Его здоровье расшаталось и не выдержало: в конце декабря он занемог, и 1 января 1515 года его не стало.

Мечта Луизы исполнилась, о чем лаконично написано в ее журнале.

1 января 1515 года мой сын стал королем Франции.

Глава 2
Жажда удовольствий

Совсем новая эпоха – эпоха бурного развития культуры, ученого гуманизма, воскрешения классической древности – начинается для Франции со вступлением на престол молодого Франциска Валуа, знаменитого короля Возрождения. Возникает огромный интерес к античности: активно изучают классическую латынь (отказавшись от обедненной латыни Средних веков), издают многих античных авторов. Происходит оживление в издательском и переводческом деле. Франциск сам этому способствует: следит, направляет, дает советы (что издавать, что переводить). Теперь при королевском дворе часто можно видеть ученых, художников, поэтов. Строгая, экономная и скучноватая жизнь двора Людовика XII сменилась шумными беседами, веселым смехом и беспрерывными праздниками.

Мать короля, моложавая Луиза Савойская, живая, бойкая, остроумная и образованная, только теперь получила возможность жить так, как она любила и как до сих пор ей было возбранено враждебностью Анны. Проведя лучшие свои годы вдали от света, ограничив интересы только заботами о детях, и специально о сыне, которого она боготворила и на которого возлагала все надежды, она наконец увидела себя у цели, и все жертвы, ею принесенные, оказались искупленными. В журнале Луизы мы находим, например, такую запись:

> В день обращения св. Павла мой сын был помазан в Реймсском соборе; за это я славословлю божественное милосердие, щедро вознаградившее меня за все те бедствия и неудачи, которые обрушились на меня в мои ранние годы и в цвете моей юности. Смирение сопутствовало мне, и терпение никогда меня не оставляло.

Она торжествующе и гордо вступала фактически на престол вместе со своим сыном, быстро оттеснив его супругу – тихую, кроткую королеву Клод, о которой как-то забыли.

Простой народ все еще оплакивал своего «отца», добродушного Людовика XII, а дворянство уже ликовало, радостно толпясь вокруг трона, на котором сидел теперь блистательный, истинно дворянский король (le roi-gentilhomme). В жизнеописании Баярда[14] говорится, что не было видано короля, которого дворянство любило бы больше, нежели

Франциска I.

Природа щедро наградила его: он был высокого роста, отлично сложен, одинаково ловок и силен во всех рыцарских упражнениях. Современникам Франциск казался красавцем. Талантливый, веселый, задорный, с пылкой фантазией, смелый до безрассудства (сохранился рассказ о том, как Франциск убил дикого кабана с опасностью для собственной жизни), страстный любитель приключений, несколько хвастливый, всем интересовавшийся и все желавший знать (но знать без особого труда, потому что схватывал многое на лету и никогда ни во что серьезно не углублялся), влюбчивый и переменчивый, – он являлся типичным представителем галлов, какими их видел и описал еще Юлий Цезарь. О внешности Франциска сообщали венецианские послы в своих подробнейших донесениях сенату. Он одевался всегда очень роскошно в противоположность своей сестре, которая любила больше всего простое черное платье. Его одежды бывали затканы золотом и усыпаны драгоценными камнями. Воспитанный среди женского общества, хотя и под надзором гувернеров, с колыбели избалованный страстной любовью матери и сестры, Франциск ступил в 20 лет на широкую дорогу славы и почестей.

Франциска манила Италия. Принимая венецианских послов, явившихся поздравить его по случаю вступления на престол, он дает им честное слово дворянина, что не позже, как через год, явится в Ломбардию. И вот увеличиваются налоги, увеличивается войско, подтверждаются мирные договоры со всеми друзьями и союзниками. Франция, со своим юным королем во главе, готовится к великому Итальянскому походу, к завоеванию Милана.

Единственные горные проходы в Италию оказались заняты врагами, и французам пришлось создавать новый путь, то есть предпринимать дело неслыханной трудности и опасности. Но они не остановились перед этим: взрывали и буравили скалы, перебрасывали мосты через бездонные пропасти или, обвязавшись веревками, вбивали столбы и строили деревянные крытые галереи, чтобы провести пугающихся лошадей. И по этим мостам и галереям, висевшим в воздухе, сколоченным на живую нитку, прошла вся артиллерия и множество одетых в латы и кольчуги всадников. Но когда такой способ казался слишком опасным и боялись, что легкие сооружения не выдержат, тогда пушки на блоках спускали в бездны и потом с неимоверными усилиями вытаскивали на противоположные вершины.

На пятый день французская армия, перевалив через горы, была в Ломбардии. Она явилась так неожиданно, и переход, ею

сделанный, был связан с такими сказочными препятствиями, что итальянцы едва верили своим глазам: уж не с неба ли свалились французы? «Они свалились почти что с неба – они спустились с Альп», – написал Мишле.[15]

13 сентября 1515 года произошла знаменитая Мариньянская битва, сразу увенчавшая Франциска лавровым венком. Благодаря ей на него обратила внимание вся Европа и он из короля-рыцаря сделался народным героем. Теперь его счастливые мать и сестра, а с ними и все соотечественники величали юного короля Цезарем, победителем швейцарцев. Побежденная Италия лежала у его ног, и, казалось, мечта его предшественников осуществилась. Папа Лев X, видя себя совершенно беззащитным, готов был согласиться на какие угодно требования и уступки. Франциск становился истинным хозяином полуострова. Но он не понял выгод своего положения и не сумел ими воспользоваться. Вместо того чтобы прямо двинуться на Рим и Неаполь, которыми ему так легко было завладеть, король позволил уговорить себя не предпринимать больше ничего решительного и навсегда упустил случай укрепиться в Италии.

Канцлер Дюпра вступил в переговоры с двумя кардиналами относительно духовенства и уничтожения прагматической санкции, а Франциск в последних числах января 1516 года вернулся на родину, сделавшись страстным поклонником Италии и великолепного папы, явившегося перед ним с целой свитой художников и артистов. Таким образом, Итальянский поход, несмотря на многообещавшее начало, не дал Франции никаких материальных выгод. Но так же, как и прежние походы на Апеннинский полуостров (может быть, даже гораздо больше, чем все они), этот поход имел важное культурное значение.

Карл VIII *открыл* Италию для Франции, как сказал один историк, а Людовик XII *сблизил* Италию с Францией; Франциск I *перенес* Италию во Францию. Блеск, которым вдруг засверкает Франция в XVI столетии, заимствован ею из Италии; он передан сюда Леонардо да Винчи, Рафаэлем, Бенвенуто Челлини и другими великими итальянцами.

Французы перенимают у итальянцев все новое и интересное в архитектуре, скульптуре и живописи, а также в литературе – например, широкое распространение получают такие литературные формы, как сонет и новелла (новелла принесена была в Италию из Франции, но Италия сделалась второй родиной новеллы, которая достигла совершенства под пером Джованни Боккаччо). Новшества касаются общественно-политической и частной жизни. Становится модно «жить по-итальянски».

Франциск I, нагостившись у итальянской знати, вернулся в

свое королевство возмужалым, гордым и жаждущим удовольствий.

– Двор без женщин – что весна без цветов! – заявил юный король и разослал приглашения во все замки и бурги (городки), предложив французскому дворянству пожаловать к нему с сестрами, женами и дочерьми. Все радостно отозвались на призыв Франциска и без сожаления променяли свои родовые хоромы на тесную комнатку в королевском дворце; свою однообразную, замкнутую жизнь – на шумное веселье придворных праздников.

Конечно, дамы при дворе были и раньше, но они не принимали того активного и непосредственного участия в придворной жизни, которое стало привычным в XVI веке. Все они состояли на службе у своей государыни; она, взяв на свою ответственность дочерей лучших домов Франции, строго следила за их поведением, заботливо охраняя их доброе имя. Так было при Анне Бретонской и так же относилась к этому ее дочь, Клод. Однако Клод была слишком мало королевой, чтобы иметь хоть какое-нибудь влияние на то, что делалось при дворе.

Действительной, полновластной королевой была Луиза, герцогиня Ангулемская, графиня Савойская. Она одна могла бы, если бы хотела, уберечь французский двор от той испорченности, распущенности, что очень быстро развилась в нем и разрасталась все больше и больше, доведя его до критического положения в царствование последних Валуа. Луиза могла повлиять на сына, который любил ее и беспрекословно подчинялся ей. Но Луизе было 39 лет, а из-за темперамента и подвижности своей она казалась гораздо моложе. Ей самой, как и Франциску, нравилась веселая и беззаботная жизнь, полная удовольствий и развлечений.[16] Теперь Луиза, графиня Ангулемская, предъявляла к нравственности других такие минимальные требования, что невольно наводила на мысль о том, что и по отношению к ее нравам нужна такая же снисходительность. Почти все историки рисуют Луизу с очень невыгодной стороны и приписывают ей пагубное влияние как на сына-короля, так и на дела Франции, в которых она участвовала до самой смерти (в 1531 году).

В своей «Истории Франции» (Histoire de France. Paris, 1615) Ф. де Мезере (Mézeray) пишет:

> Вмешательство женского элемента в придворную жизнь имело вначале очень хорошие последствия. Прекрасный пол ввел при дворе вежливость и услужливость и заронил искру великодушия в благородные души. Но вскоре затем нравы испортились;

назначения и милости распределялись по усмотрению женщин; они были причиной того, что в правительственных сферах привились плохие правила и древнее галльское чистосердечие скрылось еще глубже, чем целомудрие.

Действительно, прекрасные дамы, приехав из захолустья и получив значительную свободу действий, очень быстро осваивались при дворе, и происходило «вмешательство женского элемента». Времяпрепровождение и забавы стали несколько иными, чтобы женщины могли принимать в них участие. Постепенно складывается светское общество. Некоторые дамы держат салон – здесь, конечно, царствует женщина, здесь ведутся остроумные беседы и в недалеком будущем сосредоточится художественно-литературная жизнь страны. Доступ в это царство открыт каждому уму, каждому таланту; но формы, в которые отливаются ум и талант, должны быть отшлифованы, и тогда слова не оскорбят ничьего слуха, образы не осквернят ничьего воображения. Собираясь вместе в парадных гостиных блистательных женщин Франции, мужчины (сам король, а также военные, царедворцы, прелаты,[17] ученые, художники и поэты) начинают проникаться правилом, которое сто лет спустя выразил в стихах Лафонтен:

Qui pense finement
Et s'exprime avec grâce,
Fait tout passer – car tout passe.[18]

Однако должно было пройти какое-то время, чтобы изменилось представление о том, что прилично, а что уже недопустимо. Истории, которые при Франциске I считались облеченными в приемлемую форму и которые никого из образованных людей не шокировали, в конце того же XVI столетия казались уже неудобными для чтения вслух или пересказа. Такова, между прочим, и судьба «Гептамерона», написанного Маргаритой Ангулемской и послужившего одним из главных оснований для ошибочных утверждений о легкомысленном поведении самой королевы. В представлении позднейших читателей это произведение сливалось с автором, и Маргарите (скромной, набожной сестре Франциска I) были приписаны свойства и качества, которыми она обрисовала многочисленных и разнообразных действующих лиц своих рассказов. Это случилось, например, с историком Ф. Шлоссером,[19] который в своей «Всемирной истории» обрисовал Маргариту

самым ложным образом.

У Франциска I еще нет постоянной резиденции, и хотя Париж уже значится столицей государства, но король бывает в нем недолго. В сопровождении своего двора он перекочевывает из одного города или замка в другой. Марино Джустиниано, венецианский посол, рассказывает, что за четыре года, пока длилась его посольская служба во Франции, двор всегда путешествовал, нигде не останавливаясь более двух недель: «Vagando sempre per tutta la Francia!».[20]

Вот как знаменитый скульптор Бенвенуто Челлини описывает в автобиографии одно из таких путешествий:

> Мы следовали за двором со всевозможными приключениями. Королевский поезд требовал всегда больше двенадцати тысяч лошадей, потому что в мирное время, когда двор в полном сборе, в нем насчитывают восемнадцать тысяч человек. Иногда мы останавливались в местечках, где было всего-навсего два дома; тогда разбивались парусинные палатки, наподобие цыганских, и часто приходилось очень страдать в этих помещениях…

Кочевой образ жизни немало вредил ходу государственных дел, к которым, кстати сказать, Франциск не чувствовал большой склонности. Он ограничивался только повелениями, не входя в рассмотрение того, насколько они исполнимы и исполняются, и предоставлял все управление фаворитам и советникам, которые почти всегда злоупотребляли своей властью.

Глава 3
Свет знаний

Франция и Италия близки не только территориально, но и по культурно-историческому развитию. XVI век во Франции соответствует XV веку в Италии: это полный расцвет духовных сил человека, сбросившего с себя все оковы прежних времен. Европа ожила после тяжелого, мрачного Средневековья. Великие географические и научные открытия произвели переворот в мировоззрении людей и установили совсем иное соотношение между человеком и природой. Критик Эмиль Фаге (Faguet) в своей работе «Шестнадцатый век» (Seizième siècle. Études littéraires. Paris, 1894) замечает:

> Маленькая земля Средних веков, неподвижно укрепленная среди низкого неба, опрокинутого над ней, с Богом-отцом, находящимся над людьми здесь, совсем близко, – все это внезапно изменилось.

Небо расширилось и утратило пределы; земля стала еще меньше, чем она была, и, притягиваемая какой-то таинственной силой, с неимоверной скоростью понеслась в неведомые пространства. Сам человек из царя и господина превратился в ничтожное существо, затерянное в маленьком уголке бескрайнего мира. Искание Бога пришло на смену непосредственному ощущению его близости. Это одна из характерных черт нового времени. «Для мощных умов и для великих душ Бог, сделавшись бесконечно далеким, стал и бесконечно вели ким, но мощные умы и великие души так редки», а остальные, потеряв наивную веру (которая согревала их дедов и прадедов), любовь и непосредственное чувство к Богу, ничем не заменили этой потери. Искать Бога было некогда, и потому люди стали жить без Него. Общий упадок веры засвидетельствован всеми современниками. Вера уступила место суеверию. П. Готье (Gautiez), характеризуя XVI век, говорит: «Большинство верило во все, меньшинство же не верило ни во что». Последнее не совсем верно. Меньшинство верило в знание и жаждало его, верило в истину и стремилось к ней.

Правда, были люди, которые, отказавшись от истины в той форме, в которую облекало ее католичество, не признали и той формы, которую предлагало протестантство. Но, отвергая эти формы, они не отвернулись от самой сущности, не удовольствовались одним лишь скепсисом, этим первым шагом

сознательного и внимательного отношения ко всему окружающему. Люди, разрушившие то, что им казалось ложным и вредным, не остановились на этом. Они искали истину, а потому возникло сильное увлечение древней философией.

В античные времена люди уже пережили то, что предстояло пережить теперь. Сначала они ощущали божество вблизи себя, оно являлось им, они любили его; потом оно скрылось. И тогда люди стали искать его и оставили нам великие (классические) труды своих исканий. Эти труды воспринимались людьми Возрождения как памятники, как святыни. Но прежде чем приняться за изучение философских систем Древнего мира, нужно было освоиться с его языком и обычаями. Помочь в этом могла литература. И вот лучшие умы Франции (Бюде, Доле, Ватабль и другие)[21] погружаются в изучение греческих и латинских авторов. Активно выступают ориенталисты: к двум классическим языкам присоединяются вскоре языки еврейский, халдейский и арабский. Студенты усердно посещают лекции Парадизио, Алеандра и Ласкариса,[22] и вскоре ученики затмевают учителей.

Из этих учеников особенно был славен Бюде. Овладев всей тогдашней наукой, он стал предметом гордости и удивления не только для Франции, но и для всей ученой Европы. Эразм Роттердамский называл немолодого уже Бюде «чудом Франции». Итальянский историк Гвиччардини[23] говорил, что «Бюде – первый между современниками по знанию греческой и латинской литературы». Ему принадлежит колоссальный труд, легший в основание всех последующих трудов подобного рода: «Комментарии греческого языка» (изданы им в 1529 году); в предисловии ученый напоминает королю Франциску I о его давнем обещании; данное всему «учащемуся юношеству» через два года после вступления на престол, в 1517 году, оно сулило основание нового королевского училища[24] в противовес старому университету,[25] хранителю схоластической науки, и было исполнено лишь по прошествии нескольких лет.

Не имея ни силы воли, ни энергии, ни времени для того, чтобы правильными занятиями пополнить многочисленные пробелы своего образования, Франциск нашел другой способ для этого: он очень ценил и любил общество ученых, писателей и поэтов, деятелей искусства, которыми постоянно окружал себя и из разговоров с которыми, не учась, узнавал многое.

Вот что, в частности, рассказывает очевидец, П. Галан Шатлен (Chastellain):

> За обедом, во время прогулок или остановок среди

путешествий продолжались поучительные беседы либо литературные споры, так что присутствовавшим за его столом казалось, что они находятся в какой-то школе философии.

То же подтверждает и Жак де Ту[26] в своей «Всемирной истории» (Histoire universelle. Paris, 1734):

> Франциск I бывал постоянно окружен учеными, беседующими с ним, обыкновенно за обедом, о разных диковинных вещах, о которых он слушал с величайшим вниманием. Особенно любил он рассказы из естественной истории, и хотя совсем не был учен, однако так умел пользоваться обществом знающих людей, что прекрасно усвоил все, что писали древние и новые авторы о зверях, растениях, металлах, драгоценных камнях, и судил об этих предметах совершенно правильно…
>
> У короля в Фонтенбло была прекрасная библиотека, для которой он не жалел решительно ничего, и посылал в Италию, Грецию и Азию, чтобы там собрать или списать редкие сочинения… Эта библиотека была поручена знаменитому Бюде, которого Франциск извлек из школьной пыли, покрыл почестями, ценя его великий ум и знания.

В 1517 году Франциск (под несомненным влиянием Гийома Бюде и Маргариты Ангулемской) решил основать высшую школу специально для обучения древним языкам. Для того чтобы сразу поставить эту школу на надлежащую научную высоту и дать ей возможность успешно бороться с завистливой и консервативной Сорбонной,[27] враждебно смотревшей на обновленную науку, восставшую от долгого сна и нетерпеливо отряхавшую пыль схоластики, – решено было обратиться к гордости и украшению тогдашней ученой Европы, к Эразму Роттердамскому. Бюде, который сам мог бы претендовать на пост директора будущего учебного заведения, бескорыстно взялся помочь королю устроить это дело. Между французским и голландским учеными завязалась переписка (первое письмо Гийома к Эразму датировано 5 февраля 1517 года), однако она ни к чему не привела. Эразм не согласился променять свою свободу на хотя и почетную, но зависимую жизнь при французском дворе. Он вообще не доверял монархам. Их любовь выбирать для своих эмблем всяких хищников (львов, орлов, леопардов и т. п.) наводила его на грустные размышления:

> Из всех птиц мудрецы выбрали только орла – как подходящую эмблему для королевской власти; между тем у него нет ни красы, ни пения; зато он хищен, кровожаден, забияка, опустошитель, всеобщий бич, всеми равно ненавидимый и одинокий. У него громадная возможность всем вредить, а желания это делать еще больше.

Эразм отказался, и осуществление королевского плана отодвинулось на несколько лет. Только в 1530 году выступают на сцену блестящие преподаватели, «королевские лекторы», как их тогда называли. Сначала открылись кафедры греческого и еврейского языков с двумя профессорами по каждой: Данес и Туссен – по греческому языку, Гвидачериус и Ватабль – по еврейскому. С 1531 года к последним двум присоединился Каносса.

Эразм Роттердамский

Позже заработали другие кафедры: в 1534 году – кафедра латинского красноречия, в 1538-м – восточных языков, в 1542-м – философии. Преподавали также математику и медицину.

Молодая наука совсем отделилась от схоластики и, предоставив последней университет, нашла себе приют в новой школе и покровителя в лице короля. Он сам назначал

профессоров, чаще всего следуя указаниям своей сестры и Бюде; сам определял им жалованье. Почти уже перед смертью Франциск обдумывал план расширения и увеличения своей школы, для которой предполагалось приспособить целый дворец, чтобы там помещалось 600 учеников, и на все расходы предназначался капитал в 50 тысяч золотых экю. Заветная мечта гуманистов создать храм истинной науки наконец осуществилась.

Жак де Ту пишет:

> Новые профессора рассеяли мрак невежества, и истина восторжествовала вместе с науками, в которых она заблистала не только по всей Франции, но и по всей Европе. Так Франциск справедливо заслужил славное имя отца и покровителя наук.

Это имя осталось за ним в истории. Монтень[28] считает необходимым подчеркнуть: «Мой отец был согрет тем новым огнем, который возжег Франциск I». Король до конца своих дней не переставал заботиться о своей школе. Нередко он приезжал вместе с Маргаритой послушать лекции кого-либо из профессоров; все знали его интерес к наукам, и эти посещения никого не удивляли.

Вместе с высшим учебным заведением и как бы в дополнение к нему была основана Франциском и королевская типография, в которую давал свои шрифты знаменитый типограф и гуманист Робер Этьенн.[29] Король любил навещать его. Р. Крапле (Crapelet) в работе «Робер Этьенн, королевский типограф, и король Франциск I» (Robert Estienne, imprimeur royal, et le roi François I. Paris, 1839) рассказывает:

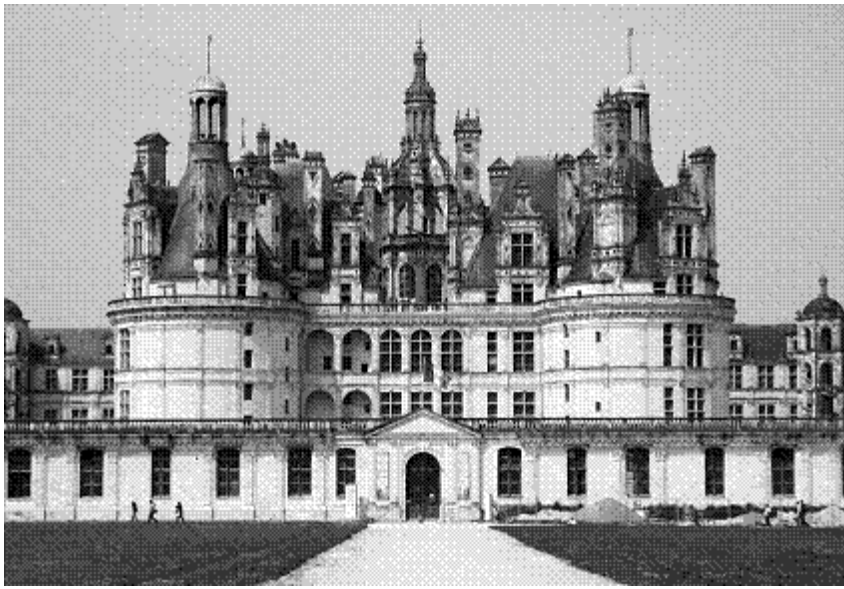
> Случалось, по темной узкой каменистой улице проезжал красивый, статный всадник, с целой свитой пажей, оруженосцев и важных сановников. Иногда вместо всадника ехала прекрасная дама со свитой, еще более блестящей. Эти кавалькады медленно двигались по улице St Jean de Beauvais и, остановившись перед маленьким скромным домиком, входили к типографу Роберу Этьенну. Статный всадник оказывался Франциском I, прекрасная дама – его сестрой, любезной, остроумной и столь же образованной, сколь и привлекательной Маргаритой. Во время этих посещений общий разговор, за исключением технических объяснений, всегда велся по-латыни.

Любовь, которую Франциск питал к науке и ее

представителям, покровительство и ласка, которые он неизменно оказывал ученым, были вполне искренни и создали ему прочную славу в потомстве. Но, пожалуй, еще больше, чем науками, интересовался он искусством и радовался тому, что являлся современником таких мастеров, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Андреа дель Сарто. Прирожденное чувство прекрасного вместе с сильной впечатлительностью и восприимчивостью дали возможность королю за время его краткого пребывания в Италии оценить красоту и величие ее сооружений и художественных сокровищ. Он вернулся оттуда в восхищении от художников, а они, в свою очередь, восторгались французским королем, который так чутко отнесся к произведениям искусства и так высоко умел ценить их и так горячо и непосредственно высказывал свой восторг и к ним самим, к художникам; они не в силах были не поддаться его обаянию.

Франциск I любил «искусства и их жрецов» не только как король, но и просто как человек – со всей непосредственной симпатией и горячностью. Результатом этого отношения было появление во Франции итальянских художников. Рафаэль написал для Франциска и прислал ему несколько картин. Когда их привозили во Францию, король устраивал им торжественные встречи – наподобие того, как когда-то его предки встречали святыни, привозимые крестоносцами с Востока. Интересуясь также архитектурой и скульптурой, он выделял немало денег на различные сооружения, о чем свидетельствуют, между прочим, венецианские послы:

> Его Величество тратит необыкновенно много на всякого рода драгоценности, мебель, устройство садов и возведение дворцов… Несомненно, что величие и роскошь Франциска I затмевают совершенно всех королей, его предшественников. Он основал большую часть королевских резиденций Франции, а те, которые существовали до него, он значительно исправил и украсил. Последующие государи обязаны его стараниям и вкусу драгоценнейшими статуями, картинами, тканями и редкой мебелью, украшающей их апартаменты и обогащающей их кабинеты.



Шамборский замок

Из наиболее интересных архитектурных памятников эпохи Франциска I можно назвать два замка: Шамбор и Фонтенбло, на которые король потратил значительные средства и которые являются образцами двух направлений – французского и итальянского.

Анри Мартен (Martin) говорит:

> Национальная архитектура, побеждаемая все возрастающим влиянием Италии, казалось, собрала свои последние силы, чтобы создать нечто поразительно самобытное и оригинальное – Шамборский замок.
>
> Трудно вообразить, сколько было фантастической поэзии во французском искусстве XVI столетия; трудно описать этот замок фей, на глазах путешественника вырастающий из глубины печальных лесов Солоньи со всеми своими башенками, шпицами, ажурными колоколенками, куполами и террасами. Он походит на какой-то волшебный колоссальный цветок. Повсюду на стенах лепная работа; увенчанные королевской короной буквы F [от François – Франциск] переплетаются с таинственными саламандрами [саламандра – эмблема короля Франциска, а девиз его – Nutrisco et extinguo[30]], горящими и пышущими огнем.

Только в XIX веке узнали имя архитектора, создавшего этот удивительный памятник и забытого потомками; это Пьер Нёвё

(Neuveu). Он не нашел в короле достаточно тонкого ценителя своего оригинального таланта: Франциск, увлеченный в это время Италией и всем, исходившим из нее, не покровительствовал национальному искусству. Его внимание было целиком обращено на Фонтенбло, который в начале 1530-х годов сделался обителью целой колонии итальянских мастеров. Фонтенбло начал перестраивать в 1528 году Себастьано Серлио. В 1532 году там работал Россо, в 1541-м – Приматиччио. Там же находились постоянно Никколо дель Аббате, Паоло Понче Требати, Виньоле, Палладио и Бенвенуто Челлини.

Замок Фонтенбло

В подражание королю, а отчасти и по собственному почину многие стали перестраивать свои старые феодальные замки на новый лад, украшать их внутри и снаружи, собирать картины, утварь и статуи. Даже соборы и церкви не удержали прежнего стиля. Языческие тенденции возродившегося мира классической древности проникли под высокие своды готических церквей: нимфы и сатиры, украшенные венками и цветами, стали поддерживать кафедры проповедников Евангелия; легкие арабески и причудливые гирлянды побежали вдоль по карнизам, обвились вокруг колонн, теряясь в прохладном полумраке таинственных и глубоких сводов. Так Возрождение побеждало Средние века: они умирали и уходили в глубь времен.

Люди Возрождения, люди XV–XVI веков, поклонялись красоте почти так же, как греки и римляне. А. Мартен уточняет:

Искусство, спустившись с небесных высот XIII века,

> овладевало всеми мелочами жизни и облагораживало их: элегантный и грациозный костюм, оригинальная и изящная мебель, великолепно отделанное оружие – все гармонировало между собой. Всякий ремесленник становился художником.

Любовь Франциска к произведениям искусства целиком разделялась его сестрой. Вместе с ним Маргарита охотно посещала мастерские художников и впоследствии, сделавшись королевой Наваррской, предприняла в своих резиденциях (в По и Нераке) целый ряд работ, для которых выписывала архитекторов и художников. Она обладала тонким художественным чутьем и замечательным образованием. Брантом[31] подчеркивает:

> Она имела высокое положение при дворе и обычно беседовала с людьми наиболее учеными в королевстве брата, а они уважали ее так, что называли своим Меценатом.[32]

Будучи герцогиней Алансонской и проводя большую часть времени при дворе своего брата, где она играла одну из первых ролей, Маргарита не могла не поддерживать и не развивать в короле тех черт и качеств характера, которые делали его для всех чрезвычайно привлекательным и заставляли прощать ему то, что всякому другому поставили бы в упрек. Ее называли «добрым гением» Франциска, и это не преувеличение. Все те деяния короля, которые принесли ему славу, задумывались и совершались с участием его сестры.

Ее ровный и мягкий характер, бескорыстная преданность королю, отсутствие каких бы то ни было мелочных и низких побуждений, удивительно светлый и проницательный ум, о котором знали и говорили не только во Франции, – это давало ей большую власть над братом, безусловно верившим ей. Она одна умела гасить вспышки раздражения, нередко у него случавшиеся, могла укрощать его растущий деспотизм, всегда и неизменно являлась перед ним заступницей всех несправедливо преследуемых, гонимых. Под ее диктовку Франциск не раз писал приказ о помиловании и даровании свободы, вместо того чтобы подписаться под смертным приговором. Маргарита являлась его поддержкой и советником не только в культурных начинаниях, интересовалась не только науками и искусствами: она принимала деятельное и непосредственное участие в государственных заботах своего брата.

Вот что пишет о Маргарите один из венецианских послов:

> У Его Величества есть еще тайный совет… в котором участвует королева Маргарита, сестра короля; поэтому она должна всегда находиться при нем [Франциске], как бы это ни было для нее лично неудобно… я думаю, что она не только умнейшая среди всех женщин Франции, но и среди всех мужчин. Не буду о ней распространяться более в уверенности, что Ваши светлости [обращение к сенату] уже много о ней наслышаны. Смею, однако, Вас уверить, что относительно интересов и дел государственных никогда не услышишь более правильных суждений, чем ее.

Брантом рассказывает:

> Она так хорошо говорила, что все посланники приходили в изумление. Она очень помогала королю, своему брату. Послы всегда шли к ней по исполнении своего главного поручения, и очень часто, когда у короля были серьезные дела, он возлагал их на Маргариту, ожидая ее мнения и окончательного решения.

Нам придется еще говорить о тех дипломатических задачах, которые Маргарите предстояло разрешить после несчастной Павийской битвы, а то участие, которое она принимала, по мере сил и возможности, в политических и военных предприятиях своего брата, достаточно ярко выразилось в многочисленных ее письмах – как к королю, так и к маршалу Монморанси.[33]

А пока заглянем в залы королевского дворца. Здесь рядом с принцами крови, с гордыми титулованными феодалами, с прелатами и царедворцами мы видим дипломатов, съехавшихся со всех концов Европы, а также итальянских художников, французских артистов, поэтов и ученых, которые хотя и не могут похвастаться ни славными предками, ни богатыми родственниками, но перед их талантом почтительно склоняется сам король и его знатное окружение.

Одним из выдающихся поэтов XVI века является Клеман Маро. Он родился в Кагоре, в южном французском городке, в 1496 году. В 10 лет Клеман попал ко двору Людовика XII, у которого служил его отец, Жан Маро,[34] тоже поэт. Он-то вместе с двумя своими друзьями, Лемером и Кретеном,[35] внушил мальчику страсть к чтению поэтических произведений и желание самому попытать свои силы на литературном поприще. Позднее Клеман поступил в университет, но особенным прилежанием к сухой и скучной схоластической науке не отличался, а учился понемногу, «чему-нибудь и как-нибудь», проводя гораздо больше

времени в разных похождениях и увеселениях со своими товарищами.

Гийом Кретен вручает Франциску I свою книгу

Его несомненный ум и поэтический талант вместе с любовью к литературе, придворное воспитание, наложившее на его поведение отпечаток светскости, а также веселый и добродушный нрав – все это делало из него милого собеседника и приятного участника того кружка, который собирался у королевской сестры.

Многие исследователи отмечали, что Клеман Маро был истинным французом. К примеру, Д. Низар (Nisard) пишет о нем:

> Трудно себе представить что-нибудь более *национальное,* как та галантность, в которую он облекает свои любовные стихотворения. Великие страсти – будут ли они романтичны и мечтательны, как на севере, или бешены и чувственны, как на юге, – довольно редки между французами; галантность, то есть рассудочная страсть с небольшой дозой любви – вот любовь большинства.

Остроумие и чувство меры помогли К. Маро создать прекрасные произведения, заставили его выработать язык более выразительный, стих более гибкий, чем все то, что существовало до него. В особенности удавались ему коротенькие вещицы, мадригалы, в которых он безусловно не имел соперников.

Молодой поэт Маро был представлен Маргарите в 1519 году. Вскоре его зачислили к ней на службу со званием камер-юнкера (valet de chambre). Это событие оказалось определяющим в жизни К. Маро, поскольку именно под влиянием Маргариты сформировались в дальнейшем его эстетические вкусы и мировоззрение.

Довольно быстро между Клеманом и Маргаритой установились дружеские отношения, которые со стороны поэта принимали иногда даже оттенок какой-то страстности, что дало повод некоторым исследователям предполагать существование любви там, где ее, в сущности, не было. Несомненно, что К. Маро так же, как и другие лица, близко соприкасавшиеся с Маргаритой, находился вполне под обаянием герцогини. Чтобы лучше представить это, прочитаем фрагмент послания Жака Пелетье[36] к Маргарите:

> Поэты, умеющие… любить, ищут в тебе половину своей души. Их сердца дарят тебе ту способность любви, которую даровал им Господь… И твоими горько-сладостными милостями ты научаешь их любить все лучше и лучше… Твоя мягкость их ободряет, твое величие возбуждает жар в их груди, который мало-помалу убеждает их, что они *смеют* тебя любить. И так постоянно они возвышают свою душу до того величия, к которому стремятся.

Дружба с Маргаритой оказалась благодетельной для легкого и грациозного таланта Маро. Под воздействием того светлого чувства, которое он питал к своей государыне, произведения его получали изящную форму, приобретали мягкость, деликатность, какую-то тонкость в передаче малейших движений души. Среди его стихотворений мы находим довольно много обращенных к Маргарите. Он восторгается ею и воспевает ее как «чудо» за ее необыкновенный ум и талантливость, соединенные с другими достоинствами. Но все эти хвалебные творения не нарушают, однако, их простых, товарищеских отношений. Маргарита внимательно следит за всем, что появляется из-под пера поэта, ободряя его и поддерживая.

Вообще писать стихи тогда было в моде, и их писали решительно все, при этом в выборе тем нисколько не затрудняясь:

самые ничтожные случаи повседневной жизни излагались рифмованной прозой, носившей название стихотворения. Сама Маргарита охотно вступала в литературные поединки со своим другом.

В 1521 году К. Маро отправился в поход вместе с герцогом Алансонским, а в 1524 году он сопровождал Франциска I в Италию. В поэтических посланиях к Маргарите он мастерски передает суету военного лагеря, солдатскую речь, подробности военной походной жизни.

Церковники, обскуранты, воспользовавшись отсутствием короля (поход и плен), который тогда поддерживал гуманистов, начали травлю и преследование тех, кого подозревали в сочувствии протестантам. Одним из первых пострадал К. Маро – его арестовали будто бы за еретический образ мыслей. Маргарита в это время была далеко и не могла сразу помочь. Сведения об этом случае сообщает сам Маро в своей поэме «Ад» (l'Enfer). За него заступился епископ Шартрский, друг герцогини; он взял поэта на поруки и создал ему вместо тюремного заключения весьма приятную жизнь в своей епископской резиденции. Весной поэт получил свободу по приказанию Франциска, только что вернувшегося из Испании, а через год, по просьбе Маргариты, был зачислен на место своего умершего отца в камер-юнкеры короля.

Но ни горький опыт, ни королевская служба не угомонили Клемана Маро, хотя жизнь перестала его баловать легкими удачами. Принадлежа к тем людям, которые постоянно враждовали с косностью и схоластическим невежеством, Маро всегда казался подозрительным и опасным представителям и защитникам старины. Впоследствии даже его дружба с герцогиней Алансонской, явно ставшей в ряды реформатов и тем возбудившей к себе непримиримую ненависть Сорбонны, могла только компрометировать его в глазах охранителей чистоты католического вероучения.

В 1527 году Клеман снова попал в тюрьму, а в 1534-м, после истории с плакардами,[37] он, опасаясь серьезных преследований, бежал сначала в Беарн, к Маргарите, а потом еще дальше, в Феррару, к Ренате. Через два года, однако, сам король разрешил ему вернуться на родину, и последние свои годы он прожил совершенно спокойно, пользуясь громкой славой и расположением Франциска. Эта-то слава и погубила его, о чем мы расскажем в другом месте, а теперь вернемся назад и посмотрим подробнее, как жила сама Маргарита.

Глава 4
Гептамерон

Годы замужества мало изменили герцогиню Алансонскую. Конечно, Маргарита не была уже так беззаботна, как в юности, но то, что составляло ее прелесть, ее обаяние, осталось прежним: блеск и быстрота ума, простота и величественность в движениях. Только в лице появилась как будто строгость, а черные глаза казались грустными.

Утверждали (например, Вольтер), что она не выносила и презирала своего супруга. Это неверно. Напротив, многие сохранившиеся документы (письма и поэтические произведения Маргариты) свидетельствуют, что в их семейной жизни господствовали мир и согласие и что герцогиня заботливо и добросовестно исполняла все свои обязанности по отношению к супругу, который был, кажется, весьма к ней привязан. И все-таки она была одинока.

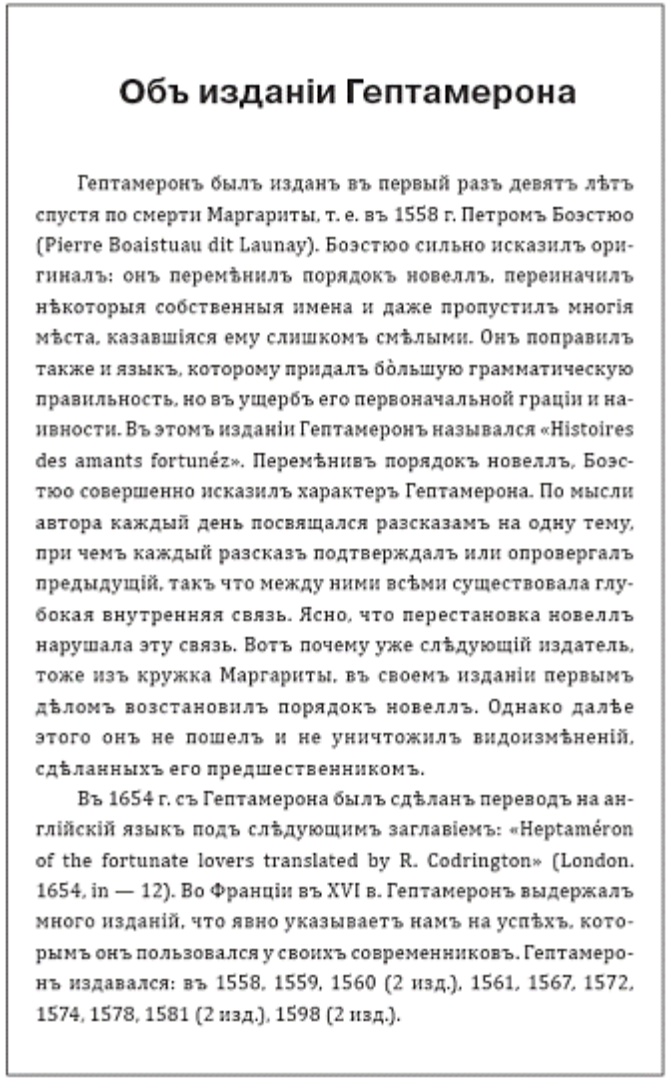
Человек, с которым связала ее судьба, жил рядом с ней, не понимая ее, поскольку не мог подняться до ее духовной высоты. Это тяготило Маргариту, но она научилась терпению, к тому же привыкла не думать о себе, забывать себя для других, и только иногда, случайно, бывало, что вырвется у нее какое-нибудь восклицание, подавленный вздох, выдавая истинное настроение ее души. Такое случалось в ее переписке с епископом Брисонне, который с 1521 года стал близким ей человеком, другом и наставником. В одном из писем Маргариты к нему мы наталкиваемся на простую фразу, звучащую искренне и с неподдельной тоской: «Как холодно, как леденеет сердце!» (Le temps est si froid… le cœur est glacé!)

Высокая и стройная, всегда, кроме особо торжественных событий, одетая в черное платье, с длинным черным же покрывалом на голове (Маргарита особенно любила черный цвет, по этому поводу даже написано ею стихотворение), герцогиня Алансонская резко выделялась на фоне придворного блеска и мишуры. Она неизменно являлась центром, к которому все стремилось. Честолюбивый могущественный герцог Бурбонский, владевший чуть не половиной всей Франции, и адмирал Бониве, легкомысленный Дон Жуан XVI века, любимец Франциска и его верный друг детства, были страстными поклонниками герцогини. Адмирал отважился даже на поступок, о котором рассказала сама Маргарита в «Гептамероне». Сделаем несколько замечаний относительно этого сборника новелл, сослужившего очень плохую

службу репутации Маргариты.

Она писала свои новеллы не для публики. Рассказы предназначались для тесного круга близких ей людей, друзей и знакомых. В то время был в большом ходу обычай, описанный и в «Декамероне» Дж. Боккаччо, и в «Гептамероне», – в дружеской компании коротать время, забавляясь поочередно рассказами. По указанию Маргариты один из ее секретарей, Антуан Ле Масон (Le Maçon) в конце 1530-х годов перевел «Декамерон» на французский язык (конечно, переводчик посвятил сей труд своей королеве), и это стало значительным событием. (Сборник был издан лишь в 1545 году, а до конца века выдержал около 20 изданий. «Декамерон» значит «десятидневник»; в книге выведены 10 лиц, которые ежедневно по очереди выступают в роли рассказчика – каждый рассказывает свою новеллу, так что за 10 дней было услышано 100 новелл.) «Декамероном» зачитывались при дворе, и даже у некоторых появлялось желание написать нечто подобное. Однако из всех попыток более или менее удалась только одна – это «Гептамерон» самой Маргариты.

Название «Гептамерон» было дано сборнику не автором, а издателем, усмотревшим тот же план, по которому написан и «Декамерон». Но сборник Маргариты остался неоконченным, так как события последних лет были слишком серьезны и тягостны для нее. Поэтому вместо нового «Декамерона» получился «Гептамерон», то есть «семидневник» (в сборнике Маргариты – 72 новеллы).



Объ изданіи Гептамерона

Гептамеронъ былъ изданъ въ первый разъ девятъ лѣтъ спустя по смерти Маргариты, т. е. въ 1558 г. Петромъ Боэстюо (Pierre Boaistuau dit Launay). Боэстюо сильно исказилъ оригиналъ: онъ перемѣнилъ порядокъ новеллъ, переиначилъ нѣкоторыя собственныя имена и даже пропустилъ многія мѣста, казавшіяся ему слишкомъ смѣлыми. Онъ поправилъ также и языкъ, которому придалъ бо̀льшую грамматическую правильность, но въ ущербъ его первоначальной граціи и наивности. Въ этомъ изданіи Гептамеронъ назывался «Histoires des amants fortunéz». Перемѣнивъ порядокъ новеллъ, Боэстюо совершенно исказилъ характеръ Гептамерона. По мысли автора каждый день посвящался разсказамъ на одну тему, при чемъ каждый разсказъ подтверждалъ или опровергалъ предыдущій, такъ что между ними всѣми существовала глубокая внутренняя связь. Ясно, что перестановка новеллъ нарушала эту связь. Вотъ почему уже слѣдующій издатель, тоже изъ кружка Маргариты, въ своемъ изданіи первымъ дѣломъ возстановилъ порядокъ новеллъ. Однако далѣе этого онъ не пошелъ и не уничтожилъ видоизмѣненій, сдѣланныхъ его предшественникомъ.

Въ 1654 г. съ Гептамерона былъ сдѣланъ переводъ на англійскій языкъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Heptaméron of the fortunate lovers translated by R. Codrington» (London. 1654, in — 12). Во Франціи въ XVI в. Гептамеронъ выдержалъ много изданій, что явно указываетъ намъ на успѣхъ, которымъ онъ пользовался у своихъ современниковъ. Гептамеронъ издавался: въ 1558, 1559, 1560 (2 изд.), 1561, 1567, 1572, 1574, 1578, 1581 (2 изд.), 1598 (2 изд.).

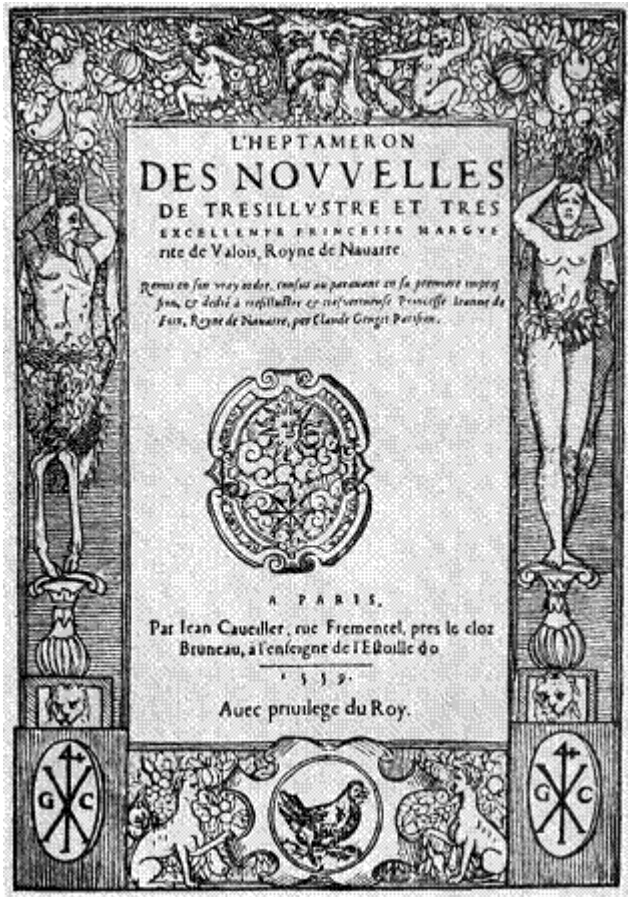
Маргарита писала (или вернее сказать, записывала) свои новеллы между делом, в свободные минуты, предназначавшиеся для отдыха от серьезных и важных занятий, а еще чаще – во время дальнего путешествия, чтобы убить скуку многодневного пути.

Брантом рассказывает:

> Маргарита, забавляясь, написала книгу, называемую «Новеллы королевы Наваррской», изложенную таким славным и легким языком и богатую такими прекрасными рассуждениями и сентенциями… Большую часть своих новелл Маргарита писала в носилках, путешествуя по стране, потому что дома у нее всегда были более серьезные занятия. Так мне говорила моя

бабушка, ее статс-дама, путешествовавшая всегда вместе с ней в ее носилках и обыкновенно державшая ей чернильницу, пока королева писала свои новеллы так быстро и искусно, как будто ей кто-нибудь их диктовал.

Конечно, с чисто литературной точки зрения «Гептамерон» значительно уступает своему классическому прототипу, хотя он и не лишен крупных достоинств, не позволяющих историку французской литературы XVI века пропустить его в своих исследованиях. Первое из этих достоинств – это язык, которым написаны новеллы. Маргарита писала так, как говорили при дворе ее брата и в ее дворцах. В то время литературный язык только формировался, и она бессознательно создала *первое* прозаическое сочинение, которое даже и теперь читают без словаря и которое долго пользовалось широкой известностью. Сам Лафонтен не раз заимствовал сюжеты из ее сборника. Но, уступая «Декамерону» в литературном значении, «Гептамерон» имеет для нас одно громадное преимущество. Его рассказы правдивы; все они, за исключением пяти-шести, основаны на истинных фактах и происшествиях, с точным указанием времени и места и с переменой лишь собственных имен, вызванной тем обстоятельством, что некоторые из действующих лиц еще тогда были живы.



Титульный лист первого издания «Гептамерона»

Другая отличительная черта этого сборника (и тоже имеющая немалую ценность в глазах биографа Маргариты) заключается в тех эпилогах, которыми сопровождается каждая новелла и которые являются не чем иным, как рассуждениями самого автора по поводу рассказанного.

Эти эпилоги помогают нам понять, каким образом Маргарита – такая, какой мы ее знаем, – могла написать «Гептамерон». Ее книга прославлена как одна из неприличнейших, а между тем, если сравнить новеллы Маргариты с другими новеллами того и предшествовавшего времени, будет нетрудно убедиться, насколько «Гептамерон» сдержаннее тех образцов, которые королева имела перед собой. Кроме того, при чтении ее сборника постоянно чувствуется отношение самого автора к рассказываемому и не остается сомнения в том, что если Маргарита и написала новеллы, кажущиеся сегодня непристойными, то сделала так не потому, что ее якобы испорченное воображение находило в этом особого рода

удовольствие, а только потому, что в ее время иначе не умели писать, да и не видели в том, что содержат новеллы, ничего неприличного.

Описывая слабости и пороки, Маргарита нисколько не прикрашивает их, не делает заманчивыми, а изображает строго и правдиво, ясно подчеркивая, что они – отрицательные стороны человеческой природы и что их нужно избегать.

Эпилоги, являясь естественным переходом от одной новеллы к другой, связывают их все в одно цельное произведение. Этот литературный прием составляет особенность королевы Наваррской. Никто из ее предшественников этого не делал; никому не приходило в голову отыскивать в каком-нибудь пикантном эпизоде, рассказанном среди смеха и шуток, серьезную подкладку и делать общие философские выводы. Например, рассказав одно из самых невозможных происшествий, Маргарита подчеркивает бессилие человека собственными средствами, без помощи Всевышнего, достигнуть добра.

> Знайте, что первый же шаг человека, который он сделает с верой лишь в свои собственные силы, удаляет его от веры в Бога, то есть от спасения.

Этот и другие чисто реформаторские принципы не раз провозглашаются на страницах «Гептамерона», отразившего до известной степени протестантизм королевы Наваррской. Нельзя не указать еще на эпилог к новелле XIX (по изданию 1888 года), в котором Маргарита, сказав, что тот, «кто не умел вполне любить человека, никогда не сможет любить Бога», так развивает далее свою мысль о *совершенной* любви.

> Я называю совершенною любовью, говорила она, ту, которая ищет в предмете своей любви какое-нибудь совершенство: доброту, красоту или что-нибудь другое, всегда тяготеющее к идеалу. Такая любовь предпочтет лучше погибнуть, чем добиваться того, что не согласно с честью и совестью, ибо душа, созданная лишь для того, чтобы возвратиться к своему Верховному Благу, во все время своего земного существования стремится только к нему. Но так как чувства, лишь при посредстве которых душа может что-либо знать, темны и несовершенны (вследствие первородного греха), то они указывают ей не все вещи, а лишь видимые и только *более или менее* приближающиеся к совершенству, к которому она стремится, думая найти в *видимой* красоте и в нравственных качествах – *верховную* красоту и

абсолютную добродетель.

Но когда душа убедится, что она ошиблась и что в видимых вещах нет того, чего она ищет, она бросает их, подобно ребенку, который собирал сперва одни игрушки, а когда подрос, захотел других, лучших, и так собираются блага земные. Но затем она постигает, что в земных благах нет никакого совершенства и никакого счастья, и тогда она хочет искать истинного счастья и истинных источников его. Но если Бог не осветит ее верою, может случиться, что из «невежды» человек обратится в «неверующего», ибо *одна только вера может указать на Благо* и сделать человека способным к восприятию его; человек же чувственный, земной, не в силах постичь Истинное Благо.

Такого, как у Платона, рассуждения о любви совершенно достаточно, чтобы мы увидели, на какую мистически-философскую высоту поднимается королева, говоря о горькой судьбе двух несчастных любовников. Но нельзя не признать, что новеллы написаны со всей откровенностью XVI века и что Маргарита отдала свою дань эпохе, в которую жил и писал великий Рабле.

Теперь перейдем к рассмотрению отношений, связывавших Маргариту с ее матерью и братом. Несмотря на всю разницу этих людей, самая нежная, самая преданная любовь соединяла их. Это отмечали современники, а сама Маргарита в одном из стихотворений назвала себя «маленьким углом совершенного треугольника» (un petit point de ce parfait triangle).

Мы уже сказали, что Луиза боготворила своего сына, и ее любовь, казалось, с каждым годом все увеличивалась. Разлука для них была нестерпима. Луиза могла гордиться тем, как относились к ней дети. Рассказывают, например, что Франциск всегда разговаривал с матерью, почтительно обнажив голову или опустившись перед ней на одно колено. Сама Луиза отмечает в своем журнале, что когда она однажды заболела, то Франциск обратился в сиделку и целую ночь не отходил от постели больной.

До нас дошло свыше полутораста писем Маргариты к ее брату. Они написаны в разное время, но сходны в одном: каждая строка в них идет прямо от сердца и продиктована неподдельной, никогда не ослабевающей любовью. В этой любви есть все: забота, помощь, ласка, нежность – она дрожит над ним, как мать над ребенком; в этой любви нет только эгоизма – ему все прощалось,

для него все переносилось. Маргарита поклонялась своему брату, в нем воплощался ее идеал. Стоит только прочесть некоторые из ее стихотворений, обращенных к Франциску, например его характеристику в поэме «Корабль», чтобы убедиться в этом:

Он тот, на кого любуются
земля, море и небо.
И земля ликует,
видя его блещущим
несравненной красотой.
Море смиряется перед его страшной мощью.
Небо опускается, покоренное любовью,
чтобы смотреть на того, чьи добродетели
так расхваливали ему.
Он говорит и обращается как господин,
достойный повелевать над всеми;
он все знает…
Он прекрасен лицом и цветущ,
с темными волосами, высокого роста,
смелый, мудрый и отважный в битвах;
милостивый, мягкий и скромный в своем величии;
сильный, могущественный и терпеливый;
на земле он – как солнце на небе.
В тюрьме ли, в горе ли, в печали —
он всегда познаёт Бога.
Словом, он один достоин быть королем.

Всюду, где только заходит речь о Франциске, подбираются образы и выражения, кажущиеся нам теперь неподходящими по своей экзальтированной страстности. Но не забудем, что здесь мы имеем дело с XVI веком. Тогда люди и думали, и чувствовали не так, как теперь, не говоря уже о том, что внешние выражения внутренней жизни отнюдь не походили на современные. Для того чтобы мало-мальски верно понимать людей, живших века тому назад, отбросим все наши теперешние нормы, вводящие нас в заблуждение, когда мы начинаем судить и квалифицировать прошедшее с применением современных понятий.

Преувеличение составляет одну из характерных черт XVI века. Мы это должны постоянно помнить и не понимать *буквально* то, что является удовлетворением известных литературных требований эпохи.

Нельзя не упомянуть здесь об одной догадке, которая возникла в 40-х годах нынешнего столетия[38] у издателя писем Маргариты и произвела сенсацию, главным образом, своей

романтичностью. Во второй эпистолярный сборник (Génin. Nouvelles Lettres de la reine de Navarre, adressées au roi François I, son frère. Paris, 1842) вошли 137 писем Маргариты к Франциску. Среди них есть *одно* письмо без подписи, написанное не ее почерком, неизвестно в какое время и по какому поводу, без ее обычных обращений (здесь обычное обращение Маргариты к брату «Monseigneur» всюду заменено словом «Sire»), – темное по содержанию и поддающееся стольким толкованиям, сколько толкователей. И вот это-то письмо навело составителя сборника на мысль, что Маргарита «была жертвой той роковой страсти, которая три века спустя погубила сестру Рене в романе Шатобриана».[39] Это предположение, основанное на *единственном* документе, нашло все-таки последователей среди историков: версию поддержали, например, Ж. Мишле и А. Мартен. Один из них, Мишле, сделал даже больше: руководствуясь своей симпатией к Маргарите и антипатией к Франциску, он *исказил* тот *единственный* документ, который породил версию, и представил Маргариту жертвой капризного и жестокого брата. Л. де Ломени (Loménie) пишет о Мишле:

> …Из этого письма, такого неопределенного, такого темного, создал целую драму, очень определенную, которую довольно трудно передать в деталях и которая имеет лишь один *маленький* недостаток, а именно: *эта драма находится в полном противоречии с тем самым документом,* из которого она якобы почерпнута.

Все биографы Маргариты – г-жа д'Осонвиль (m-me d'Haussonville), В. Люро (Luro), Г. де ла Феррьер (H. de la Ferrière), Леру де Ленси (Le Roux de Lincy), Ф. Лотхайссен (Lotheissen) и другие – отбрасывают версию «как у Шатобриана», считая ее совершенно фантастической и не заслуживающей серьезного внимания.

Прибавим к этому, что никто из историков XVI века не заподозрил королеву Наваррскую в безнравственности, и даже Брантом, хроникер придворных приключений известного рода, не нашел ничего пикантного, чтобы включить в биографию Маргариты. Напротив, на первой же странице он говорит о ее «великих добродетелях». Таким образом, в эпоху, когда распущенность нравов была очень и очень велика, когда почти ни одно мало-мальски известное имя не могло не упоминаться в скандальных хрониках, когда при дворе господствовали фаворитки в совершенно признанном звании королевских «метресс», одно только имя осталось незапятнанным, имя Маргариты Ангулемской-Валуа.

Франциск по-своему любил ее. Можно даже признать эту любовь его единственным глубоким чувством, но он был эгоистом, а потому и любовь его была эгоистична. В тяжких жизненных ситуациях он всегда обращался к сестре; он нуждался в ее нравственной поддержке, в ее руководстве. Когда блеск его царствования померк, когда сам он из молодого, полного сил, цветущего юноши превратился преждевременно в старика и, почувствовав себя слабым и одиноким, беспомощно простонал: «Как мрачно кругом, как холодно на сердце», один человек отозвался на его жалобу, один человек пришел согреть его – Маргарита.

Глава 5
Реформация

Общественное движение, охватившее всю Германию в 20-х годах XVI столетия, не могло пройти незамеченным во Франции, тем более что почва здесь была во многих отношениях уже подготовлена к принятию Реформации. Поводом для начала реформационного движения во Франции, как и в Германии, послужили многочисленные злоупотребления, чинимые католической церковью. Распущенность французского духовенства достигла при Франциске I колоссальных размеров. Папа римский Лев X отдал в распоряжение короля многочисленные епископства и аббатства.[40] Духовные места раздавались королем в силу Болонского конкордата совершенно произвольно. На них смотрели исключительно как на статью королевского бюджета, позволившую щедро вознаграждать за любую услугу, не касаясь государственной казны. Например, известно, что скульптору Бенвенуто Челлини было дано аббатство за его серебряную статую, оцененную в 2 тысячи дукатов.

Венецианские послы докладывали своему сенату, что во Франции торгуют духовными должностями так же, как в Венеции перцем и корицей, причем от одного бенефиция всегда была польза нескольким лицам одновременно: тому, кто выпрашивал место, тому, кто его получал номинально, и тому, кто его занимал действительно. Такое положение дел продолжалось и в царствование детей Франциска I. Так, при Генрихе III один из его любимцев продал аббатство девушке.

Конечно, страдало прежде всего и больше всего простое население. Богатые и знатные царедворцы, художники, ученые, получавшие за свои труды вознаграждение в виде монастыря или сельского прихода, отдавали этот монастырь или приход в руки какого-нибудь полуграмотного святого отца или развратного монаха-францисканца, предоставляя ему вынимать последнюю копейку из кармана своих прихожан, совершенно не думая о своих пастырских обязанностях, к которым такие прелаты, кстати сказать, совсем были не подготовлены. Если же и встречались счастливые единичные исключения из этого общего правила, то почти всегда оказывалось, что эти лица уже затронуты отчасти реформационным веянием; верные же католики в большинстве случаев оказывались плохими пастырями. Так было во всех католических странах без различия. По этому поводу сохранилась одна любопытная речь английского проповедника Латимера:

> Я предложу вам странный вопрос: кто самый ревностный прелат во всей Англии? Я отвечу вам. Я знаю, кто это. Есть у нас действительно один такой деятельный, самый деятельный из всех. Это – диавол! Из всех, у кого есть хоть какие-нибудь дела, он работает над своими больше всех. Подражайте ему, нерадивые пастыри! Если вы ничему не можете научиться от Бога, то учитесь хоть от черта.

Историк П. Матье (Matthieu) говорит:

> В те времена прелаты чаще заглядывали в свои счетные книги, чем в сочинения докторов, а монахи делали из теологии технологию и ремесло для заработка хлеба.

Младшие сыновья знатных фамилий обыкновенно предназначаются к духовной карьере. Чуть не с колыбели они получают саны епископов, архиепископов, кардиналов и привыкают смотреть на них только как на средство к достижению земных благ: власти, почестей и богатств, главное – богатств. Последнее удавалось легко благодаря тому, что весьма часто в одних и тех же руках соединялось очень много разных духовных мест, приносивших обладателю ежегодно весьма крупные доходы.

Епископские резиденции походили больше на дворцы каких-нибудь светских властителей, а жизнь, которая там велась, говорила только о земных радостях.

Люди, получившие по какому-то случаю духовную должность вместо другой награды, отнюдь не считали себя обязанными, хотя бы ради приличия, изменить свой прежний образ жизни, свои вкусы и привычки. Они оставались теми же гуляками, шутниками и циниками, какими были прежде, но теперь прибавляли к своему (и без того многосложному) титулу еще два-три слова: аббат такой-то, епископ такой-то.

В монастырях было не больше порядка, чем среди белого духовенства. Богатства, скопившиеся в монастырских стенах, давали возможность вести сытую, праздную жизнь, не усложняемую ни физическим, ни умственным трудом. Монастыри становились притонами, где люди утрачивали человеческий образ. Монахов презирали и высмеивали все без исключения, начиная с простого народа, развращаемого ими, и кончая сестрой и матерью короля. Луиза их не терпела и нисколько этого не скрывала, о чем мы можем судить по следующим словам ее журнала:

> В 1522 году, в декабре, мой сын и я милостью Святого Духа узнали ханжей белых, черных, серых и всех вообще цветов, от которых спаси и сохрани нас, Господь, своею милостью, ибо нет более опасных людей во всем роде человеческом.

Маргарита тоже не щадила их. В ее «Гептамероне» есть много рассказов (ценных своей неоспоримой правдивостью) о похождениях монахов-францисканцев.

Порча духовенства имела двойной результат. С одной стороны, она подавала гибельный пример всему населению, постепенно развращая его, а с другой – заставляла отделяться от единой церкви и располагала к «лютеровой ереси» всех, кого особенно возмущала. Было очевидно, что так дальше не может продолжаться и что необходимо принять какие-нибудь меры для пресечения зла. Лопиталь говорил в парламенте:[41]

– Распущенность нашей церкви породила ереси, и возможно, что только реформация погасит их.

Необходимость такой реформации признавалась всеми: это не измена религии отцов, поскольку не веру нужно исправить, а только членов церкви. Но радикальная общая реформа главнейших пунктов, приложимая к духовенству всех католических стран, могла быть проведена только представителями всего христианства, то есть вселенским собором. И его упорно требовали, страстно желали.

В 1522 году Франциск созвал все французское духовенство, чтобы обдумать меры для пресечения злоупотреблений. Однако из этого поместного собора ничего не вышло. Пропорционально все увеличивавшемуся падению церковного благочестия понижалось благочестие и ослабевало религиозное чувство вообще. Не то чтобы французы в XVI веке стали атеистами, нет – они просто перестали интересоваться религиозными вопросами, считая их не стоящими ни внимания, ни споров, ни тем более каких-то жертв. Безразличие к тому, за что в былые времена люди всходили на костры, очень ярко выразил немецкий (родом из Тюбингена) гуманист, автор сатир «Фацеции» и «Торжество Венеры» Генрих Бебель:[42]

> Вы находите, что я непочтительно выразился о святой Троице? Извольте – я готов уступить прежде, чем познакомиться с костром.
>
> Рассказывают, что когда кардинал Караффа въезжал в Париж и осенял крестом коленопреклоненный народ, он шептал вместо благословения:
>
> – Бедные идиоты, будьте себе идиотами сколько

хотите.

Реформация прежде всего есть возрождение совести. И подобно тому, как возрождение наук и искусств обращало людей к изучению древнего языческого мира, беря за основание классическую литературу, возрождение совести заставляло их изучать древний христианский мир и его основную книгу – Евангелие, и стремилось возродить первую христианскую общину. То повсеместное ослабление религиозности, к которому пришла Европа в продолжение XV и XVI веков, должно было вызвать реакцию. И действительно, рядом с торжеством положительного знания и отрицанием веры возникли разнообразные движения, завершившиеся знаменитыми тезисами Мартина Лютера, который провозгласил спасение милостью Божией и безусловной верой. Во Франции это учение не было новостью; оно проповедовалось в Париже еще тогда, когда даже имя великого немецкого реформатора было почти неизвестно. В 1512 году вышли в свет «Комментарии к посланиям апостола Павла» некоего пикардийца, философа и теолога, Лефевра из Этапля.[43] Это был очень ученый человек, смолоду много путешествовавший не только по Европе, но и по другим странам, а с 1493 года поселившийся окончательно в Париже и занявшийся там преподавательской деятельностью. Эразм высоко ценил Лефевра. Большой популярностью пользовались его лекции по философии – аудитория всегда была битком набита студентами, которых одинаково привлекала как громадная эрудиция учителя, так и обаятельность его личности. Вот как характеризует Лефевра один из его учеников, Мерль д'Обинье (d'Aubigné):

> Он необыкновенно добр… Простодушно и ласково рассуждает и спорит он со мной, смеется над безумиями сего мира, поет, забавляется.

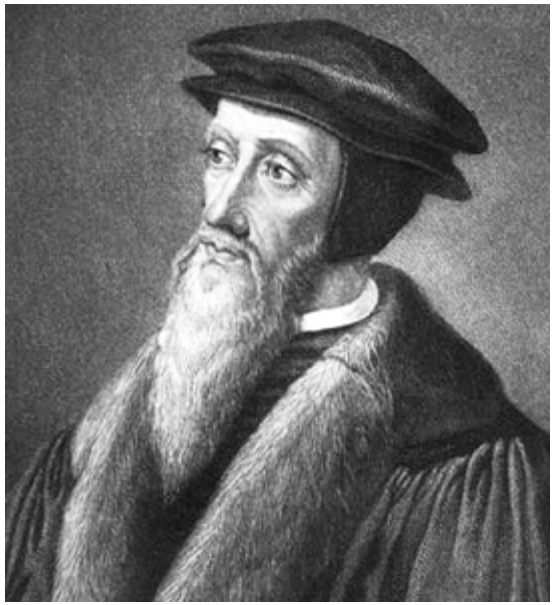
И этому человеку суждено было впервые возгласить во Франции учение, отделившее в конце концов великое множество последователей от католической церкви. Так же, как и Лютер, он говорил, что спасти может лишь вера.

> Один Бог своею милостью и верою в Него спасает в жизнь вечную. Есть справедливость добрых дел, есть другая справедливость – милости. Первая исходит от человека, вторая – от Бога. Первая, человеческая, заставляет познавать грех для того, чтобы спастись от вечной смерти, другая – заставляет стремиться к милости, чтобы через нее приобрести вечную жизнь. ‹…›

> Те, кто спасены, – спасены предизбранием, милостью и волей Божией, а не своей собственной. Наше решение, наша воля, наши дела бессильны; только предизбрание Господа всемогуще. Когда мы обращаемся к истине, не наше обращение делает нас достойными Господа и Его избранными, а Его милость; Его воля, Его избрание обращает нас.

Трудно выразить яснее и определеннее тезис, легший впоследствии в основу системы Жана Кальвина. Вскоре вокруг Лефевра сплотился тесный кружок его учеников и последователей. Провозгласив «спасение верой», Лефевр объявил безразличным все внешнее, начиная с добрых дел и кончая обрядами: значимы не эти внешние формы, а то истинное религиозное настроение, которое может скрываться под всякими формами. Поэтому-то, проповедуя свое учение, он продолжал считать себя католиком и по-прежнему совершал мессу и подолгу молился перед иконами.

Мартин Лютер



Жан Кальвин

Отметим это последнее обстоятельство: оно весьма важно для объяснения дальнейшей судьбы французской Реформации в лице некоторых ее представителей. Лефевр по своему характеру был далеко не боец. Достоянием Европы, а не только тесного кружка друзей *его* учение стало тогда, когда к тем же выводам пришел Лютер – проникся догматом «об оправдании верою» и громко провозгласил его, разорвал папскую буллу перед глазами всей Европы и поставил собственную жизнь на карту.

Конечно, мысли Лефевра не понравились консервативной Сорбонне. В 1518 году она признала еретичным его мнение о том, что в Евангелии выведены три Марии, а не одна, и возбудила против него преследование, которое, однако, было прекращено вмешательством самого короля. Франциск знал Лефевра не как проповедника, а как ученого.

– Я не хочу, – говорил он, – чтобы беспокоили этих людей: преследовать тех, кто нас поучает, значило бы помешать выдающимся людям приезжать в нашу страну.

Этот ответ, характерный для Франциска, указывает, в какие отношения становится король к французским реформаторам: видит и чтит в них не последователей новых религиозных взглядов, а только ученых. Преследовать реформаторов, еретиков для него значило преследовать гуманистов, представителей молодой науки, а в качестве мецената он не мог этого сделать. То обстоятельство, что первые французские реформаторы вышли из среды гуманистов, обеспечило за ними на некоторое время

покровительство короля, в глазах которого «проповедник» сливался с «ученым».

В истории отношений Возрождения и Реформации различаются три этапа, хотя и не поддающиеся строгому хронологическому разграничению. Первый этап характеризуется тесной связью между этими двумя великими движениями, направленными на борьбу со Средними веками. Реформация вначале не только не презирает светскую науку, а, напротив, нуждается в ней как в своей верной спутнице; все реформаторы являются гуманистами, все гуманисты симпатизируют новому учению. И те и другие одинаково стремятся познать истину, одинаково страстно ищут ее и полагают, что для этого нужно, отбросив весь балласт схоластики, вернуться к далекому прошлому. Правда, позже оказалось, что «прошлое» у гуманистов и реформаторов не одно и то же, но пока они идут одним путем – путем науки. Провозгласив необходимость каждому христианину знать ту книгу, на которой зиждется вся христианская религия, первые представители Реформации (Лефевр во Франции, Лютер в Германии) принялись за ее перевод.

Требовалось узнать слово Божие таким, как оно было записано ближайшими учениками, а для этого нужно было пересмотреть все тексты, сравнить все переводы, нужно было знать Ветхий Завет в подлиннике, то есть изучить еврейский язык; прежде чем сделаться священником, нужно было стать основательным филологом.

Но этот период согласия между реформаторами и наукой длился недолго. После гонений, возникших в 1534 году в связи с «делом плакардов», начинают просматриваться некоторые разногласия. Неопределенное учение Лефевра заменяется строгой догматикой Кальвина: кто не с ней, тот против нее, и нет пути к примирению.

Свободная мысль, свободное исследование изгоняются (как нечто мешающее чистой спасительной вере), а вместе с ними изгоняются и все представители науки, все гуманисты. Это совершается, конечно, не сразу, но уже к 1545 году образовалась пропасть, разделяющая людей, стоявших когда-то вместе, и наступает третий этап в их взаимоотношениях – вражда. Это относится только к истории французской Реформации, а Германия сумела этого избежать, и немецкие гуманисты и реформаторы не являлись антагонистами.

Однако пока вернемся к Лефевру, которого в 1521 году защитил сам король, принудив Сорбонну оставить в покое ученого. 15 апреля 1521 года состоялась церемония проклятия Сорбонной Лютера и его учения. Лефевр предпочел покинуть

Париж. Он уехал к своему другу и ученику, епископу Брисонне, в город Мо (Meaux).

Брисонне, граф де Монбрен (Montbrun),[44] очень молодым постригся в монахи и быстро прошел все ступени духовной иерархии. Побывав два раза в Риме в качестве посланника, он вернулся оттуда не столько ослепленный блеском и роскошью Ватикана, сколько удрученный теми безобразиями, которые успел заметить вокруг престола наместника Христова и среди своих товарищей, важнейших князей церкви. Епископ Брисонне был человек очень скромный и очень мягкий, понимавший свои пастырские обязанности так, как они были установлены в первые времена христианства.

Получив назначение в Мо, большой торгово-промышленный город, Брисонне был поражен царившим в его епархии беспорядком и твердо решил положить все свои силы на исправление зла. Эти планы встретили горячую поддержку со стороны Лефевра и некоторых его учеников, тоже укрывшихся от ненавистной Сорбонны у гостеприимного епископа, и работа началась. Брисонне отнял проповедь у монахов-францисканцев и передал ее Жерару Гусселю, Мишелю Аранду и Фарелю. Этим поступком, а также и теми строгостями, которые епископ возобновил в монастырях и среди всего духовенства, он сразу восстановил всех против себя.

Лефевр занялся переводом на французский язык Нового Завета, для того чтобы все люди могли сами, без посторонней помощи, обращаться к божественной книге. Через год, осенью 1522 года, этот труд был закончен и выпущен в свет. В предисловии к своему переводу Лефевр написал:

> Пусть каждый священник походит на того ангела, которого видел Иоанн в Апокалипсисе. Он летел в небесной вышине, держа в руках Вечное Евангелие, чтобы передать его всем народам, языкам, племенам и нациям. Придите, первосвященники; придите, цари; приди всякий, жаждущий правды. Народы, пробудитесь от света евангельского в жизнь вечную! Слово Господа достаточно!

В этом последнем восклицании резюмируется вся Реформация так, как ее понимал Лефевр и его друзья. «Познать Христа и Его слово – вот единственная, живая, универсальная теология. Тот, кто знает это, знает все», – утверждал М. д'Обинье.

Между тем Сорбонна, фанатично отстаивавшая старый порядок, направляла свой гнев на ученых, которые пренебрегали схоластикой, не признавали комментарии Священного Писания,

составленные средневековыми докторами, и смело брались за написание своих комментариев. Она обещала громы небесные на тех, кто изучит греческий и еврейский языки, предсказывала, что всеобщее знание их неминуемо приведет к гибели мира. А люди нового времени, гуманисты, смело шли вперед – читали Библию в оригинале, исправляли ошибки, сделанные когда-то отцами церкви и, вооружившись уже не схоластической, а настоящей аристотелевской логикой, стремились к познанию истины, которая, уступая страстной настойчивости искателей, понемногу открывалась перед их очарованными взорами.

Религиозное движение, сосредоточившееся в Мо, нашло серьезную поддержку при дворе в лице Маргариты, герцогини Алансонской. Она лично была знакома с членами реформаторского кружка и с 1521 года состояла в переписке с епископом Брисонне.

Не удовлетворенная тем, что давала ей жизнь, Маргарита имела все данные для того, чтобы увлечься именно *религиозным* движением века. Личными своими качествами она сослужила великую службу делу Реформации.

Брантом говорит:

> Она направляла все свои действия, мысли, желания и стремления к великому солнцу – Богу, и поэтому ее подозревали в лютеранстве. То почтение, с каким к ней относились, то высокое мнение о ее уме и сердце, которое сложилось у всех, больше привлекали к Евангелию, чем любой проповедник.

Вероятно, под ее влиянием и Франциск, и Луиза относились к возникавшему учению не только невраждебно, а с видимым интересом. Когда Мишель Аранд вернулся в Париж, он переводил для Луизы некоторые части Писания. Таким образом, обстоятельства, казалось, благоприятствовали реформаторам.

Дошедшая до нас переписка Маргариты с Брисонне содержит 56 писем, некоторые их которых чрезвычайно объемные (до 100 страниц). В одном из первых писем герцогиня просит епископа прислать Мишеля Аранда, присутствие которого послужило бы ей большим утешением. В ноябре 1521 года Маргарита пишет Брисонне:

> Не знаю, должна ли я радоваться тому, что меня причисляют к тем, на кого я очень бы желала походить… Мне кажется, что лучше всего заставить замолчать невежду, ибо король и Madame [Луиза] твердо решили внушить всем, что Божья истина не ересь.

Позже Маргарита сообщает:

> Отсылаю к Вам мэтра Мишеля, который, уверяю Вас, не терял здесь времени, и учение Господа, через его уста, поразило сердца тех, кто уже склонялся к принятию Духа Святого [Франциск и Луиза]… Но, умоляю Вас, среди всех Ваших благочестивых стремлений к реформации церкви, которой король и Madame симпатизируют больше, чем когда-либо, и среди заботы о спасении несчастных душ – не забывайте одну из них, самую, может быть, несчастную и несовершенную…

Из этих двух выдержек видно, что Франциск смотрел благосклонно на Реформацию, понимая ее как исправление церковных злоупотреблений, а не догматов, и намеревался не только не мешать распространению мыслей первых реформаторов, но даже принять какие-то меры для «внушения всем, что Божья истина не есть ересь». В этих взглядах его сильно поддерживали сестра и мэтр Мишель, который своим горячим и убежденным словом, по свидетельству современников, производил всегда чрезвычайно сильное впечатление на своих слушателей. Таких же мыслей, как сын, держалась в то время и Луиза.

Но епископ Брисонне все еще не верил в серьезность и глубину обращения Франциска и его матери. Он пишет Маргарите 22 декабря 1521 года:

> Не знаю, не померк ли у Вас тот истинный огонь, который давно уже вселился в Ваше сердце… Я боюсь, что Вы рассеяли его и расточили. Прославляю Господа, что он внушил королю желание сделать то, о чем я слышал. Сделав это, он покажет себя истинным носителем того великого огня…Ибо сказано в Писании: кому много дано, с того много и взыщется.

Очевидно, епископ не вполне доволен и самой Маргаритой; он опасается, что святой огонь не горит в ней с прежней яркостью, что она недостаточно отдается начатому делу возрождения религии. Но вскоре тон его меняется. В письме он говорит Маргарите:

> Посланный держал нам грустные речи, по поводу которых господин Фабри [Лефевр] и я высказали мнение и умоляем гонца передать его Вам. Соблаговолите прикрыть огонь на некоторое время. Дерево, которое Вы

> хотите зажечь, слишком зелено; оно затушит огонь, и мы по многим причинам советуем Вам не делать этого опыта, если Вы не хотите совсем загасить светильник.

Епископ оказался прав. По характеру, взглядам, вкусам и привычкам Франциск не мог искренне отдаться религиозному движению. В сущности, он совсем не интересовался этими вопросами, был так же мало убежден в истинности католицизма, как и в правоте лютеранства, а на церковь смотрел только как на учреждение, освященное веками и необходимое для правильного течения общественной жизни. Поэтому, пока Франциск видел в протестантстве лишь стремление исправить некоторые церковные беспорядки, он ему сочувствовал. Затем, когда усмотрел, что реформаторы этим не ограничиваются, а видоизменяют самую догматику, он примирился и с этим, думая, что это лишь изменение частных убеждений отдельных лиц, которые не примет простой народ. Но когда Франциск увидел, что в его королевстве наряду с государственным вероисповеданием появилось другое, образовывавшее государство в государстве и подрывавшее основной принцип французской монархии: «un roi, une foi, une loi»,[45] ему показалось, что рушится королевство, и он вспомнил слова папского легата: «После перемены религии народ потребует и перемены верховной власти».

Вот что пишет по этому поводу Брантом:

> Король ненавидел лютеранство, говоря, что оно, как и всякая другая новая секта, стремится к разрушению королевства, а не к спасению души. Вот почему он был несколько жесток в деле сожжения еретиков своего времени.

Но жестоким король стал позже, в 1534 году, после злополучного дела с плакардами, а до той поры он употреблял все свои силы и средства для защиты протестантов от преследования их как властями (духовенством и парламентом), так и простым невежественным народом. Неровное отношение Франциска – человека просвещенного и вовсе не фанатичного католика – к новому религиозному учению объясняется гораздо больше его характером, чем какими-то государственными соображениями. Он был слишком предан всем грубым наслаждениям того времени, чтобы отказаться от них и перестроить свою жизнь согласно евангельскому учению. Кроме того, он отличался крайней беспечностью и переменчивостью.

Люро замечает:

> Ему бы следовало избрать своей эмблемой не саламандру, а хамелеона, и подписать вместо девиза свое же знаменитое двустишие, изменив в нем только одно слово, – вместо «femme»[46] поставить свое имя:
>
> Souvent François varie.
> Bien fol qui s'y fie.[47]

Все влияло на его настроение и образ действий: пустое событие, незначительное слово, мимолетное впечатление, но прежде всего, конечно, люди, его окружавшие. Без преувеличения можно сказать, что в большинстве случаев король не имел собственного мнения и определенного взгляда на вещи. В этих свойствах его слабого характера кроется источник всех тех превратностей, которые пришлось испытать французским протестантам с 1523 по 1545 год, и этими же свойствами объясняются те изумительные противоречия в распоряжениях Франциска, которые отмечены всеми историками.

Д. Низар подчеркивает:

> Короля прославили именно за те его поступки, которые, в сущности, принадлежали Маргарите. Современники думали, что он согласен со всем, чего он прямо не отрицает, а потомство сохранило это заблуждение.

Духовенство города Мо, возмущенное теми новыми порядками, которые вводил епископ, донесло на него Сорбонне, обвинив «в сочувствии к ереси». Парламент потребовал его к ответу. Брисонне испугался и – уступил врагам. 15 октября 1523 года он издал три декрета, восстановивших почти все то, над разрушением чего он же сам работал. 13 декабря 1523 года он отнял проповедь от Ж. Русселя и М. Аранда, которые становились уже слишком известны, но на их место все-таки призвал людей той же группы: М. Мазурье и П. Кароли. Вскоре к ним снова присоединился Руссель. Но Фарель, неспособный идти на какие бы то ни было компромиссы, не мог оставаться более в епархии Брисонне и отправился в Париж, а оттуда к себе на родину, в Пикардию.

В Париже в это время произвели огромную сенсацию переводы сочинений Лютера, изданные Беркеном (Berquin). Он происходил из знатной семьи пикардийцев и по праву дворянина приехал около 1520 года ко двору Франциска, который его очень уважал и ценил. А. Мартен так охарактеризовал Беркена:

> …Это был святой по своей жизни, выдающийся ученый по своим знаниям и мог бы стать вождем партии по энергии и деятельности характера.

Познакомившись с Лефевром и его учением, Беркен вскоре сделался одним из самых ревностных его учеников и последователей и употреблял все свои силы и способности на распространение трудов французских и немецких реформаторов. Сорбонна приказала арестовать Беркена, но суд оправдал его. То же было и с Лефевром. Он был обвинен за перевод четырех евангелий, и Сорбонна, воспользовавшись случаем, навсегда запретила переводить Библию. Король вторично заступился за ученого и сам назначил в судебную комиссию таких членов, которые его оправдали.

Гонимые знали, кому они обязаны за все эти милости. Госпожа д'Оссонвиль пишет:

> Бог поднял на их защиту единственную сестру короля, принцессу редкого понимания, говорит Теодор де Без, который, в общем, довольно строго судит Маргариту. Ее имя заслуживает вечной славы за ее благочестие и ту святую любовь, которую она выказала церкви Божией, ее насаждению и сохранению, так что ей мы обязаны сохранением в живых многих из наших… Она делала все, что могла, чтобы смягчить короля, своего брата, и ее успехи не были тщетны.

Кружок епископа Брисонне распался. Однако дело, начатое им, не погибло. Из рук ученых и богословов оно перешло в руки простых рабочих. Об этом пишет М. д'Обинье:

> Во многих сердцах зародилось такое пылкое желание познать путь спасения, что мастеровые, ткачи, прядильщики и прочие постоянно во время работы беседовали о слове Божием и утешались им. В особенности по воскресеньям и праздникам читалось Святое Писание, и научались познавать волю Господню.

Роль проповедника взял на себя ткач Леклерк. Но ему недолго удалось поучать народ. В пылу рвения неофита он прикрепил к самым дверям собора воззвание против «Римского Антихриста». За это ткач был схвачен и осужден. Три дня подряд его секли, потом заклеймили. В тот самый момент, когда палач прикоснулся к его лбу раскаленным железом, из толпы раздался крик:

– Жив Господь Бог и Его стигматы!

Толпа расступилась и молча, с почтением пропустила мать Леклерка, ободрявшую сына. «Ни один из врагов не посмел схватить ее», – замечает Т. де Без. После пыток Леклерк бежал в Мец. Но и тут ему не суждено было спастись. Строго следуя библейским словам: «Сокрушай богов лживых», он не мог равнодушно переносить того поклонения, которое оказывалось статуе Мадонны в местной часовенке. Это казалось ему идолопоклонством. Накануне большого праздника он пробрался в часовенку и разбил статую. На другой день разъяренная толпа схватила его и предала мукам. Ему отрезали кисти рук, предварительно вывихнув их, вырвали нос, железными клещами исковеркали все тело, сожгли грудь и надели на голову два раскаленных обруча. В продолжение всех этих пыток он пел псалом:

> Их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих.
> Есть у них уста, но не говорят, есть глаза – но не видят.
> Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них.
> Боящиеся Господа, уповайте на Него: Он наша помощь и щит…
> Не мертвые восхвалят Бога, но мы все – живые!..

Дым костра заглушал его голос; огонь поднимался все выше и выше, и среди огненных языков хриплый голос доносился до толпы:

> Их идолы… дело рук человеческих.
> Не мертвые восхвалят Бога, но живые…

Леклерк и еще один протестант были первыми французскими мучениками за дело Реформации. Правда, они были жертвами не систематического гонения, а ненависти католиков и косности невежественной толпы, но как бы то ни было, с их казни начинаются кровавые страницы французской Реформации.

Глава 6
Дипломатия по-женски

После знаменитой Мариньянской победы в 1515 году и вплоть до 1519 года, то есть до смерти императора Максимилиана, во всей Европе господствовали относительные мир и тишина. В 1518 году Франциск I заключил договоры: с Карлом Испанским – Нуайонский договор, по которому Франциск уступал Карлу все свои права на Неаполь, а Карл должен был возвратить Франции королевство Наваррское; с Генрихом VIII Английским, по которому тот должен был вернуть Турне. Но мир оказался непрочным и разрушился при первом же толчке. Этим толчком послужил вопрос об избрании на императорский престол.

Франциск I

Все три государя (Франциск, Генрих и Карл) выступили одновременно кандидатами, но Генрих вскоре отказался от претензий на Священную Римскую империю. Франциск не жалел денег, чтобы обеспечить себе голоса курфюрстов. Его уполномоченные (Бониве и Флеранж) сыпали золото направо и

налево, но это не помогло – императором стал Карл Испанский, отныне Карл V. Самолюбие Франциска было уязвлено. До самой своей смерти король не мог примириться со своим могучим соперником, и их вражда, скрытая под маской рыцарской вежливости и великодушия, проявлялась при малейшем предлоге.

Франциск I ждал лишь повода, чтобы начать военные действия против императора. Этот повод скоро представился. Карл V пока не выполнил одного из главных условий Нуайонского договора, по которому обязался вернуть Франции вассальное ей королевство Наваррское, отнятое у французского дома Фуа д'Альбре еще Фердинандом Католиком. Карл, видимо, нарочно тянул, истощая терпение французов. Наконец весной 1521 года французы не выдержали и вторглись в пределы Испании. Вся область транспиренейской Наварры была возвращена, за исключением лишь Пампелуны, отчаянно защищавшейся под начальством Игнатия Лойолы. Но торжество Франции длилось недолго. Испанцы напряглись и наголову разбили врагов; французский полководец был убит, а отвоеванная им страна так же быстро воссоединилась с Испанией, как и отторглась от нее. Туда были посланы Бониве и Гиз, которые опять отобрали часть Наварры и возвратили ее дому д'Альбре.

В то же время шла война с Карлом и в Италии. Она окончилась полным поражением французов, потерей Милана и многих других важнейших владений, а с августа 1523 года был заключен союз между папой и почти всеми государями Европы, так что Франция оказалась одна против всех. В союз вошли: папа, император, английский король, австрийский эрцгерцог, герцог Миланский и все остальные государи Италии, за исключением герцога Савойского, маркизов Монферратского и Салюче. Союзниками же Франции были только швейцарцы и шотландцы.

Карл V

Между тем и в самой Франции было неспокойно: во всех слоях населения происходили волнения, вызванные успехами Реформации. А еще вся страна напряженно следила за тем, как разбиралась (и ждала – чем закончится) земельная тяжба между матерью короля и могущественным герцогом Бурбонским, коннетаблем[48] Франции. Дело было запутанное, трудное и опасное для судей из-за высокого положения вовлеченных в него лиц. Король стоял на стороне Луизы (столько же из любви к матери, сколько и из антипатии к герцогу); парламент и многие дворяне были на стороне Бурбона, могущественного и независимого вассала. Генрих VIII, разговаривая однажды с Франциском I о герцоге Бурбонском, сказал, что если бы тот был его подданным, он не задумываясь казнил бы его, ибо невозможно допускать, чтобы вассал был почти так же силен, как сюзерен.

Раздраженный несправедливым к себе отношением, герцог Бурбонский решил перейти на сторону Карла V, думая, что враги сумеют лучше оценить его.[49]

Король Франциск I готовился к войне. Он назначил Луизу правительницей, а коннетабля, которого опасался и хотел задобрить, – генеральным наместником; сам же намеревался стать во главе армии. Неожиданные и очень важные события расстроили его план. Открывшаяся измена коннетабля, вторжение англичан, немцев и испанцев сразу с трех сторон, в Ломбардии поражение французов под командой Бониве и,

наконец, месячная (с 19 августа по 24 сентября 1524 года) осада Марселя Карлом Бурбонским – все это задержало короля на юге Франции до октября 1524 года. Главная квартира его находилась в это время в Лионе, куда вслед за ним переехали его мать, сестра, королева Клод с детьми и весь двор.

Лион в XVI веке считался центром интеллектуальной жизни страны, так что даже Париж уступал ему в этом отношении пальму первенства. Географическое положение придавало городу совершенно исключительное значение: он связывал Францию с Италией так же, как Страсбург связывал Францию с Германией. По замечанию Р. Мийе (Millet), Лион находился «в двух шагах от Женевы, в которой скоро должно было прогреметь имя Кальвина, в трех шагах от Базеля, где мирно угасал великий Эразм, наконец, в четырех шагах от родины Возрождения, где процветали Бембо и Садолетто». Лион не мог не сделаться местом столкновения всяких философских систем и всевозможных мнений. Он славился своими типографиями, которых в нем было великое множество и в которых работали знаменитые люди того времени вроде Доле, Рабле, Ано, так что эти типографии являлись не производственными заведениями, как теперь, а учеными кружками, объединявшими самые разнообразные и самые блестящие элементы духовной жизни. «Лионский кружок» славился на всю Францию. В него входили не только ученые, но и художники, и артисты, и поэты. К участию в нем допускались и женщины – писательницы и поэтессы, которых в Лионе было очень много и которыми он гордился перед всеми другими городами королевства.

Франсуа Рабле

Когда Маргарита приехала в Лион вместе с некоторыми из своих друзей (мэтром Мишелем и другими), она принялась задело пропаганды нового учения со всем пылом своей души.

Почти накануне Марсельской осады, когда король был всецело поглощен военными опасностями и, торопливо готовясь к обороне, разъезжал из города в город, из крепости в крепость, – скончалась его супруга, королева Клод (25 июля 1524 года). У постели умиравшей женщины не было никого из близких, кроме герцогини Алансонской. Маргарита самоотверженно ухаживала за невесткой и потом искренне оплакивала ее.

Едва осада Марселя была снята, король решил идти в Италию, не внимая мольбам своей матери, не слушая убеждений сестры, которая отговаривала его от поступка, признававшегося всеми опытными полководцами безумным. Стоял октябрь, и переход через Альпы в такое время года был слишком рискованным; король уводил всех способных к войне людей, и королевство, оставшись беззащитным, могло подвергнуться нападению врагов; завоевание Италии казалось более чем проблематичным. Но все эти доводы не убеждали Франциска. Он горел нетерпением отомстить Карлу V за предшествовавшие неудачи и наказать дерзкого Бурбона, «забывшего честь и Бога» и осмелившегося воевать против своего государя и отечества. Кроме того, близкий друг короля, легкомысленный адмирал

Бониве, только что потерпевший поражение в Ломбардии, но не наученный этим горьким опытом, постоянно рисовал королю заманчивые картины будущих побед.

Королевскую семью постигло новое несчастье: заболела семилетняя дочь Франциска, принцесса Шарлотта. Маргарита снова превратилась в сиделку – дни и ночи проводила у изголовья своей маленькой племянницы. Через месяц Шарлотты не стало.

В письме к епископу Брисонне герцогиня признается:

> Господь украшал мой дух и разум; но, кроме ее смерти, я пережила еще горе короля, от которого я долго скрывала ее кончину, но который догадался об истине по сну, приснившемуся ему три раза подряд. Он видел принцессу, говорившую ему: прощайте, государь, я ухожу в рай.

Сохранилась длинная (1250 строк) поэма «Диалог как ночное видение» (Dialogue en forme de vision nocturne) герцогини Алансонской, написанная ею на смерть Шарлотты. Это произведение интересно потому, что в нем Маргарита прямо ставит все те вопросы догматики и культа, которые уже занимали тогда представителей Реформации, и отвечает на них в евангелическом духе.

25 февраля 1525 года произошла злополучная Павийская битва. Французская армия была уничтожена Карлом V, король Франциск I попал в плен.[50]

В Париже о поражении узнали только 7 марта. Страшная паника охватила все население. По распоряжению городского совета ворота города были закрыты и к ним приставлены часовые, всю ночь напролет на улицах горели фонари; запрещено было переезжать в лодках Сену. Архиепископ Парижский приказал выставить мощи святого Дионисия, и вокруг них днем и ночью толпился народ.

Франциск собственноручным письмом уведомил мать о своем несчастье. Впоследствии молва исказила это письмо и включила в него фразу, достойную короля-рыцаря: «Мадам, все потеряно, кроме чести и жизни!» (Madame, tout est perdu sauf l'honneur et la vie!) Франциска вместе с товарищами по несчастью (королем Наваррским Генрихом д'Альбре, Флеранжем, маршалом Монморанси, поэтом Клеманом Маро и другими) враги окружили заботой, всячески выказывая глубочайшее уважение. В императорском лагере Франциску была выделена палатка. Он пользовался такой популярностью, что Ланнуа, вице-король Неаполя, которому пленник специально был поручен, решил

заключить его ради большей безопасности в замок Пиццигитон, недалеко от Павии.

Недобрая весть о павийском несчастье повергла мать и сестру короля в глубокое отчаяние. Это настроение еще усилилось, когда в Лион приехал муж Маргариты, герцог Алансонский, на которого народная молва возлагала всю ответственность за проигранную битву. Говорили, что он так растерялся в самый критический момент, что велел трубить отбой вместо того, чтобы ринуться на помощь к королю. Далее легенда прибавляла: упреки тещи и отчаяние и презрение жены до того измучили герцога, что он заболел от стыда и раскаяния и умер через несколько дней по своем приезде в Лион.

Все это справедливо лишь наполовину. Действительно, герцог Алансонский никогда не отличался ни военными талантами, ни особенной доблестью, но трудно сказать, насколько он лично виновен в проигрыше битвы; достоверно известно, что Франциск I, увлекшись атакой, сам сделал крупнейшую ошибку в расположении войск, прикрыв своих врагов и таким образом лишив свою артиллерию возможности действовать. Верно, что герцог умер по возвращении в Лион, хотя и не так скоро, как утверждает легенда. Но он умер не от стыда и раскаяния, а от плеврита, проболев только пять дней, – умер на руках у Маргариты, заботливо и преданно ухаживавшей за своим мужем. О его последнем дне (герцог Алансонский умер 11 апреля 1525 года) она сама рассказывает в поэме «Темницы королевы Наварры» (Les prisons de la reine de Navarre). Читая это произведение, лучше всего можно убедиться, насколько легенда исказила истину, утверждая, будто Маргарита презирала своего супруга и упрекала его в трусости и низости. Королева повествует, как умирал герцог – тихо и спокойно, как подобает истинному христианину.

Маргарита была поглощена заботами о брате, о делах государства, о здоровье все хворавшей матери, о своих племянниках, которым она теперь заменяла мать. В апреле, через несколько дней после смерти своего мужа, она пишет королю:

> Так как Господь дал мне случай написать Вам (что для меня является таким большим утешением), то осмеливаюсь поручиться, что по получении двух Ваших писем я успокоилась и пришла в то состояние [здоровья], которое вы для меня желали. Ибо слово Ваше имеет такую силу и власть надо мной, что оно обращает сожаление о прошедшем в страстную жажду будущего, надеясь, что Тот, Кто погрузил меня в пучину [скорби],

> спасет меня вестью о Вашем желанном освобождении; ибо нет другого утешения, способного проникнуть в самую глубь моего сердца, и надеждой на него поддерживается жизнь матери и сестры… Не сомневайтесь, Государь, что кроме тех первых двух дней, когда горе заглушало голос рассудка, она [Луиза] не видела ни моего грустного лица, ни единой слезы; ибо я считала бы себя слишком несчастной (принимая во внимание, что ничем не могу Вам служить), если бы к тому же нарушила спокойствие духа той, которая так много делает для Вас и для всего, что Ваше. Все, чем я могу ее развлечь, верьте, Государь, делается, ибо я так страстно хочу видеть вас обоих [то есть мать и брата] довольными и счастливыми, что, уповая на Бога, не могу и не хочу теперь думать о чем-либо другом…

Луиза, по воле Франциска, была поставлена во главе государственного управления и, несмотря на свое крайне расшатанное здоровье, деятельно взялась за работу. Понимая, что прежде всего надо затушить все распри внутри королевства и объединить силы страны для борьбы с врагами, она составила верховный совет, в состав которого вошли важнейшие сановники государства, пользовавшиеся особенным уважением и популярностью во Франции (в том числе Гиз и Лотрек, хотя последний был ее личным врагом). Председательство в этом совете она передала герцогу Вандомскому, который после измены герцога Бурбонского и смерти герцога Алансонского стал первым принцем крови. Герцог Вандомский пользовался симпатиями партии, враждебно смотревшей на регентство Луизы; таким образом, дворянство было удовлетворено: оно видело себя стоящим непосредственно у кормила правления и могло не только контролировать, но и иметь некоторую власть над регентшей, как это и обнаружилось в первом же заседании.

Зная о популярности своей дочери, Луиза привлекла к государственным делам и ее. Брантом говорит:

> Во время плена Франциска Маргарита очень помогала своей матери управлять государством… и привлекать на свою сторону дворянство, ибо доступ к ней для всех был очень легок и она завоевывала сердца своими прекрасными качествами.

Луиза резко изменила свое отношение к представителям нового религиозного учения, опасаясь, как бы религиозная распря между Сорбонной и протестантами не отняла у нее помощи и

содействия папы. Когда парламент громко заявил, что павийское несчастье есть кара Божия за попущения, оказанные «ереси лютеристов», регентша обратилась к Сорбонне с вопросом: что же делать, чтобы искоренить ересь и умилостивить небесное правосудие? Сорбонна ответила, что «нужно употребить власть и насилие против личности лжеучителей, ибо те, кто противится свету, должны быть к нему приводимы пытками и ужасом». Папа одобрил этот совет и благословил буллой от 20 мая 1525 года комиссию, которая, в сущности, вводила во Франции инквизицию.

Луиза целиком отдалась делу освобождения своего сына. Дипломатии была задана трудная задача. Всюду искали друзей и помощи; обратились даже к турецкому султану, и это явилось важным событием в сфере международных отношений: заклятый враг, «неверный мусульманин», призывается на выручку «христианского короля»! Венеция и папа, опасаясь нарушения политического равновесия, поддерживали Луизу, обещая ей всяческое содействие; Генрих VIII Английский заключил с Францией мир; оставалось только справиться с самим Карлом V. Но это оказалось не так-то легко.

Генрих VIII

Павийская победа была для молодого, 25-летнего, императора столь неожиданным и столь страстно желанным торжеством, что у него кружилась голова от грандиозности планов, начинавших теперь казаться ему осуществимыми. Он уже фактически владел большей частью Европы: император Германский, король Испанский, почти полновластный господин Италии, владетель Нидерландов… Карл мнил себя уже победителем Франции и основателем новой всемирной монархии. Для этого ему понадобится еще только одолеть турок и прибавить к своим владениям весь Балканский полуостров. В письме к Ланнуа он признается в своем намерении:

> Так как Вы захватили короля Французского, которого я Вас прошу хорошенько хранить, то я не знаю, куда бы я лучше мог обратиться теперь, как не против неверных!..

Заключение становилось Франциску невмоготу. Роскошная итальянская весна врывалась в узкое окно его тесной кельи, у которого он тоскливо простаивал часами, блуждая взором по цветущей долине и по горам, за которыми лежала его родина. От тоски король-рыцарь, король-пленник сделался королем-поэтом. Именно к этому периоду его жизни, ко времени его плена, начавшегося в Пиццигитоне и кончившегося только в Мадриде, относятся многочисленные стихотворения Франциска, посвященные матери, сестре и «даме сердца». В них он описывает красоты расстилавшихся перед его глазами видов, свою тоску, свое одиночество без близких его сердцу людей; вспоминает Павийскую битву и другие события последнего времени.

Наконец завязались переговоры о выкупе короля. Первые же требования Карла V ужаснули Францию своей чрезмерностью. Они сводились к следующему: союз с императором против турок; брак дофина с инфантой[51] Португальской; возвращение императору Бургундии и всех других графств, городов, принадлежавших некогда Карлу Бургундскому; уступка Прованса герцогу Бурбонскому, будущему зятю императора, и возвращение ему всех его прежних доменов, которые вместе с Провансом составят королевство, вполне независимое от Франции; возвращение Генриху VIII Английскому Нормандии, Гиени и Гаскони.

Франциск хотел быть рыцарем до конца и подтверждал уже раз написанное им к грандам королевства.

> Подобно тому, как я предпочел ради чести моей нации и своей собственной избрать тюрьму вместо постыдного бегства, никто никогда не скажет, что я из желания быть освобожденным нанес ущерб своему королевству: почитаю себя счастливым весь остаток дней своих провести в тюрьме за свободу родины!

Но благородный порыв его скоро миновал, и он сам начал писать условия для своего освобождения, в которых делал много уступок сопернику.

В начале августа короля привезли в Мадрид. Франциск I думал, что Карл V примет его почти как дорогого гостя и немедленно вступит с ним в личные переговоры и что ему, славившемуся своим ораторским талантом, легко удастся склонить императора в свою пользу. Однако его поместили в мрачную башню. Теперь он находился в маленькой низкой комнате с одной дверью, с небольшим оконцем под самым потолком и двойной железной решеткой – нужно было становиться на стол, чтобы видеть что-нибудь из этого окна.

Башня стояла на почти отвесной высокой скале; в глубине пропасти виднелось высохшее русло реки. Очевидно, императору хотелось довести короля до изнеможения, до полного отчаяния и принудить к тем уступкам, на которые он до сих пор не соглашался. Прошел целый месяц, а король еще ни разу не виделся с императором.

Между тем послы и уполномоченные делали свое дело. Переговоры не прекращались. Поняв, что Карл не хочет его видеть и настаивает на своих условиях, Франциск написал домой письмо, прося мать или сестру приехать к нему. Маргарита, не колеблясь, решила ехать в Испанию и известила об этом Франциска:

> Так как регентша не может доставить Вам радость видеть ее, то ей угодно осчастливить меня, приказав мне ехать к Вам. Не буду распространяться относительно того, насколько это повиновение вам обоим мне приятно…

С отъездом Маргарите медлить не хотелось, но необходим был паспорт от Карла V, который гарантировал бы ей безопасность проезда и пребывания во враждебном государстве. После долгих проволочек это было наконец улажено маршалом Монморанси,[52] уже выкупленным из плена и деятельно работавшим теперь над освобождением своего господина. Карл разрешил герцогине Алансонской навестить брата, заключил перемирие с Францией на шесть месяцев, то есть до 1 января 1526 года, и согласился на личное свидание с королем.

Анн де Монморанси

Непривычные условия жизни, в которые был поставлен Франциск, подкосили его крепкое здоровье. У него открылась сильнейшая горячка. Весь Мадрид взволновался при этом известии, поскольку Франциск был всеобщим любимцем. Церкви наполнились молящимися, как будто вопрос шел о здоровье испанского государя. Доктора заявили, что только Карл может вернуть ему здоровье, вернув надежду на свободу. Из отдаленнейших концов Европы летели к Карлу послания, ходатайствующие за французского короля. Свидание Карла с Франциском состоялось 18 сентября, а на следующий день в Мадрид прибыла Маргарита, разбитая от усталости, тяжелого пути и счастливая тем, что застала еще в живых своего брата.

В те времена путешествие в Мадрид было далеко не легким. Тысячи препятствий и опасностей возникали на пути, и поступок Маргариты, одинаково говорящий о ее преданности брату и о бесстрашии, вызывал всеобщее удивление и восторг. Эразм прямо называл ее «героиней». Конечно, она ехала не одна. Ее сопровождали президент парижского парламента, епископ Тарбский и придворные дамы. Мать проводила ее почти до Авиньона, так как Маргарита должна была сесть на корабль в Эг-Морте. Но внезапно разыгралась непогода. 27 августа она сообщает королю:

> Государь, гонец расскажет Вам, каким образом небо, море и советы людей задержали меня здесь. Но Тот, Кому все повинуется, разрушил все препятствия, послав теперь такую хорошую погоду, что даже те, которые еще вчера вечером колебались, сегодня утром советуют мне ехать, что я и исполняю с таким желанием Вас видеть, какое Вы, Государь, можете себе лишь вообразить.
>
> Ничто мне не помешает больше: ни опасность, ни море, беспокойное в это время года, и я не остановлюсь раньше того места, где увижу Вас. Ибо мысли о смерти, о горе, об опасностях мне теперь столь привычны, что я готова их считать за свободу, жизнь, здоровье и славу, думая хоть таким образом участвовать в Вашей судьбе, которую я со счастьем взяла бы для себя одной.

Маргарита высадилась в испанской гавани Паламос после тяжелого и опасного морского переезда. Но ей предстоял еще утомительный и длинный путь до столицы, по земле, выжженной палящими лучами солнца. Это путешествие совершалось в носилках (litière), несомых мулами. Двигались очень медленно, останавливаясь для ночевки в плохих гостиницах. Наконец Маргарита достигла цели своего путешествия.

Император встретил ее в дверях своего дворца Аль-казара и, торжественно приветствовав, провел во внутренние покои. Она была одета, как всегда, в черное бархатное платье, и белое покрывало ниспадало до пола мягкими складками с ее темных волос.

Франциску становилось все хуже, хотя его успокаивало постоянное присутствие любимой сестры. Он часами слушал ее рассказы о том, что делалось без него на родине и в его семье, и забывался под тихие звуки ее ласкающего голоса.

Брантом пишет:

> Лучше всяких докторов зная его природу и сложение, она заставляла их лечить короля по-своему и делала это так успешно, что спасла его, почему впоследствии Франциск часто говаривал, что без нее ему бы не выжить и что она даровала ему жизнь.

Через неделю Франциск чувствовал себя уже настолько хорошо, что мог расстаться с сестрой, которая 2 октября выехала в Толедо (императорскую резиденцию), чтобы приступить к выполнению своей дипломатической миссии.

Ей предстояла непростая и щекотливая задача. Хотя бывшие до сих пор переговоры не привели ни к какому положительному

результату, зато они выяснили требования и желания обеих сторон и хорошо познакомили друг с другом противников. Трудно было найти людей более противоположных по складу характера и уму, чем французский король и германский император. Маргарита сама хорошо знала это. Для того чтобы примирить их, сказала она однажды венецианскому послу, нужно было бы переделать одного из них по образцу другого. Мезере удачно охарактеризовал их различия:

> Франциск имел блестящие внешние качества и гибельные недостатки, а Карл имел политические качества и полезные недостатки.

Карл V был расчетлив в поступках, обладал железной волей и огромным честолюбием. И с этим человеком пришлось теперь вступить в дипломатическое единоборство женщине, отличительную черту которой, по ее собственному признанию, составляла «глупая мягкость». Луиза, Франциск и многие другие надеялись, что Карл, как обычно и все, подпадет под обаяние Маргариты: один час совещаний между императором, королем и герцогиней подвинет дело более, чем целый месяц споров между юристами.

Император встретил Маргариту очень любезно, выразил ей удовольствие по поводу выздоровления ее брата.

Она информирует Франциска:

> Сегодня после обеда по совету вице-короля я пойду к императору и мы начнем Вас освобождать. Он [император] желает, чтобы в комнате не было никого, кроме нас двоих и одной из моих женщин, которая будет держать дверь. Сегодня же вечером сообщу Вам обо всем, что сделаем. Умоляю Вас, Государь, притворяться перед д'Аларсуа [тюремным надзирателем] больным и угнетенным, ибо Ваша слабость меня укрепит и подвинет мою задачу.

Задача эта, при ближайшем с ней ознакомлении, оказывалась все труднее и труднее. Правда, Карл V аккуратно совещался с герцогиней Алансонской, но она скоро поняла, что ее хотят провести и не думают убавлять своих требований: королю предлагали купить свободу не иначе, как ценой герцогства Бургундского. Неискренность и непрямота действий испанской дипломатии раздражали Маргариту, и она утомлялась от траты времени пустые на разговоры, которые ни к чему не приводили. Ее настроение вполне сказалось во втором ее письме из Толедо.

Государь, я не писала Вам раньше, желая сообщить Вам что-нибудь более приятное, чем то, что я здесь до сих пор видела; но ввиду постоянного оттягивания и того странного поведения относительно меня, которого здесь придерживаются, я решилась пойти сегодня после обеда к императору и узнать от него хоть какое-нибудь решение дела, на чем я и буду настаивать всей моей властью, и немедленно уведомлю Вас. Вчера вечером ко мне заходил вице-король, ужасно недовольный тем, что не может нам служить, как того хотел бы; сказать правду, мне кажется, что они все здесь очень стеснены. Я разговаривала с ним долго и с раздражением указала на то, что не видела уже два дня императора, прибавив, что у них у всех мало чести, зато много недоброжелательства, и что я отлично знаю, что я их стесняю и что им очень бы хотелось удовлетворить меня, ничего не сделав по совести. Я высказала ему также, что мне было бы гораздо приятнее, если бы они прекратили всю эту комедию и откровенно высказали мне свое решение, с чем он вполне согласился… Уверяю Вас, Государь, что роль истца среди таких неблагоразумных людей мне кажется гораздо труднее, чем должность врача, наблюдающего за Вашим здоровьем.

В другом письме ее тон становится еще решительнее:

Вчера я была у императора, который обошелся со мной очень холодно. Он пригласил меня в свой кабинет для беседы, но все его разговоры были притворны; он поручил мне поговорить с его Советом. Посылаю Вам человека, который расскажет все, что здесь делается, дабы Вы ознакомились с теми приемами, которые они здесь употребляют, несмотря на то, что очень опасаются, как бы я не соскучилась здесь, ибо я даю им понять, что, если они не переменят свой образ действий, я уеду.

Очевидно, однако, эти угрозы мало действовали на Карла и его советников. Герцогиня жалуется брату:

Если бы еще мне приходилось иметь дело с хорошими людьми и которые понимают, что значит слово «честь», я бы не беспокоилась так об этом опаздывании, но тут как раз обратное. Каждый мне говорит о своей любви к королю, но доказательств этому нет никаких.

Чтобы ясно представить себе беспокойство и раздражение Маргариты, отметим, что паспорт был ей выдан лишь на строго определенный срок, пропустив который, она лишалась всех гарантий безопасности и даже личной свободы. Поэтому ей необходимо было и закончить все дела, и своевременно попасть на французскую границу. Время шло, а разработка пунктов мирного договора подвигалась вперед очень медленно. Карл не хотел отказываться от Бургундии и под всевозможными предлогами уклонялся от окончательного объяснения с Маргаритой; у него также не было желания выступать перед Европой, с напряженным вниманием следившей за всем, что происходило в Мадриде и Толедо, в виде жестокого и несправедливого притеснителя, пользующегося несчастьем своей благородной жертвы. Маргарита перестала ходить к императору, поняв, что он избегает ее, да и роль просительницы ей не нравилась. Она пишет Франциску:

> Вице-король советовал мне побывать у императора, но я ответила ему, что никогда в жизни не выходила из дому, не будучи специально званной, и что когда императору заблагорассудится меня пригласить, – меня могут найти в монастыре. Здесь я пробыла с часу дня до пяти и до сих пор никакого ответа не получила. Вот уже три дня, как я нигде не бываю, и думаю – это (как я и объяснила вице-королю) для того, чтобы все они поняли, что если я не разговариваю о делах с императором, то мое положение не дозволяет мне разговаривать о них и с его слугами.
>
> Сколько могу судить по некоторым их разговорам, они очень смущены и опасаются, что я с ними совсем распрощаюсь. Мне кажется, что если мы будем еще в течение некоторого времени обращаться с ними построже, то они заговорят с нами иным языком. Что бы ни случилось, умоляю Вас, раз они поступают так низко, не слишком тяготиться замедлением, которое потребуется для того, чтобы довести их до той точки, до которой я хочу.

Как видно из этого письма, отношения Маргариты с Карлом становились очень натянутыми. Наконец терпение герцогини истощилось, и она, по словам Брантома, обратилась к императору с такой смелой и прямой речью, что он остолбенел от неожиданности и удивления. Она доказывала ему неблагородство его отношения к Франциску, его сюзерену, упрекала его в жестокости сердца и говорила, что если король умрет от его

гадкого отношения, то смерть эта не останется безнаказанной, ибо у него есть сыновья, которые – настанет день – жестоко отомстят за своего отца.

Брантом продолжает:

> Эти слова, сказанные с величием и большой горячностью, заставили Карла призадуматься, так что он умерился и даже навестил короля, которому наобещал массу всяких прекрасных вещей, которых он, впрочем, не дал ему. Но если она хорошо говорила с императором, то еще лучше сказала в его Совете, в заседании которого присутствовала. Там она всех победила своей блестящею речью, сказанной притом с грацией, которой далеко не была лишена, так что, в конце концов, она стала всем приятна, а не антипатична; тем более что она была прекрасная молодая вдова, и в цвете лет!.. А все это очень способно растрогать и смягчить людей суровых и жестоких. Словом, она добилась того, что ее доводы найдены были основательными, и она завоевала себе всеобщее уважение: императора, его Совета и всего двора.

Но это уважение к самой Маргарите, к ее твердости и уму не отразилось на дальнейшем ходе переговоров. Несмотря на утверждение Брантома, что «ее доводы были найдены советом основательными», ни одна из предложенных ею комбинаций не была принята. Видя, что дипломатические переговоры ни к чему не приводят, она решила устроить заговор и спасти Франциска путем бегства. Было условлено, что король наденет одежду негра, каждое утро приносившего дрова в его комнату, замажет себе лицо сажей и с наступлением ночи выйдет из своего заключения. Все уже было приготовлено, но внезапно заговор раскрылся: его выдал подкупленный испанцами королевский камердинер. Аларсуа, смотритель тюрьмы, получил предписание не впускать больше негра в комнату Франциска, а к паспорту Маргариты было приписано, что ее свобода и спокойствие гарантируются испанским правительством лишь в том случае, если она ничего не предпримет против воли императора и во вред испанскому государству. Эта приписка звучала угрозой и создавала герцогине положение с очень относительной безопасностью.

Весьма вероятно, что именно в это время у Карла появилась мысль оттянуть под разными предлогами отъезд Маргариты, чтобы ее паспорт, как просроченный, утратил свою силу, и тогда можно было бы задержать ее в качестве пленницы, а потом, распоряжаясь братом и сестрой, принудить Францию к согласию

на все требования. Это казалось тем исполнимее, что 1 января 1526 года кончалось перемирие и Карл, становясь в положение военного врага, мог уже не стесняться никакими условиями. Однако ему, кажется, не удалось вполне скрыть свои коварные замыслы: его неожиданно вернувшаяся любезность относительно герцогини породила кое-какие подозрения – если не у нее самой, то у ее спутников и у брата.

Франциск стал уговаривать сестру уехать. Долгое время торопливый отъезд герцогини объясняли тем, что она увозила с собой акт первостепенной важности: именно «Отречение» Франциска от престола, который следовало доставить как можно скорее во Францию и который резко изменял все положение дел, оставляя в руках императора вместо короля частного человека.

Шамполльон-Фижак (Champollion-Figeac), отыскавший оригинал документа, сначала оспаривавшегося учеными, установил ошибочность этого мнения и выявил, что Франциск только *предполагал* послать его с сестрой, но что потом вследствие каких-то причин передумал и отправил его с Монморанси. Наверное, узнав, что Маргарите может угрожать задержание, он вручил ценную бумагу тому, кто меньше рисковал. В «Отречении» Франциск объявлял королем своего наследника, дофина Вьеннского; до его совершеннолетия поручал регентство своей матери, Луизе Савойской, а в случае ее смерти – сестре Маргарите, герцогине Алансонской.

Маргарита рассталась с братом в середине ноября. Находясь в пути, она надеялась, что Карл наконец откажется от некоторых своих требований и тогда она вернется во Францию не одна, а с освобожденным братом. Маргарита пишет Франциску:

> Завтра я сделаю только четыре лье, ожидая от вас известий для того, чтобы, если понадобится, поскорее вернуться к Вам.

Из Медины в середине декабря она советует не уступать врагу и не отказываться от своих условий, но вскоре тон ее меняется; проехав Сарагосу, она шлет послание уже совсем иного характера:

> …Если Вы видите, что даже Ваше терпение не может принудить их говорить в Вашу пользу, тогда не останавливайтесь ни перед землями, ни перед детьми, [53] ибо королевство Ваше нуждается в Вас более, чем когда-либо, в силу любви, которую оно несет Вам. И поверьте, Государь: если бы я думала, что Ваше долгое заключение для Вас почетнее, то даже грусть,

> испытываемая мною по поводу Вашего горя, не заставила бы меня посоветовать Вам что-либо неподходящее. Но, видя, как Вы необходимы… я осмеливаюсь умолять Вас не откладывать своей свободы из-за чего бы то ни было…

Маргарита, очевидно, потеряла надежду на освобождение короля без уступки Бургундии. К тому же безнадежному выводу пришла и Луиза, давшая в конце ноября своим послам разрешение уступить Карлу, если уж нельзя обойтись без этого. Вероятно, письмо произвело глубокое впечатление на Франциска. Зная его характер (скоро воспламенялся, но так же скоро и отчаивался), легко предположить: после отъезда сестры, умевшей будить в его сердце благороднейшие струны и поддерживать его энергию, король впал в совершенное уныние и сам испугался того, что написал в своем «Отречении». Очень может быть, что именно в это время ему пришла в голову мысль обмануть Карла V: купить свободу ценой Бургундии, но не отдать ее. И как раз в это же время его любимая сестра, суждениям которой он привык безусловно доверять, говорит ему: не смущайтесь их требованиями; отдайте земли, отдайте детей своих, только получите свободу.

19 декабря, в день отъезда во Францию маршала Монморанси, увозившего с собой «Отречение», король приказал французским послам отдать Бургундию. В этом проявился характер Франциска I: в один и тот же день отправить в Париж отречение от престола, а в Толедо – приказ уступить императору! Карл V добился своего. За Бургундию, которую он получал в полное владение, император отказывался только поддерживать интересы герцога Бурбонского.

14 января 1526 года Мадридский договор, освобождавший (после почти годового плена) короля Франции, был скреплен нужными подписями. По этому договору кроме Бургундии Франциск отказывался в пользу своего соперника от Милана, Генуи, Асти и Неаполя, от сюзеренства над Фландрией и Артуа, а также от всякой возможности когда-либо помогать своим верным друзьям-союзникам графам де Ла Марк (Флеранж) и Генриху д'Альбре Наваррскому. Накануне король секретно «опротестовал» подпись, которую он, «вынужденный насилиями», собирался дать Карлу. Этот «протест» – небольшой документ, врученный французским уполномоченным, заранее объявлял Мадридский договор как бы несуществующим, а Франциска – обязанным вместо того, чтобы отдать Бургундию, вручить Карлу соответственную денежную сумму.

Советники Карла V отлично сознавали, что уступки,

делаемые королем, слишком велики, чтобы их одобрили в королевстве, и потому не доверяли искренности Франциска. Один из дипломатов императора писал ему:

> Или поставьте короля французского так низко, чтобы он *не мог* Вам вредить, или обращайтесь с ним так хорошо, чтобы он *не хотел* Вам вредить, или оставьте его у себя пленником. Но горе Вам, если Вы отпустите его наполовину довольным.

Между тем все отлично понимали, что Франциска «отпускали наполовину довольным». Да и могло ли быть иначе, когда его вынуждали отдать одно из лучших владений его короны? Но Карл спешил, опасаясь влияния «Отречения», слух о котором уже распространился по всей Европе. Как бы то ни было, 14 января 1526 года Франциск получил свободу, хотя фактически ему удалось ею воспользоваться только двумя месяцами позже.

Король не выполнил Мадридского договора, ссылаясь на Бургундские штаты, созванные им и решившие, что страна, их уполномочившая, не желает быть отделенной от французской короны. Взбешенный император, видя себя побежденным хитростью Франциска, к политической сообразительности которого он относился очень скептически, потребовал, чтобы тот снова вернулся в тюрьму, раз он не мог сдержать данных им обещаний. Франциск ответил на это провозглашением (8 июля 1526 года) Священной лиги – для освобождения Италии. Но, объявив себя защитником Апеннинского полуострова, Франциск и не думал серьезно отдаваться этому. После неудачи при Павии война перестала манить его, а государственные дела всегда были ему в тягость. Поэтому, хотя он, вернувшись в Париж, отменил регентство, Луиза осталась фактической правительницей королевства. А Франциск предался удовольствиям и наслаждениям, которых так долго был лишен.

Глава 7
С надеждой в сердце

Франциск совсем забыл про религиозные распри, которые росли в его королевстве. Сорбонна с большой энергией принялась за истребление ереси еще тогда, когда короля не было в стране. Поражение в битве при Павии и дальнейшие события очень помогли ей в этом. Чтобы освободить сына из плена, Луиза всюду искала помощи и союзников. Она обращалась и к папе, и к духовенству, и к Сорбонне. Что до Сорбонны, она, заявив, что король навлек на себя гнев Божий теми снисхождениями, которые он оказывал еретикам, посоветовала возобновить пытки. Парламент поддержал предложение университета. Буллой от 20 мая 1525 года папа благословил назначенную для выявления ереси комиссию, власть которой простиралась даже над герцогами и архиепископами. Провинциальные парламенты последовали примеру столицы. Были сооружены эшафоты, запылали костры и потекла кровь отступников от единой католической церкви.

Ужас охватил последователей нового учения. Никто не был защищен от насилия и своевольных жестокостей инквизиционной комиссии. Она уже почти не судила, а только приговаривала, и притом уничтожала своих противников часто не казнью, но простым убийством посредством подкупа и яда.

Снова было возбуждено дело епископа Брисонне. Его потребовали к суду, опять он присягнул в своей «правоверности» и отрекся от «лютеровой ереси». Тогда Сорбонна приказала арестовать пятерых человек, казавшихся ей особенно подозрительными, и прежде всего Лефевра, Русселя и Каролли. Но когда за ними явились, их уже не было у епископа. С помощью Маргариты он скрыл их и дал им возможность бежать в Страсбург, который давно играл роль убежища для всех преследуемых за веру. В Страсбурге беглецы нашли самый радушный прием у тамошнего ученого Капитона, раньше уже приютившего у себя Фареля. Вскоре к ним присоединились Мишель Аранд, обвиненный в ереси, Симон де Турне, обратившийся в протестантство из евреев и пользовавшийся большой поддержкой Маргариты, Корнелиус Агриппа, бывший придворный врач Луизы, и еще несколько человек, которых связывало не только единство убеждений и веры, но и чувства глубокого уважения, любви и благодарности к королевской сестре, не переставшей всячески помогать своим друзьям, даже

в изгнании. Она посылает им крупные денежные пособия. Вот как описывает ее деятельность один из католических историков того времени, Флоримон де Ремон (Florimond de Rémond):

> Герцогиня Алансонская, добрая, но легкомысленная женщина, охотно их [протестантов] слушает, получает от них книги и заставляет королевского духовника, епископа де Санлис, переводить на французский язык латинские молитвы. Она говорит королю о лютеранстве, развивает ему тезисы их религии, думая сделать его более мягким и гибким. Она из жалости открывает свой дом всем изгнанным и осужденным. Всеми историками обеих партий отмечено, что эта принцесса, не желая худого, одна виновата в сохранении французских лютеранцев и в том, что церковь, с тех пор присвоившая себе название «реформатской», не могла быть уничтожена в самом своем зародыше, ибо она не только внимала их беседам, которые вначале были вполне благонамеренны и не так смелы, как впоследствии, но, кроме того, содержала нескольких из них на свой счет в школах Франции и Германии. Она с удивительным рвением спасала и защищала всех тех, кто находился в опасности из-за своих религиозных убеждений, и помогала скрывшимся в Страсбурге и Женеве. Туда-то послала она ученым четыре тысячи в один раз. Словом, эта мягкая принцесса в продолжение девяти или десяти лет не имела другой заботы, как спасать тех, кого король хотел подвергнуть строгостям суда. Она часто говорила ему о них и понемногу старалась внушить ему жалость к ним, в чем ей помогала герцогиня д'Этамп.

Даже находясь в Испании и будучи занята там сначала болезнью брата, а потом – дипломатическими переговорами, она не забывает преследуемых. Под ее влиянием Франциск, уведомленный об опасности, грозившей Лефевру и Русселю, 12 ноября 1525 года пишет письмо своему парламенту, в котором жалуется на «клеветы, направленные против лиц такого великого знания и ума», и приказывает приостановить процессы до его возвращения из плена, так как он «решил, неуклоннее, чем когда-либо, выказывать свое благоволение людям науки (aux gens de lettres)». Но это письмо не произвело никакого впечатления: Сорбонна хотела в отсутствие короля погубить своих врагов. Поэтому 15 декабря парламент постановил «продолжать расследование дела ввиду необходимости пресечь зло в корне», и в январе 1526 года Пьер Туссен был брошен в тюрьму, а Беркен

объявлен еретиком и приговорен к казни. На защиту Беркена выступила герцогиня Алансонская, только что вернувшаяся из Испании и воспользовавшаяся промахом самой Сорбонны, затеявшей уж слишком смелое дело: университетские мэтры обвинили в ереси ни больше ни меньше, как самого Эразма. В качестве обвинителя выступил синдик Беда, «в котором сидело три тысячи монахов», по выражению Эразма (in uno Beda sunt tria millia monachoruin), и который усмотрел еретические мысли в остроумных «Беседах» (Colloques) ученого. Эго было большой ошибкой со стороны теологов, ибо Эразм не только не симпатизировал новому религиозному движению, но прямо был ему враждебен. Возмущенный дерзостью Сорбонны, он резко выступил против нее. Эразм писал тем из французских богословов, с которыми еще не порвал отношений:

> Что породило это страшное пламя лютеранства, что разжигало его, как не безумствования Беды? На войне всякий солдат, честно выполнявший свое дело, получает награду от своих полководцев, а я – вся награда, которую я получаю от вас, предводителей этой войны, заключается в клеветах какого-то Беды, возводимых им на меня!..

С таким же письмом он обратился и к парламенту:

> Как! В то время, когда я боролся с этими лютеранцами и давал им настоящее сражение по приказанию (!) императора, папы и других государей, чуть не рискуя для этого своей головой, Беда и Лекутюрье осаждают меня с тылу своими бешеными книжонками! О, если бы судьба не отняла от нас короля Франциска, я обратился бы к нему, защитнику муз, прося помощи против этого нового нашествия варваров. Но пока он отсутствует, вы, парламент, должны пресечь такую несправедливость!

Не довольствуясь этими воззваниями, Эразм обратился с письмами к Карлу V и к Франциску I. Королю он так охарактеризовал Сорбонну и ее друзей:

> Они выставляют свою веру, а стремятся к тирании даже над князьями. Они идут твердым шагом, хотя и под землей; если князь осмеливается не подчиниться им во всем, – тотчас они объявят, что его можно низложить властью церкви, то есть властью нескольких фальшивых

монахов и нескольких фальшивых богословов, сговорившихся против общественного порядка.

Письмо произвело сильное впечатление на короля и явилось серьезной и неожиданной поддержкой доводам и убеждениям Маргариты. Уже из Байонны он послал строжайший приказ выпустить Беркена. Маргарита в горячих выражениях поблагодарила своего брата:

> Государь, желание всегда повиноваться Вам было достаточно велико и не нуждалось быть удвоенным той милостью, которую Вам угодно было оказать бедному Беркену, согласно Вашему обещанию. Я уверена, что Тому, ради Кого он страдал, благоугодно будет Ваше милосердие, оказанное Вами во славу Господа – Его и Вашему слуге. А те [намек на Сорбонну и инквизиторов], которые за время Вашего несчастья забыли и Бога и Вас, познают, что их коварство не в силах скрыть истину пред Вашим разумом… и от этого их смущение будет не меньше, чем та вечная слава, которую дарует Вам Тот, Кто прославляется через Ваши дела!.. Я чувствую себя столь много Вам обязанной, что не могу выразить Вам свою великую благодарность иначе, как абсолютным Вам повиновением.

Рядом с этим письмом имеется и другое, адресованное к маршалу Монморанси, в котором мы читаем следующее:

> …Благодарю Вас за удовольствие, доставленное мне освобождением бедного Беркена, которого я ценю и люблю, как себя, и потому Вы можете считать, что извлекли из тюрьмы меня лично.

Беркен, избегнув на этот раз смерти, не угомонился. Он восклицает в письме к Эразму:

> Настало время унизить всех схоластиков!

Эразм отвечает ему:

> Напротив! Настало время щадить всех людей; не доверяйтесь королю, не сталкивайтесь с Сорбонной… помните, что не нужно раздражать негодяев, и наслаждайтесь с миром Вашими научными занятиями. Главное же, не впутывайте меня в Вашу историю: это не было бы полезно ни для меня, ни для Вас…

Светлые надежды, возлагавшиеся всеми друзьями просвещения на возвращение короля из плена и на его благотворное вмешательство в работу инквизиционной комиссии, казалось, оправдывались. Счастливый от обретенной свободы, благодарный своей сестре за ее преданность и любовь, так осязательно доказанные ему в последние месяцы 1525 года, Франциск был настроен вообще очень мягко и подчинялся легко влиянию Маргариты. После освобождения Маро и Беркена король, запретив сочинения Беды против Эразма и Лефевра, разрешил напечатать «Беседы» Эразма в количестве 24 тысяч экземпляров. Затем был выпущен на свободу Пьер Туссен; Корнелиус Агриппа получил возможность снова вернуться в Лион (из Страсбурга); Мишель Аранд был восстановлен в своей должности «раздавателя милостыни» при герцогине Алансонской и возведен в сан епископа. Наконец, Жак Лефевр и Жерар Руссель были «с честью» призваны королем. Оба они поехали сначала к Маргарите – повидаться со своей покровительницей, и уже с ней вместе возвратились потом в Блуа. Вскоре Руссель, по рекомендации Аранда, получил звание «придворного проповедника герцогини Алансонской», а Лефевра назначили хранителем королевской библиотеки и воспитателем третьего (любимейшего) сына Франциска, герцога Карла Ангулемского.

Таким образом, мечты протестантов, что «уже недалеко то время, когда во Франции наступит царство Евангелия», находили себе некоторое обоснование в действительности. Реформисты подняли голову и смелее глядели в будущее.

В сердце Маргариты снова проснулась надежда на возможность обратить короля, а с ним и всю страну, в веру менее фанатичную, но более разумную и гуманную. В этой надежде ее сильно поддерживал граф Сигизмунд Гогенлоэ, пять лет тому назад обратившийся в протестантство и мечтавший ввести его и во Франции. Он вступил в переписку с Маргаритой и ее матерью после Павийской битвы. Первое письмо герцогини, в котором она благодарит его за посещение их после постигших несчастий, помечено 24 июня 1525 года. Позже, 9 марта 1526 года, она пишет ему следующее:

> …Я получила одно из Ваших писем в Испании, а другое… уже здесь, и оба они доставили мне немалое утешение, укрепив меня на пути истины, на котором я, однако, не так далеко ушла, как Вы полагаете. Относительно Вашего желания приехать во Францию, гонец сообщит Вам радостные вести, полученные мною сегодня. И так как Вы хотите повидать бедного

пленника… то я Вам советую приехать в конце марта или в середине апреля, ибо тогда, я надеюсь, Вы найдете нас уже всех вместе. Надеюсь также на бесконечную милость Божию, что с Вашей помощью будет услышано слово истины. Конечно, вначале, как Вы легко себе можете представить, придется-таки поработать! Но Бог есть Бог, столько же невидимый, сколько и непостижимый, слава которого и победа так духовны, что Он побеждает именно тогда, когда весь мир мнит его побежденным!..

Однако желаниям графа Сигизмунда не суждено было исполниться. Уже 11 мая мы читаем в письме Маргариты:

…Желание повидаться с Вами еще усилилось… но все Ваши друзья решили, что, по некоторым причинам, время для Вашего приезда еще не настало. Но как только нам удастся совершить нечто, нами начатое, Вы утешитесь…

В июле было написано последнее из сохранившихся писем Маргариты.

…Не могу Вам выразить все мое огорчение… Королю было бы неприятно видеть Вас теперь. Причиной тому – опасения некоторых лиц, как бы это свидание не помешало освобождению королевских детей.

Кого Маргарита разумела под словами «некоторые лица»? Кто мог помешать исполнению ее плана и внушить королю нежелание видеться с протестантским графом? По всей вероятности, это был маршал Монморанси, товарищ детства короля. Взятый в плен при Павии вместе с многими другими, он вскоре был освобожден за большой выкуп и затем принимал деятельное участие в переговорах относительно освобождения Франциска, который, как известно, вручил ему свое «Отречение». Постоянно находясь возле короля, причем в самых простых и близких с ним отношениях, он имел на него большое влияние, особенно усилившееся с тех пор, как смерть унесла (в конце Павийской битвы) другого любимца короля, адмирала Бониве. Влияние Монморанси не было благотворным. Вот что об этом человеке – крайне ограниченном, тупом, упрямом и жестоком, тщеславном и самолюбивом – рассказывает Брантом:

Каждое утро он читал «Отче наш», и люди говорили,

что нужно очень опасаться молитв господина коннетабля, ибо, шепча их, он говорил при случае: Повесьте-ка мне такого-то! Вздерните повыше другого! и т. д. Такие слова справедливости и военной дисциплины нисколько не сбивали его с «Отче наш», и он считал бы большим упущением, если бы отложил их до следующего дня.

Монморанси впоследствии, уже будучи коннетаблем Франции, причинил ей немало бедствий медлительностью, неумением пользоваться обстоятельствами и своей «системой охранения страны» путем ее совершенного разорения. Он был лишен всяких военных способностей, но не больше удавалась ему и дипломатия. Этот могущественный вельможа вместе с канцлером Дюпра стал во главе начинавшей формироваться ультракатолической партии, нашедшей себе адептов среди придворных и считавшей Маргариту вождем реформаторов. Однако Монморанси не занял открыто враждебного положения относительно герцогини и даже в мелочах услуживал ей, понимая, что такое положение вещей для него выгоднее и безопаснее, в особенности в первое время по освобождении короля, когда еще и у Франциска, и у всей Европы живы были воспоминания о недавнем бескорыстном служении ее интересам брата. Приобрести в ней явного врага не входило в расчеты хитрого царедворца, хотя он и не гнушался всячески подтачивать доверие к ней короля.

В январе 1527 года в жизни герцогини Алансонской произошла перемена, значительно отразившаяся на судьбе французской Реформации. Маргарита вышла замуж за короля Наварры. Этот новый ее брак, не позволяя ей постоянно жить при дворе Франциска I и непосредственно влиять на брата, был очень на руку ярым защитникам католицизма. Неизменная и могущественная заступница гонимых представителей лютеранства переселилась в далекое королевство, расположенное по отрогам Пиренеев. Вместе с ней от французского двора уходило Возрождение в лучших своих формах – уходили гуманность, широта взглядов, смелость и размах фантазии, талант. Вместо них оставался блеск придворной мишуры, распущенность нравов и пустота. Франциск сам уже настолько опустился, что не в силах был один поддержать то, что создал десяток лет назад блестящий мариньянский герой под свежим впечатлением «прекрасной Италии».

Зато в замках Нерака и По, в маленьких наваррских городах закипела небывалая дотоле умственная жизнь, и для них, в свою

очередь, наступила эпоха Возрождения. С Наваррой отныне будут связаны имена крупнейших художников, поэтов, ученых и проповедников, которые, не найдя приюта и защиты во всем большом государстве брата, нашли верное пристанище в маленьком королевстве сестры, которая перенесла в бедную (во всех отношениях) страну блестящую культуру Италии.

Часть II
Маргарита Ангулемская – королева Наваррская
1527–1549

Глава 8
Добрый гений

В Парижской национальной библиотеке сохранилось письмо Карла V к Луизе Савойской, в котором император просит для себя руки Маргариты, герцогини Алансонской. Несомненно, что оно было написано *раньше* ноября 1525 года, ибо от 12 ноября имеется письмо короля Португалии к Луизе, в котором он извещает ее о браке Карла с португальской инфантой. Ответ на письмо Карла неизвестен, но (судя по тому, что происходило в дальнейшем) он, во всяком случае, был неблагоприятен, хотя еще несколько месяцев назад сама Луиза, измышляя всевозможные способы для освобождения своего сына из плена, не задумываясь, предлагала императору руку дочери. В сборнике Шампольон-Фижака помещено письмо к Луизе, 2 июня 1525 года отправленное ей из Толедо одним из ее приближенных, где он сообщал о том, что получил все ее инструкции, а также «те соображения относительно герцогини Алансонской, которые свидетельствуют о радости регентши, если бы дочь ее была угодна императору»… Однако Карл тогда не удостоил вниманием это предложение; теперь, надо думать, ему ответили тем же.

Гораздо серьезнее и реальнее, казалось, был план брака между Маргаритой и Генрихом VIII Английским, который выступил в качестве защитника интересов Франции против безмерных притязаний императора, своего прежнего союзника. 30 августа 1525 года король Генрих заключил с Луизой Савойской мирный договор и обещал ей свою защиту. К такой перемене в дипломатии настраивал Генриха VIII его первый министр, кардинал Уолси,[54] желавший таким образом отомстить Карлу V за то, что тот два раза (при избрании римских пап Адриана VI и Климента VII) обманул его и не провел, как обещал, в папы. Но кроме этой обиды неосторожный император нанес Уолси еще и другую.

До Павийской битвы Карл оказывал всемогущему кардиналу знаки глубочайшего уважения и нередко писал ему письма за подписью «Ваш сын и кузен» (последнее было обыкновенной формулой в переписке государей того времени между собой), а после своей победы – не только перестал посылать собственноручные письма, но и в тех, которые посылались кардиналу от его имени, подписывался просто «Карл». Уолси был уязвлен и стал устраивать дружбу Англии с Францией против Германии. Но и этого было еще недостаточно для его мщения.

Ненависть к Карлу он перенес на его тетку, Екатерину Арагонскую, и начал поддерживать Генриха в мысли о незаконности его брака с ней и о необходимости развода.[55] Рассказывают, будто он имел при этом в виду скрепить вновь созданную дружбу между Англией и Францией браком Генриха с Маргаритой Алансонской и с этой целью очень расхваливал ее, говоря, что во всем мире «нет женщины более достойной и подходящей для Генриха VIII».

Совершенно согласуясь с Уолси в его желании отомстить Карлу V французские дипломаты при английском дворе употребляли все усилия для того, чтобы восстановить Генриха VIII против его супруги. Сам Франциск крепко держался за политическую дружбу с Генрихом, понимая, как важен для него такой могущественный союзник. Они обменялись выражениями самой преданной и горячей дружбы.

Казалось бы, Франциск должен был с радостью ухватиться за мысль Генриха жениться на герцогине Алансонской. Этот брак мог быть очень выгоден для Франции. Однако, как мы знаем из депеш (за март и апрель 1526 года) английского посла, Франциск мешал осуществлению этого плана, не позволил дипломату выполнить возложенные на него поручения – посол должен был принести герцогине Алансонской поздравления короля Генриха по случаю преодоления всех трудностей в деле освобождения брата; вступить в непосредственные отношения с герцогиней, установить полное согласие, совещаясь с ней всякий раз, когда того потребуют обстоятельства. Но Франциск не давал послу возможности видеться с герцогиней, несмотря на то что обычно все послы постоянно общались к ней. Король не хотел, чтобы сестра вышла замуж за главнейшего и могущественнейшего политического друга. А ведь политические союзы в то время часто и охотно закреплялись брачными союзами, и сам Франциск – во исполнение одного из пунктов Мадридского договора – только что женился на вдовствующей Элеоноре Португальской, сестре Карла V. Как же объяснить такое поведение короля?

Вспомним о маршале Монморанси. Его заслуги в деле освобождения Франциска ценились очень высоко, его влияние росло с каждым днем; тем более что те люди, которые могли успешно с ним соперничать, понемногу сходили со сцены: Луиза все чаще болела, канцлер Дюпра старел, а из прежних близких товарищей оставались при дворе лишь немногие. Монморанси, как мы уже отмечали, стоял во главе образовывавшейся ультракатолической партии, которая не могла допустить брака между английским королем и Маргаритой. Сделавшись английской королевой, получив силу и власть, не станет ли она

открыто на сторону реформаторов? И не склонит ли к тому же своего брата и своего супруга? Бороться с герцогиней Алансонской было трудно, но возможно; бороться с английской королевой – немыслимо.

Маргарита сама вывела всех из затруднительного положения. Она с негодованием отвергла брак, «долженствовавший совершиться на счет благополучия несчастной королевы Екатерины Арагонской». Все реформаторы того времени осуждали развод. Лютер объявил, что он скорее разрешит Генриху двоеженство, по примеру древних царей и патриархов, нежели развод. Любопытно, что эти слова Лютера совпали с мнением Уолси, который предложил папе, тоже на основании Библии, разрешить Генриху иметь сразу двух жен.

Судьба два раза предоставляла Маргарите случай стать во главе могучих государств, когда бы она несравненно более серьезно и глубоко влияла на все европейские события. Будь Маргарита германской императрицей или английской королевой, история Реформации значительно изменила бы свой характер и, вероятно, число жертв, принесенных за новое вероисповедание, было бы гораздо меньше. Но Маргарите суждено было оказаться государыней не великой европейской державы, а маленького, затерянного в Пиренеях королевства, утесняемого соседней Испанией.

При дворе Франциска находился юный Генрих Фуа д'Альбре, носивший титул короля Наваррского, хотя от всего его королевства у него оставалась лишь незначительная часть, тогда как другая, большая, уже 15 лет находилась во власти Испании. [56] Принадлежа по своему происхождению к родовитому дворянству Южной Франции, Генрих д'Альбре участвовал в последнем Итальянском походе и в битве при Павии. Он был взят в плен и заключен в башню под очень строгий надзор. Карл V намеревался вернуть Генриху свободу только в том случае, если он навсегда откажется от своих прав на Наварру. Но Генриху удалось бежать с помощью беарнского дворянина, барона д'Арроса и одной дамы, которая добилась разрешения посещать узника и принесла ему веревочную лестницу.

Из письма Генриха, короля Наваррского, к кардиналу Уолси (от 3 января 1526 года) известно, что он, Генрих, потихоньку спустился вниз, где его уже ждали готовые к бегству проводники и лошади. Беглецы благополучно добрались до французской границы и несколько дней спустя прибыли в Лион. А в это время в башне… Верный паж короля Наваррского, одинакового с ним роста и возраста, лег в его постель, притворившись спящим; когда

в комнату вошел офицер, которому пленник специально был поручен, у него не возникло подозрения, что перед ним лежит Франциск де Рошфор, а не Генрих д'Альбре. Конечно, вскоре обман открылся, но король был уже далеко и вне опасности. К чести испанцев нужно сказать, что ни паж, ни камердинер, участвовавшие в этой истории, не поплатились за свою смелость; напротив, их поздравляли замужество и преданность своему господину, с какими они служили ему.

Генрих вернулся во Францию, прославившийся как храбрый рыцарь, испытавший много всяких приключений и превратностей судьбы: это делало его особенно интересным при дворе. Впрочем, молодой король обладал и более серьезными достоинствами. Карл V в 1539 году так отзывался о нем: «Во Франции я видел только одного мужчину, и этот мужчина – король Наваррский». Действительно, когда Генрих через несколько лет после женитьбы навсегда переселился в свои наследственные владения, он выказал столько деятельной энергии, столько умения в управлении государством, что, например, В. Люро с полным правом написал о нем следующее: «Это был монарх, которому не хватало только обширного королевства, чтобы быть великим королем!» Воспитание при французском дворе придало блеск его природному уму и способностям, смягчило несколько грубоватый, отважный характер, свойственный настоящему горцу-баску.

Вот с этим-то человеком Маргарита Алансонская и вступила во второй брак, несмотря на то что он был моложе ее на 11 лет. Что побудило ее к этому шагу, сказать трудно. Ж. Мишле утверждает, будто Маргарита была выдана замуж против ее воли братом, уступившим желанию своей любовницы герцогини д'Этамп,[57] боявшейся влияния герцогини Алансонской на короля и потому требовавшей ее удаления от двора. Историк пишет:

> Маргарита горько рыдала, выходя замуж. Она обрекалась на изгнание, бедность, на то, чтобы быть супругой короля, у которого нет королевства.

Все это вряд ли справедливо. Тем более что у Мишле можно обнаружить и другие неточности: в одном месте, например, сказано, что Маргарита вышла замуж за Жана д'Альбре, но Жан был отцом Генриха.[58] И, насколько нам известно, отношения между Маргаритой и герцогиней д'Этамп были всегда вполне хороши, а по вопросу о протестантах они были даже союзницами, поэтому едва ли будет правильным объяснять замужество Маргариты интригами фаворитки. Кроме того, Маргарита, став королевой Наваррской, проводила все-таки большую часть

времени при дворе брата. Она переселилась в свое королевство лишь несколько лет спустя.

Маргарита в замке брата

Другие биографы Маргариты утверждают, что ее брак с Генрихом был браком по любви и что Франциск согласился на него, лишь уступая склонности своей сестры. Может быть, это и так, но нельзя сказать, чтобы этот брак был создан только личными отношениями Маргариты и Генриха. Несомненно, что он имел за собой серьезные дипломатические соображения и политические выгоды, поскольку для Франции было далеко не безразлично, кого изберет себе в супруги молодой король Наваррский. Несмотря на то, что это королевство было небогато, его географическое положение придавало ему особое значение, сделав яблоком раздора между Францией и Испанией: с XIII века борьба между ними не прекращалась.

Королевство Наваррское в самом начале XVI века располагалось по обе стороны Пиренеев, около Гасконского залива,[59] и разделялось горами на две неравные части. Со

стороны Франции находились графство Беарн и так называемая Нижняя (Северная) Наварра; на другой стороне, уже на полуострове, лежала Верхняя (Южная) Наварра, которую в 1512 году захватил Фердинанд Католик, а Карл V не возвращал, несмотря на неоднократные требования Франциска I. По Нуайонскому договору, 13 августа 1516 года, Карл V обязался вернуть Верхнюю Наварру в течение восьми месяцев. В 1521 году Франциск снова заявил свои требования относительно Наварры и с оружием в руках поддерживал их до августа 1522 года. По Мадридскому договору, 14 января 1526 года, Франциск отказался от помощи королю Наварры, но в начале 1527 года, выдавая сестру замуж за него, опять обязался поддерживать справедливые претензии своего зятя. Наконец, по договору в Камбре, 7 июля 1529 года, король снова отказался (в одном из тайных пунктов) от всякой помощи. Возможно, Генрих и Маргарита так никогда и не узнали об этом предательстве.

Свадьба была отпразднована со всей подобающей пышностью в Париже 24 января 1527 года. В брачном контракте (этот документ, датированный 3 января 1527 года, хранится в архивах префектуры города По) герцогине Алансонской, как королевской сестре, присваивался титул «de France».[60] Франциск осыпал новобрачных милостями, щедрыми дарами и еще более щедрыми обещаниями.

Поэты наперерыв воспевали и прославляли Маргариту, суля ей счастье, называя ее десятой музой и четвертой грацией, измышляя красивые легенды относительно ее чудесного происхождения из жемчужины, родившейся в той самой раковине, из которой некогда вышла Венера.

Пророчества и пожелания друзей-поэтов не сбылись: Маргарита и во втором своем браке не нашла счастья. Ее муж, не разделяя серьезных вкусов супруги, скоро вернулся к прежнему образу жизни свободного, бессемейного человека. По-видимому, королева относилась довольно спокойно к многочисленным изменам Генриха – потому ли, что это стало слишком уж привычным в XVI веке, или потому, что Маргарита считала: крупная разница лет до некоторой степени может смягчить вину Генриха; как бы то ни было, но уже через три года после их свадьбы она замечает в одном из писем к маршалу Монморанси, бывшему в то время (в 1530 году) в Испании:

> Прошу Вас во всем давать советы ему [Генриху], и так как Вы там, то я не сомневаюсь, что все будет хорошо, кроме только того, что Вам не удастся помешать ему увлекаться испанскими красавицами.

Маргарита говорит об этой слабости своего мужа совершенно так же, как говорила бы обо всякой другой. Но не следует объяснять это спокойствие равнодушием или даже нелюбовью к Генриху. Из всех ее писем и произведений явствует, что она была к нему привязана, однако в этой привязанности было что-то напоминающее отношение взрослого к ребенку, которого нужно постоянно охранять, оберегать и поучать. Когда Маргарита не находится рядом с ним, она просит тех, кому доверяет, не отказывать ему в помощи и совете; чаще всего она поручает его маршалу Монморанси, к которому всегда питала самые дружеские чувства и большое доверие.

> Поручаю Вам короля Наваррского и его свиту. Вы ведь знаете, что он в такой компании, которая не пощадит его в игре, если только Вы не поможете ему советом…
>
> ‹…›
>
> Я очень хорошо понимаю, что если Вы послушаетесь когда-нибудь мнения короля Наваррского, он заставит Вас наделать столько беспорядков, что совсем Вас испортит.

В другой раз она пишет маршалу:

> По Вашим письмам я поняла, что Вы лучший родственник, нежели король Наваррский – муж, ибо ему не захотелось даже порадовать письмом бедную больную женщину…

7 января 1528 года в замке По, в графстве Беарнском, у молодой королевской четы родилась дочь Жанна, будущая знаменитая королева Реформации, союзница адмирала Колиньи и мать великого Генриха IV.

15 июля 1530 года все королевство праздновало рождение наследника, нареченного Иоанном. Это была большая семейная радость, но она продолжалась недолго: принц Наваррский скончался двух месяцев от роду в отсутствие матери, бывшей тогда в своем герцогстве Алансонском. Ш. де Сент-Март рассказывает, что Маргарита, получив горестное известие, тотчас же направилась в церковь и просила вместо панихиды служить Te Deum,[61] ибо она знала, что у христиан есть твердая надежда на бессмертие и что не следует оплакивать сына, душа которого находится уже у Того, Кто сказал на земле: «Не возбраняйте малым сим приходить ко Мне!» Поэтому, поддержав короля Генриха христианским утешением, она велела расклеить на всех

углах и перекрестках города афиши со словами из Святого Писания: «Господь дал, Господь и взял». Такой способ выражения постигшего ее горя может показаться неестественным, а между тем он вполне объясняется и целиком вытекает из того мистически-религиозного настроения, которое все сильнее и сильнее овладевало Маргаритой, давая ей нравственную силу выносить все трудности жизни. Она собственноручно известила Франциска о смерти своего ребенка:

> Государь! Богу угодно было отозвать к Себе того, кого Вы называли своим внуком и появлению на свет которого Вы так радовались! Опасаясь, что Вы и Мать (Madame) слишком огорчитесь исходом болезни, я сама хотела уведомить Вас обо всем и умолять Вас обоих радоваться за него, а не горевать… Уверяю Вас, Государь, что отец и мать довольствуются волей Того, Кто может дать других [детей] для того, чтобы служить Вашим детям…

Но, успокаивая брата и утешая мужа, сама Маргарита сильно ощущала горесть своей утраты. Об этом, в частности, может свидетельствовать одно из ее писем к маршалу Монморанси.

> Благодарю Вас за Ваше сочувствие. Вы помогаете мне переносить бремя, которое без помощи Божией оказалось бы гораздо тяжелее, чем я думала.

Через год пришлось переживать новую утрату – умерла Луиза Савойская. Последние годы она болела все чаще и серьезнее. Начиная с 1527 года в переписке Маргариты встречаются уже опасения за состояние здоровья матери. Вероятно, в одну из тех тяжелых минут, когда призрак смерти встал особенно ярко перед ее умственным взором, Маргарита сказала, что «боится, не суждено ли ей остаться последней из их троицы». Франциск узнал об этих словах и понял их превратно – будто сестра желала его смерти. Может быть, какой-то услужливый царедворец «помог» недоверчивому Франциску перетолковать ее слова. В суеверном страхе король разозлился на сестру и упрекнул ее. Маргарита в одном из писем (написано раньше сентября 1531 года) так оправдывается, объясняя ложно понятое:

> Государь, Вы очень хорошо знаете, что не в моей власти не только что-нибудь от Вас утаить, но даже умолчать; ибо всю жизнь я говорила с Вами без всякого страха, заявляя Вам свои желания открыто, как брату,

получая Ваше приказание или совет, как от отца, как от того, кому я обязана всем, чего могу желать в этом мире. Для Вас я почитала жертву собственной воли – свободой, для Вас я почитала свою жизнь – счастливой, свою смерть – славной.

Но, Государь, если даже Богу и угодно было, чтобы Вы не поняли моей мысли… и приписали мне нечто такое, одно упоминание о чем причиняет мне нестерпимую боль, – то, умоляю Вас, не заставляйте меня проходить еще через чистилище и сделайте мне честь верить: если я и сказала, что опасаюсь остаться последней, то только потому, что боюсь получить на свою долю высшую меру несчастья, которую Господь может послать своему творению! И если бы мое желание совпадало с моим страхом, я бы постаралась охранять мою жизнь и здоровье несколько старательнее, чем я это до сих пор делала.

Я уверена, Государь, что Вы все это сознаете так же ясно, как я сама. Но те слова, которые Вы мне сказали при отъезде, что, может быть, Богу угодно, чтобы я пережила Вас и мою Мать, так тяжко отозвались в моем сердце, что я не могла не написать Вам этого письма. Ибо у меня нет другой цели, желания и намерения, как жить и умереть Вашей преданной и покорной подданной и сестрой.

Вероятно, после этого между братом и сестрой наладились отношения, так как не сохранилось никаких указаний о продолжении этой ссоры.

Луиза Савойская (Люксембургский сад. Париж)

В сентябре 1531 года Маргарита находится в Фонтенбло, где ухаживает за больной матерью. В очередном письме она просит у Франциска разрешения перевезти мать куда-нибудь в другое место, полагая, что ей будет полезна перемена воздуха. И через несколько дней они уже покинули замок Фонтенбло, но, едва отъехав, вынуждены были остановиться в маленькой деревеньке Грец. Луизе внезапно сделалось очень худо, и 22 сентября 1531 года она скончалась, как пишет А. Лефран, «вдали от любимого сына, который покинул ее, убегая от свирепствовавшей тогда чумы и не думая, что близок смертный час его матери».

Маргарита описала этот трагический момент в своей поэме «Темницы» (Les Prisons), о которой мы уже упоминали. Поэма была написана вскоре после смерти короля Франциска и пронизана тяжелым настроением Маргариты, поглощенной мыслью о смерти. Она любовно и подробно описывает последние

часы близких и дорогих ей людей, как бы черпая силу и спокойствие в этих грустных воспоминаниях и как бы готовясь также спокойно, как они, покинуть мир, который уже больше не представлял для нее ничего радостного и заманчивого.

Смерть Луизы высвобождала Франциска из-под влияния человека, не повиноваться которому он не мог. Все, что исходило от этой энергичной и властной женщины, подавляло его – ее любовь к нему, ее немалые административные способности и все те качества, которые у самого Франциска отсутствовали: трудолюбие, настойчивость и упорство в достижении намеченной цели. Другой вопрос – верно ли намечала она себе эти цели, правильно ли понимала государственные нужды и бескорыстно ли работала на благо родины? Большинство историков отвечают на это отрицательно. Все, что она делала, она делала для Франциска, а не для Франции, не опасаясь жертвовать интересами королевства ради выгод короля: так поступила она в деле освобождения Франциска из мадридского плена, предписывая послам отдать Бургундию, так же вела она дело и в 1529 году при заключении так называемого «мира Дам»[62] в Камбре, подписав унизительные условия для Франции – лишь бы вызволить своих внуков, «для которых воздух Испании был губителен». Страстная, слепая любовь Луизы к сыну может послужить если не оправданием, то хотя бы объяснением ее поступков.

Глава 9
Интимный круг

Генрих Наваррский обращал большое внимание на военные силы своего королевства, во-первых, твердо надеясь добиться возвращения ему от Испании другой части своих наследственных владений, а во-вторых, стараясь защитить оставшуюся часть на случай очередной агрессии. Для этого он принимал всевозможные меры: строил новые крепости, исправлял старые и укреплял пограничные города. И на все это требовались крупные денежные суммы. Ежегодно содержание королевского двора обходилось также недешево, однако и это было необходимо – по мнению Генриха, для поддержания королевского достоинства и славы дома д'Альбре, увеличившейся с тех пор, как в него вошла Маргарита, сестра великого французского короля. Маргарита, не изменяя себе, находила возможным по-прежнему помогать поэтам, художникам и ученым, всем гонимым за веру или даже за неверие. «Никто в XVI веке не занимался с большей заботливостью и практичностью устройством больниц и убежищ, чем сама королева, – пишет о ней А. Лефран. – Она основывала их в Париже, По, Нераксе, Эссэ и Алансоне». Благотворительность в широких размерах ложилась тяжелым бременем на бюджет королевы, но она, по утверждению Ш. де Сент-Марта, не считала себя вправе хоть немного сократить эту все разраставшуюся статью расхода, как не считала возможным уменьшить ежегодную трату на подарки, сверх жалованья, своим служащим. Вообще отношение Маргариты к подданным носит те же черты, которые так прославили ее великого внука – французского короля Генриха IV.

Через несколько лет с бюджетом стало еще труднее. Это случилось тогда, когда Франциск, забрав Жанну д'Альбре у родителей, поселил ее в замке Плесси-де-Тур и потребовал, чтобы она имела приличный двор. Правда, он обещал давать половину нужной суммы от себя, но и этого обещания, подобно многим другим, никогда не выполнял.

Королева Наваррская носила простое черное платье, подбитое горностаем, и небольшой головной убор. Она не любила роскоши (что не исключало ее любви ко всему изящному и красивому) и всячески урезывала расходы на себя лично.

В 1860-х годах вышла интересная книга графа Гектора де ла Феррьера, составленная целиком по вновь открытому им документу – «Приходо-расходной книге королевы» (Marguerite

d'Angoulême. Son livre do dépenses. 1540–1549). Эта монография, охватывающая период в 10 лет, основана на ежегодных записках ее любимого секретаря Жана Фротте. Прежде всего поражает то, что в учетной книге почти нет страницы, которая бы не была отмечена какими-нибудь дарами или пособиями Маргариты. Королева скупа только по отношению к себе самой, зато она помогает изгнанникам, содержит в университетах стипендиатов, вознаграждает художников и артистов, учреждает приюты для заброшенных детей, дает приданое бедным девушкам, прощает долги и пени, делает разные подарки своим многочисленным знакомым и приближенным, покровительствует ремеслам и промышленности.

Маргарита была бедна, но она не стыдилась своей бедности и не скрывала ее. Так, в одном из писем к брату она выражает благодарность, что он прислал ей денег, и говорит:

> Хотя у меня и нет земель, которые я могла бы продать, чтобы служить Вам, и хотя все, что я имею в этом мире, дано мне Вами, однако, видя положение Вашихдел, я предпочла бы лучше продать свою мебель, купленную на Ваши же деньги, чем лишний раз просить и обременять Вас. Мне писали, Государь, что Вам угодно назначить мне пенсион… если Вы хотите оказать мне эту помощь ради того, чтобы я лучше справлялась со своими расходами, то мне было бы приятнее, если бы Вы соблаговолили приказать передавать мне его в виде дара, а не ежегодной пенсии, дабы не вменять его Вам в обязательный расход. А те десять тысяч ливров, которые Вам угодно ныне мне подарить, я употреблю на свое путешествие к Вам. Но если бы я могла занять где-нибудь такую сумму, я бы ни за что не взяла ее из Вашей казны, ибо наступает время, когда деньги Вам очень понадобятся, и я очень сожалею, что была всегда так нерасчетлива и не сумела сберечь то, что Вы мне дарили, чтобы теперь послужить Вам своими сбережениями…

Главной резиденцией королевской четы считался город По, столица графства Беарнского. Правда, этот город походил больше на деревню, а старинный феодальный замок был лишен всех тех даже примитивных удобств, которые уже в эпоху Ренессанса предъявлялись всякому жилищу как необходимейшие: он был мрачен, темен и приспособлен больше для осад, чем для мирной жизни. Маргарита, полагая, что ей и ее супругу нужно иметь дворец, достойный их положения, в котором бы она с честью могла принимать передовых людей и который бы соответствовал

ее эстетическому вкусу, активно принялась за усовершенствование своего жилища. Она выписала из Италии художников и других мастеров, которые за несколько лет превратили некрасивый средневековый замок в изящный дворец. С террас, обращенных к Пиренеям, открывался прекрасный вид на высокие снежные цепи гор, а вокруг всего дворца причудливо раскинулись тенистые сады с гротами, водопадами и фонтанами, с таинственно журчащими ручьями и источниками… Эти сады долгое время славились на всю Европу.

Кто же окружал Маргариту в ее гостиных, в ее рабочем кабинете? Кто составлял тот кружок, принадлежать к которому считали для себя честью многие знаменитые люди того времени?

Начнем с придворных дам. У королевы их было 38, но, конечно, далеко не все составляли ее интимный круг. Остановимся на двух женщинах уже почтенного возраста, преданно любивших свою государыню и почти неотлучно состоявших при ней. Первая – Эме де Лафайет (Aimée de Lafayette), вдова Франциска де Силли, погибшего в битве при Павии; она была близка к королеве, ездила с ней в Испанию в 1525 году. Когда Франциск забрал от родителей свою племянницу Жанну, мадам Эме была назначена воспитательницей ребенка. Маргарита, лишенная возможности лично наблюдать за своей дочерью, возложила эту обязанность на самого близкого и преданного человека. Вторая ее статс-дама – бабушка знаменитого хроникера Брантома, Луиза де Дайон (Louise de Daillon de Vivonne). Она повсюду сопровождала Маргариту, и когда королева во время путешествия что-нибудь сочиняла, мадам Луиза держала ей чернильницу или писала под ее диктовку. Так были написаны многие стихотворения Маргариты и многие из ее новелл, составивших впоследствии знаменитый сборник «Гептамерон».

Далее следует назвать и некоторых других фрейлин. Это дочь мадам Луизы (она – мать Брантома) – Аннаде Вивонн, по мужу госпожа де Бурдей; фрейлина де Сент-Патер (Saint-Pather), которой Маргарита очень доверяла и через которую оказывала тайную помощь тем, кому, по разным обстоятельствам, не могла помогать открыто; наконец, еще две дамы – д'Орсонвилье и дАвогур, воспетые К. Маро: первая – за ум, а вторая – за умение слушать.

Дамы своим присутствием оживляли общество. Они были воспитаны при блестящем дворе Франциска, умели вести тонкий, остроумный разговор, ценить произведения искусства, литературы и даже имели представление о науках.

В королевском дворце Маргариты велись и веселые,

шутливые разговоры, и горячие ученые споры; здесь обсуждались все литературные новинки и все политические события; сюда приходили последние известия о религиозном движении в Германии и в других государствах. Знаменитый поэт Клеман Маро, переведенный в 1527 году из камер-юнкеров Маргариты в придворный штат Франциска все же не забывал свою покровительницу и время от времени появлялся в По или Нераке. С другим известным поэтом, Деперье,[63] Маргарита познакомилась в Лионе в 1536 году, наслышанная о нем от своего бывшего учителя Робера Гюро, руководившего также и образованием Деперье. Одаренный большим умом и получивший хорошее образование, Деперье уже в 20 лет являлся настоящим ученым и, владея языками латинским, греческим, отчасти даже еврейским, в 1532 году поселился в Лионе, этом кипучем центре тогдашней интеллектуальной жизни. Он помогал Доле с его «Латинскими комментариями», а Оливетану – в издании Библии. Он близко сошелся с Рабле и Маро. В 1537 году Маргарита зачислила его в свои камер-юнкеры.

К этим двум крупнейшим поэтам, Маро и Деперье, причислим еще третьего, имя которого тоже тесно связано с Маргаритой. Это Никола Бурбон (1503–1550). Страстный поклонник и знаток латинской литературы, писавший только по-латыни и презиравший французский язык, считая его неподходящим для произведений изящной словесности, он был истинным гуманистом по своим убеждениям, горячо верил в знание. Он искал религии не мистической, а по возможности разумной и потому на первых порах явился, подобно многим, адептом нового толкования христианства. В 1534 году Н. Бурбон подвергся гонениям Сорбонны и даже сидел в тюрьме.

Выйдя из тюрьмы, Н. Бурбон поселился в Наварре у Маргариты. Она быстро оценила его высокое образование и поручила ему обучение дочери, из-за чего он был вынужден покинуть Беарн, но приезжал на время в По или Нерак, чтобы в обществе королевы и ее друзей освежить душу и ум.

Мы находим при дворе Маргариты Николая Денизо, поэта и художника; Антуана Ле Масона, одного из секретарей королевы и переводчика; Виктора Бродо, управлявшего казной Маргариты и обменивавшегося легкими стихотворениями с Маро; Пьера Боэстюо и Клода Грюже, первых издателей «Гептамерона»; Жана де Ла Ге, первого издателя стихотворений королевы; Жана Клуе, знаменитого портретиста XVI века; эрудита Шарля де Сент-Марта. Отец Шарля был лейб-медиком, а сам он профессорствовал в Лионе, преподавая языки французский, латинский и еврейский. Обвиненный в ереси, Шарль был брошен в тюрьму, в которой

просидел два года, а по выходе из нее попал прямо к Маргарите, которая назначила его сначала членом своего Совета, потом судьей в Алансон.

Автор преподносит свою книгу Маргарите Наваррской (Миниатюра XVI века)

Рядом со всеми этими поэтами, которые, по выражению Одолан Дено, превратили Наваррский двор в настоящий Парнас, мы встречаем здесь людей, представлявших и другую сторону Возрождения, – профессоров и ученых. Не схоластических ученых, мастерски высмеянных Рабле, а ученых нового времени, вставших на борьбу с догматизмом. Из них мы назовем Гийома Постеля («человека с энциклопедическим образованием и всепожирающим воображением», как его охарактеризовал А. Мартен), впервые начавшего изучение азиатских языков и литератур и «провидевшего Древний Восток и единство первичного мира в недрах его». (Он был так сильно увлечен своей идеей, так поражен гигантским видением, вызванным им самим, что кончил сумасшествием.) В 1535 году Г. Постель отправился

путешествовать на Восток и по возвращении оттуда, по ходатайству Маргариты, был назначен профессором математики и восточных языков в высшую королевскую школу. Это был человек глубоко религиозный, и он верил в возможность обратить все народы к Евангелию исключительно путем разумных убеждений и доводов. Эта мечта о всеобщем согласии и мире, о соединении всех самых разнообразных народов одной общей религией была для него заветной. Он увлекал Маргариту своим богатым воображением и своей широкой, всеобъемлющей любовью к страдающему человечеству, жизнь которого он хотел облегчить, озарив его светом разумного христианства.

Назовем и другого профессора той же школы – Каноссу Парадизио, перекрещенного еврея, родившегося в Венеции. Приехав в Париж в 1531 году, он близко сошелся с королевой Наваррской, которую стал обучать еврейскому языку. Она рекомендовала его как профессора королю, назначившему его в свою школу на кафедру еврейского языка. Его сестра, Франсуаза Каносса, была пожалована сначала фрейлиной королевы Наваррской, а потом – Екатерины Медичи. Симпатичный профессор быстро пошел в гору и приобрел многочисленных друзей и доверие самого короля, но и среди всех своих удач он никогда не забывал, что первой в чужой стране его поддержала Маргарита; он воспел ее в одной из своих поэм.

Не забудем, что с 1531 года в Беарне поселился Лефевр д'Этапль и что Ж. Руссель, возведенный в звание придворного проповедника Маргариты, ее стараниями был вскоре (в 1538 году) назначен епископом Олоронским. Гостеприимный дворец в По посещали также Жан Кальвин и Теодор де Без.

Теперь, познакомившись с теми, кто составлял обычный круг королевы, посмотрим, как они проводили время. День Маргариты был всегда очень занят. Она сама отмечает это в прологе к «Гептамерону», говоря о Парламанте, в которой большинство исследователей видит портрет автора, что «она никогда не была праздной».

Утро обыкновенно посвящалось государственным делам. Маргарита не только управляла своими герцогствами, внимательно следя за их жизнью, нуждами и потребностями, но и принимала большое участие в делах Наварры, тем более что ее супруг, будучи наместником Франциска I в Гаскони, должен был часто отлучаться из своего королевства по делам службы; в этих случаях он передавал бразды правления королеве.

Покончив с докладами, проверками и решениями, требовавшимися по всевозможным вопросам и делам, отпустив всех должностных лиц, королева просматривала

корреспонденцию и отвечала на письма – писала сама или поручала сделать это своему секретарю Фротте, рассказав, о чем и как должно быть написано.

Сент-Март собщает:

> Когда она знала, что своим вмешательством в дело может помочь кому-нибудь или хотя бы только доставить удовольствие, она собственноручно писала рекомендательные письма или, если другие занятия отвлекали ее, поручала это своему секретарю Фротте. Она так упрашивала тех, к кому обращалась, что, прочтя ее письма, можно было подумать, что она хлопочет для себя лично.

После всех этих утренних занятий наступал отдых – чаще всего это время отводилось для какой-нибудь художественной работы. В искусстве вышивания, достигшем в ту эпоху степени настоящего художества, в котором кисти заменялись иголками, а краски – шелками различных оттенков, королева стояла на высокой ступени совершенства. В Руанской библиотеке хранится ковер, вышитый ее руками, на котором изображено торжественное богослужение. К сожалению, ковер этот был впоследствии испорчен ее дочерью, королевой Жанной д'Альбре, ревностной гугеноткой, заменившей голову священнослужителя лисьей мордой.

Занимаясь рукоделием, Маргарита диктовала свои произведения или просила, чтобы почитали вслух (поэтические, исторические или философские сочинения).

Нередко по поводу прочитанного возникали разговоры и даже споры, в которых затрагивались разные вопросы, волновавшие неракское общество. Воспоминание об одном таком споре мы находим у Сент-Марта.

> Однажды (мы были тогда в Туссонском монастыре) шел спор по поводу евангельских слов: «Истинно, истинно глаголю вам: аще не будете яко единый от малых сих, не внидете во царствие небесное». Жерар Руссель, придворный проповедник, высказывался, как приличествует богослову, и подтверждал свои слова цитатами из св. Августина; Режен, один из придворных, человек гуманный и ученый, приводил доказательства из св. Иеронима, и так как королева сделала мне честь пожелать услышать и мое мнение, я высказал его, приводя некоторые положения св. отцов: Златоуста, Феофилакта и др. И когда мы развили все наши доводы,

> королева изложила нам свое мнение и объяснила свою мысль. Случайно при этой беседе присутствовал один испанский дворянин, который до того был поражен всем виденным и слышанным, что имел вид человека, находящегося в экстазе или видящего привидение… Несколько дней спустя, будучи в гостях у одного кардинала, этот испанец, когда речь зашла о королеве, рассказал сцену, при которой присутствовал в Туссонском монастыре, прибавив, что Маргарита говорила о вещах пустых и бессодержательных с Бог знает какими «колпаками» (bonnets ronds), имея в своем обществе всего только двух или трех жантильомов, а ему самому не сказала даже ни слова.

Сент-Март отмечает с насмешливым сожалением, как жестоко было уязвлено дворянское самолюбие этого испанца, не понимавшего того уважения, которое воздавалось здесь уму и образованию.

Но не всегда королева и ее друзья занимались серьезным чтением или философскими беседами. Все серьезное могло смениться пением и музыкой, веселыми рассказами, шутками и смехом. Деперье услаждал общество импровизациями, аккомпанируя себе на лютне, или пел свои романсы.

Маргарита страстно любила музыку и еще в юности сочиняла мелодии к своим стихам. Эти ее произведения хранятся в Парижской национальной библиотеке. Поселившись в Беарне, она охотно слушала народные песни и нередко во время своих прогулок записывала те мотивы, которые ей особенно нравились. Иногда Деперье выступал в роли рассказчика. В этом никто не оспаривал у него пальму первенства, и он пользовался прочно установившейся и вполне заслуженной славой.

Оживленное общество располагалось часто в живописных садах королевского дворца. Более чем вероятно, что не один Деперье развлекал всех своими рассказами. Пролог «Гептамерона» доказывает, что с некоторых пор это развлечение вообще было в большом ходу.

Но самым любимым времяпрепровождением маленького общества была постановка и разыгрывание драматических произведений, выходивших из-под пера Маргариты. Эти пьесы сохранились до нашего времени. Их можно разделить на две группы: первая заключает в себе три фарса и одну светскую комедию, вторую же составляют четыре пьесы, сюжеты которых целиком взяты из Евангелия, как на то указывают их названия. Историки XVI века отмечали, что королева сделала

трагикомический перевод почти всего Нового Завета. Представления давались в большом зале дворца, перед королем и королевой. Были призваны лучшие актеры Италии. Догадываясь о склонности королевы, они вплетали в представления разные песенки о духовенстве, так что всегда доставалось какому-нибудь монаху, которого безжалостно высмеивали.

Глава 10
Сила грешной души

Вернувшись из мадридского плена, Франциск I хотел, чтобы кругом все было тихо и мирно и чтобы борьба религиозных партий не мешала ему наслаждаться обретенной свободой со всеми радостями и удовольствиями. Нежелание преследовать веру к тому же было продиктовано и соображениями дипломатии – новая вера могла стать господствующей в Англии, с королем которой Франциск по прибытии во Францию обменялся необыкновенно дружественными приветствиями.

Видя такое миролюбивое настроение Франциска I и торжество новаторов, главные представители которых с честью вышли из борьбы (благодаря содействию Маргариты), канцлер Дюпра, стоявший вместе с маршалом Монморанси во главе партии католиков, решил созвать несколько поместных соборов с целью «борьбы с ересью и успокоения общественного мнения некоторыми частными улучшениями». (Один общий для всей Франции собор не созывался, потому что, как говорит А. Мартен, королевская политика не любила больших национальных собраний.) Эти соборы состоялись в феврале и марте 1528 года в Париже и Лионе, а также в Бурже – городе, принадлежавшем Маргарите.

Некоторые из их постановлений интересны тем, что ярко характеризуют тогдашнее состояние католического духовенства. Например, проповедникам запрещалось смешить публику баснями и сказками – каковы были эти басни и сказки, мы можем судить по некоторым новеллам «Гептамерона». Запрещалось устраивать в церквях светские сборища, справлять праздник дураков, играть на органе во время богослужения шутливые и неприличные песни. Было также несколько упорядочено отлучение от церкви, которым злоупотребляли, пользуясь им как средством личной мести. Но рядом с этим были проведены строжайшие меры против реформаторов. Парижский собор под председательством самого Дюпра обратился к королю Франциску с таким увещанием:

> …Благополучие и слава от века принадлежали только тем государям, которые, всецело предавшись католической вере, непоколебимо преследовали и убивали еретиков как первейших врагов короны.

Но король не внимал пока еще этим советам и продолжал

держаться прежнего миролюбивого настроения. Маргарита же явно покровительствовала «лютеристам». После бракосочетания Маргариты с Генрихом д'Альбре ее духовником был назначен Ж. Руссель; с тех пор он постоянно находился при ней – и в резиденциях, и во время путешествий. Граф Гогенлоэ прислал ей в 1527 году собрание произведений М. Лютера, переведенных на французский язык протестантами, скрывавшимися в Страсбурге. В мае 1528 года Капитон (известный реформатор, друг Лютера и Цвингли[64]) посвятил королеве свои «Комментарии на пророка Оссию» и в длинном послании подчеркнул, что «взоры всех обращены на нее, что она надежда и упование реформатов и что все от души желают видеть ее торжествующей над теми многочисленными и крупными препятствиями, которые возникают перед женщиной и в особенности перед королевой, как только дело коснется исповедания истины». Однако Маргарита еще не в силах была «торжествовать».

В ночь с 31 мая на 1 июня, перед наступлением Духова дня, в Париже кто-то разбил статую Мадонны, стоявшую на перекрестке двух улиц. Фанатики сразу сообразили, какую пользу можно извлечь из этого кощунственного деяния. Франциск всегда особенно боялся народных волнений. Вот ему и внушили: все идет именно к этому, потому что последователи нового вероисповедания – враги всякого порядка, гражданского и политического.

Народ, возбужденный католическими проповедниками, действительно был возмущен и громко требовал мести за оскорбление святыни. Чтобы его успокоить, по Парижу целую неделю двигались торжественные искупительные процессии, во главе которых находился сам король. Он специально для этого приехал из Фонтенбло и собственноручно поставил на место разбитой статуи другую, из серебра. Католитики торжествовали. Они быстро запустили в народ легенды о чудесах, творимых осколками разбитой Мадонны. Фанатизм требовал кровавых жертв, и в искупление неизвестно кем совершенного злодеяния в столице и в провинции началось избиение всех, кого подозревали в ереси. «Беда на радостях приметно разъяряется», – писал Эразм в октябре 1528 года.

При таких обстоятельствах возобновилось дело Беркена, спасенного милостью короля два года назад. Оно было передано на рассмотрение комиссии, назначенной Франциском с одобрения папы. В этой комиссии находился и знаменитый Гийом Бюде, одно присутствие которого здесь уже дает повод думать: король и на этот раз хотел спасти Беркена и, назначая над ним суд, уступал лишь горькой необходимости, не имея достаточно

сил, чтобы бороться с католиками. Маргарита не осталась безучастной к новому бедствию, постигшему ее гонимого друга; она опять обратилась к королю, прося его о заступничестве:

> Государь, бедный Беркен, понимающий, что только через Вашу доброту Господь уже два раза спас ему жизнь, отправляется теперь к Вам лично, не имея никого, кому бы он мог поручить засвидетельствовать перед Вами его невиновность. Я не боюсь умолять Вас сжалиться над ним. И если Вам угодно будет принять его дело к сердцу, я надеюсь: истина покажет Вам, что создатели ереси – больше сплетники и ослушники, нежели ревнители веры.

Это выражение «создатели ереси» довольно ясно указывает нам (а в одном из дальнейших писем мы найдем и прямое подтверждение наших слов), что Маргарита возлагала ответственность за происшедшие беспорядки на тех, кому выгодно было создавать ереси для того, чтобы затем уничтожать еретиков. В другом письме она повторяет свою просьбу:

> Соблаговолите, Государь, сжалиться над бедным Беркеном, который обрекается на страдания только потому, что любит слово Божие и повинуется Вашим приказаниям. Поэтому-то те, кто во время Вашего отсутствия поступал как раз иначе (то есть не повиновались ни слову Божию, ни воле государевой), возненавидели его, и их лукавство нашло себе ходатая перед Вами, для того чтобы заставить Вас забыть его истинную веру в Бога и любовь к Вам. Вот почему, если Вам не угодно будет выслушать его лично (для чего он к Вам и едет), он будет в отчаянии…

Может быть, Беркену удалось бы спастись и в третий раз, не случись инцидента, вероятно, подстроенного его врагами и окончательно предавшего его в руки инквизиции. Преследователи Беркена нуждались в каких-нибудь доказательствах его ереси и старательно искали их, хотя до сих пор безуспешно, так как обыски ни к чему не приводили. Зная это, Беркен для большей безопасности поручил своему приятелю уничтожить все свои произведения. Рассказывают, что этот человек, проходя там, где была разбита статуя Мадонны, от волнения упал в обморок и в бессознательном состоянии был поднят прохожими. В его карманах обнаружили рукописи Беркена – улики, которые так долго и безуспешно искали. А список чудес, творимых Мадонной (теперь уже серебряной), увеличился еще одним фактом.

«Мадонна, – говорили католики, – сама указала на еретика».

Беркен был приговорен к пожизненному заключению, к пробуравлению языка каленым железом и к присутствию при публичном сожжении всех его сочинений. Напрасно Бюде умолял его отречься от своих мнений или, по крайней мере, смягчить их – Беркен оставался непоколебим. Его упорство еще больше разозлило врагов. Парламент изменил первоначальный приговор, назначив вместо пожизненного заключения смертную казнь через сожжение, как особенно упрямому еретику. Этот приговор был вынесен судьями 22 апреля 1529 года – в 10 часов утра, а в полдень его уже привели в исполнение.

Такая поспешность была вызвана опасением нового вмешательства короля в это дело. Франциск находился в это время в Блуа, не подозревая о самовольной расправе сорбоннистов. Когда же он узнал о казни Беркена, гнев охватил его и он вознегодовал и на Сорбонну, и на парламент. Маргарита была в отчаянии. Протестанты оплакивали Беркена как одного из самых великих своих учителей.

Теодор де Без написал:

> Если бы Беркен нашел в короле Франции второго Фридриха Саксонского, он мог бы стать французским Лютером.

Чрезмерное рвение Сорбонны имело на короля действие как раз обратное тому, которого она желала. Франциск, раздраженный нарушением его воли, которое сорбоннисты продемонстрировали в случае с Беркеном, снова отвернулся от ультракатолической партии, к которой уже примкнула его мать, и благосклонно взглянул на тех, кто покровительствовал реформаторам, – к ним, кроме его сестры, принадлежали также герцогиня д'Этамп, адмирал Шабо де Брион и братья Дю Белле, друзья и покровители Рабле. Эта перемена в настроении короля выразилась в целом ряде фактов. Возможно, самый важный из них – открытие в 1530 году высшей королевской школы, Коллеж де Франс (Collège de France), которой так долго ждали гуманисты и которая стала для них в некотором роде убежищем от преследований Сорбонны.

В том же 1530 году У. Цвингли счел своевременным прислать Франциску свое второе сочинение – «Краткое и ясное изложение христианской веры». В нем священник предсказал королю, что тот узрит святых, если только будет мудро управлять государством, порученным ему от Бога. В следующем затем перечне святых он смело помещает рядом с отцами церкви героев классической древности. Это характерно для философско-религиозных

воззрений швейцарского реформатора.

А. Мартен говорит:

> Ученый усмехнется, читая сказочные имена Тесея, Аристида и Катона, но философ с почтением преклонится перед действительно религиозным чувством этого человека, обладавшего широчайшей мыслью и гуманнейшим сердцем Реформации.

Вспомним: терпимость Франциска I по отношению к протестантизму поддерживалась и политическими соображениями. Как раз в это время английский король Генрих VIII вступил в открытую борьбу с папой римским и, нуждаясь в поддержке, искал ее у Франции. С этой целью в октябре 1532 года было устроено свидание между Франциском и Генрихом (в Булони и Кале). Английский король горячо убеждал своего «любезного брата» (как все монархи называли друг друга) последовать его примеру и «свергнуть иго папской тиары». Мысль эта сама по себе нисколько не пугала Франциска и даже казалась ему разумной, но он боялся поспешным решением навсегда лишить себя возможности укрепиться в Италии и – колебался. Его колебаниями воспользовался Климент VII и в следующем, 1533 году окончательно парализовал гибельное для курии влияние Генриха VIII. Но Франциск – до его марсельской встречи с папой – продолжал дружить с Англией, и эта дружба во многом защищала французских протестантов от их врагов.

Итак, 1530, 1531 и 1532 годы можно считать сравнительно благоприятными для Реформации. Правда, отдельные проявления жестокости возникают в разных частях королевства, но в общем отношение к реформаторам становится и мягче, и терпимее.

На юге Франции, и особенно во владениях Маргариты, очагами Реформации являются по преимуществу университеты; среди них важную роль играет университет в Бурже. В 1529 году Маргарита пригласила сюда, на юридический факультет, знаменитого итальянца Альциати,[65] представителя совсем нового направления в изучении юридических наук. Он вступает в борьбу с профессорами-схоластами, впервые пытаясь поставить вопрос о происхождении, соотношении и духе законов на историческую почву. Его слушателями были Кальвин, Без,[66] Дашель и Ано, сожженный за ересь в 1561 году. Говорили, что он знал Юстинианов кодекс так хорошо, как будто сам жил в те времена, и так увлекался, читая лекции, что сухой предмет в его изложении становился увлекательным, иногда даже поэтичным. Случалось, что, пораженный какой-нибудь новой мыслью, он тут же излагал ее стихами, вызывая бурный восторг аудитории. Из

пяти непосредственных преемников Альциати по кафедре права, трое, видимо, склонялись к Реформации, а двое открыто перешли на ее сторону.

Из других знаменитых профессоров университета в Бурже нужно назвать Мельхиора Вольмара, немца, приглашенного королевой на кафедру латинского и греческого языков. Он был близок с Лефевром, Русселем, Оливетаном, Доле, Маро и Рабле. Любимыми учениками его были Кальвин и Теодор де Без, что достаточно ясно говорит нам, к которой из двух боровшихся партий он принадлежал по своим убеждениям.

Это была самая блестящая пора в истории Буржского университета: слава его пережила надолго его знаменитых профессоров. Там же начали свою преподавательскую деятельность два стипендиата Маргариты – Жак Амио[67] (знаменитый переводчик Плутарха, воспитатель Карла IX и Генриха III) и Клод Бадюэль (Baduel; уроженец города Нима, ученик Меланхтона[68] и впоследствии ректор Нимского университета).

Маргарита совсем не знала К. Бадюэля, когда 1 июня 1534 года получила письмо от Меланхтона. Знаменитый богослов просил у королевы покровительства и материальной помощи для одного из своих виттенбергских учеников, француза, который по бедности не мог закончить курса наук. Маргарита немедленно откликнулась на эту просьбу и дала Бадюэлю полную возможность завершить свое образование, а затем назначила его профессором; когда в 1539 году ее стараниями в Ниме открылся университет, она перевела своего подопечного туда ректором.

В 1530-х годах обстановка в Бурже и Ниме была такова, что университетские профессора и школьные учителя могли довольно открыто заявлять о своих симпатиях к новому религиозному движению. Более того, известно, что именно в это время Бурж являлся убежищем для многих изгнанников и что в нем «довольно свободно раздавалась евангельская проповедь». Маргарита послала в Бурж своего духовного отца «для того, чтобы возвещать там слово Божие», и горячо благодарила всех граждан за их рвение к богослужению, прося их в то же время особенно заботиться о «евангелическом учении». Тем временем в Ниме шла глухая борьба между городским духовенством и консулатом. Духовенство обвиняло консулов в том, что они недостаточно энергично борются с ересью и что магистратура смотрит на все безобразия сквозь пальцы и даже хотела назначить учителем в школу человека, сильно заподозренного в лютеранстве. Вообще можно сказать, что муниципалитеты консулатских городов отнюдь не всегда являлись защитниками единства католической

церкви. Кажется, что желание оградить свою коммунальную автономию и от епископальной юрисдикции, и от вмешательства центральной власти заставляло их часто скрывать, уменьшать и даже терпеть религиозные волнения. Вот в чем, может быть, кроется одна из причин того необыкновенного успеха протестантизма на юге и юго-востоке страны (где особенно царил консулатский режим), который замечается накануне французских религиозных войн.

Несомненная склонность профессоров Буржа и Нима к Реформации не составляла особенности этих двух городов, а проявлялась и в других местах королевства; она наблюдается в высших школах Лиона и Бордо, Орлеана, Тулузы и Парижа. Когда король открыл свой Коллеж де Франс, то оказалось, как сообщает А. Лефран, что почти все профессора, назначенные им по указанию Бюде, более или менее заражены ересью.

Молодая королевская школа, несмотря на все придирки и нападки Сорбонны, сразу возненавидевшей свою соперницу, процветала и разрасталась. Теологи потребовали, чтобы парламент запретил «королевским лекторам» толковать книги Священного Писания, но это ни к чему не привело. Профессора, не смущаясь, продолжали читать свои курсы, постоянно собиравшие большое число слушателей. Еврейский, латинский и греческий языки пользовались наибольшей популярностью, потому что они были равно необходимы как для тех, кто интересовался «чистой» наукой, так и для тех, кто искал религиозную истину и терзался вопросами веры и философии.

Г. Хаузер (*франц.* Озэ; Hauser) пишет:

> Реформация, предписывая каждому христианину составить собственное и продуманное мнение относительно тайн религии, тем самым заставляла каждого воспитывать и образовывать свой ум. Она так же, как и гуманизм, отбрасывала бесплодную схоластику средневековых университетов, это вечное движение ума в замкнутом круге, и заменяла ее методом более свободным, основанным на личной интерпретации Св. Писания. Обращая его в единственное, необходимое и достаточное мерило своих верований и поведения, реформаты хотели быть по крайней мере уверенными в том, что владеют истинным, неискаженным словом Божиим в его первоначальной чистоте.

Вот почему им, как и гуманистам, нужно было прежде всего «знание».

Летом 1531 года в Париже поселился молодой ученый,

только что окончивший курс юриспруденции в Орлеане и Бурже. В столицу он приехал для занятий филологией и греческим языком. Вскоре имя юноши стало известно всей Европе, ибо это был Жан Кальвин (Calvin). С Жаном особенно сошелся товарищ по занятиям, сын королевского лейб-медика и будущий ректор университета, Никола Коп. Мало-помалу юрист, присматриваясь и прислушиваясь к тому, что волновало тогдашнюю интеллигенцию, сам заинтересовался религиозными вопросами. В душе его началась глухая и мучительная борьба сомнений, лишавшая его всякого спокойствия. Позже он признавался:

> Всякий раз, когда я углублялся в самого себя или обращался с молитвой к Богу, меня охватывал такой ужас, что никакие покаяния не могли его рассеять. И чем больше анализировал я себя, тем острее становились терзания моей совести.

Но Кальвин был не такой человек, чтобы остановиться на полпути, поэтому искал выход из своего мучительного состояния и не успокоился, пока не нашел его. Во второй половине 1532 года он решительно вступил в кружок парижских реформатов и через некоторое время стал играть там ведущую роль. Он сам говорил об этом:

> Все, что было предано чистому учению, собиралось вокруг меня, чтобы поучаться.

Чаще всего Кальвин проповедовал в доме своего друга – купца Делафоржа. Его пламенное и убежденное слово, его строгая последовательность и неумолимая логика производили неотразимое впечатление на слушателей. Он познакомился с Ж. Русселем, благочестие которого, по его собственному признанию, вызывало в нем удивление, а «пример был необыкновенно полезен».

Наступил Великий пост 1533 года. Франциск уехал из столицы, оставив там короля и королеву Наваррских. Руссель находился с ними. Маргарита нашла возможным устроить в своем помещении, в Лувре, открытую проповедь евангелического учения. Ежедневные беседы Русселя, объяснявшего Святое Писание по-французски и притом простым языком, привлекали огромные массы народа.

Теологи пытались донести на Русселя как на еретика, но Франциск не захотел их даже слушать, а епископ Парижский, кардинал Жан дю Белле, один из самых просвещенных и гуманных людей своего времени, отнюдь не склонен был

поддерживать интриги и козни фанатиков. Тогда сорбоннисты начали обличать с кафедры не только королеву Наваррскую, но даже епископа Парижского и самого Франциска I, называя их сообщниками и покровителями еретиков. Больше всех шумели Ле Пикар и синдик Беда. Последний, не смущаясь, говорил, что для того чтобы искоренить ересь, надо уничтожить прежде всего ее «высоких покровителей», очевидно, намекая на Маргариту. Другие по его примеру рассказывали с кафедры: сестра короля не только прикрывает своих друзей-единомышленников, но и какими-то чарами внушает к ним симпатию и королю Франциску, и своему супругу, королю Наваррскому, убедив их, что «лютеранство не есть ересь». Говорили также: если Франциск не перешел еще окончательно в протестантство, то только благодаря маршалу Монморанси.

Маргарита, примкнув к реформатам, стала врагом Монморанси. Пользуясь своей близостью к королю, он пытался посеять в его душе недоверие к сестре. Маршал убеждал Франциска, что реформаты заняты не столько вопросами религии, сколько замыслами против общественного и государственного порядка, поэтому нужно искоренить ересь, как бы ни было высоко положение затронутых ею лиц. Намек был довольно прозрачен, но маршал не решался еще прямо называть Маргариту. Вскоре при дворе стало известно об истинном отношении маршала Монморанси к королеве Наваррской – ни для кого, кроме нее самой, это не составляло тайну. Весьма вероятно, что Сент-Март намекал именно на маршала, когда говорил «о черной неблагодарности некоторых лиц, которые, будучи особенно любимы, ласкаемы и ценимы Маргаритой, употребляли все средства, чтобы исподтишка восстановить против нее брата и мужа».

Дерзость католических проповедников достигла наконец совершенно невозможных размеров. Во владениях самой Маргариты нашелся монах, с церковной кафедры советовавший «зашить королеву в мешок и утопить в Сене». Узнав об этом, Франциск возмутился за свою сестру. Она же относилась равнодушно к неистовствам католиков, пока эти неистовства касались только ее личности. По приказу короля проповедник был схвачен и судим за оскорбление величества; его присудили к тому самому наказанию, которое он придумал для своей королевы. Но королева не допустила того, чтобы совершилась такая жестокость: по ее настоянию Франциск смягчил приговор, заменив его всего только двумя годами ссылки на галеры.

Однако даже и это не успокоило врагов Маргариты. В ней они видели оплот и силу протестантской партии. Голос Маргариты

заглушал голоса теологов и Беды, ее влияние перевешивало влияние Монморанси. Надлежало направить все усилия именно против нее и доказать королю, что она еретичка и ее деятельность ведет к гибели церкви, а это приведет к гибели государства. Католики пустили в ход все средства и с диким фанатизмом обрушились на королеву Наваррскую. Например, в первых числах октября 1533 года в одном училище был разыгран фарс, показывавший Маргариту и Жерара Русселя. Пьеса начиналась изображением королевы, занятой пряжей, как подобает всякой женщине и доброй хозяйке. В это время к ней подходит Мегера и с целью соблазнить протягивает ей Евангелие. Едва только королева взялась за эту книгу, как сразу обратилась в фурию, бросила домашние занятия и направила свои силы на угнетение «несчастных и невинных» (то есть католиков). Это представление вызвало бурный восторг публики и гром рукоплесканий. На нем присутствовали теологи из Сорбонны. Пьесу, хотя она была примитивной и нисколько не остроумной, велели напечатать для удобного ее распространения в публике.

Понемногу борьба, завязавшаяся между двумя религиозными партиями, охватывала все больше людей, и вскоре все население столицы начало глухо волноваться. Католики только этого и желали. Им во что бы то ни стало нужно было доказать королю, что протестанты не только церковные реформаторы, но и революционеры и что их учение колеблет все устои государственной жизни и неизбежно влечет за собой нарушение общественного спокойствия и всевозможные беспорядки. Католические проповедники удвоили свое рвение, и в церквях вместо слов любви и примирения слышались только призывы к мщению и возгласы яростной вражды. Но они не устрашали Маргариту.

Как раз в это время (в 1531 году – в Алансоне, в 1533-м – в Париже) Маргарита Наваррская выпустила в свет стихотворную книгу «Зерцало грешной души» (Le miroir de l'âme pécheresse). Она вызвала в Сорбонне целую бурю осуждения за еретические взгляды. Королева обратилась к Франциску. Он потребовал отчета у Сорбонны, за что именно осуждена книга. Королевский духовник объявил, что он не находит решительно ничего еретического в произведении королевы Маргариты и не согласен с цензурой Сорбонны. Опасаясь гнева короля, в Сорбонне к его мнению присоединились все.

Что же за ереси проповедовала Маргарита в своем небольшом сочинении? В авторском обращении к читателям, предпосланном поэме, выражена цель: показать, во-первых, что делается с человеком, когда Господь захочет его спасти и для этого

ниспошлет ему дар благодати, то есть веру, и, во вторых, – каково человеческое сердце *само по себе,* до получения веры, которая *одна* дает нам силу познать доброту, мудрость и могущество, то есть Бога. «Зерцало» начинается с провозглашения одного из основных догматов протестантской церкви – об оправдании благодатью и верой. Этот догмат давал теоретическое основание для борьбы протестантов против папских индульгенций.[69] Как известно, католическая церковь утверждала, что хотя заслуги Христа и достаточны для спасения всего рода человеческого, но к этому небесному сокровищу постоянно прибавляются еще заслуги святых, совершивших больше подвигов, чем требовалось для их личного спасения. Из этого-то запаса «избытков» добрых дел, распоряжение которым предоставлено наместнику Христову, папа и может отпускать грехи, кому он захочет. Протестантизм же учил, что спасение всех и каждого обусловлено не личными добрыми делами, а только милостью Божией, дающей человеку истинную веру, которая и спасает его. Добрые дела бессильны для нашего спасения, а потому никакой «сокровищницы» у папы нет и никаких грехов он отпустить индульгенциями не может.

Этого одного уже было бы совершенно достаточно для того, чтобы глубоко возмутить Сорбонну, которая, конечно, верно оценила книгу Маргариты, увидев угрозу своему благополучию.

Маргарите некогда было думать о себе: она была всецело поглощена судьбой Ж. Русселя (арестованного во время волнений, возникших по поводу речи Н. Копа) и Ж. Кальвина (судимого парламентом). Речь, написанная Кальвином, была произнесена его другом, ректором Копом, 1 ноября 1533 года на ежегодном торжественном собрании университета. Она развивала учение об оправдании благодатью, задевала попутно теологов и схоластиков, именуемых «софистами». Коп был обвинен в ереси и бежал в Базель; его голова, живого или мертвого, была оценена в 300 экю. Кальвин бежал в Нерак к Маргарите.

Маргарита в который уже раз обратилась к брату. Желая лично убедиться, насколько справедливы обвинения, возводимые на Русселя, Франциск устроил диспут между Русселем и Бедой; последний был разбит по всем пунктам. Вскоре после этого Беда вместе с двумя товарищами за памфлет, направленный против короля, был обвинен в оскорблении величества и заключен в тюрьму, а потом отправлен в ссылку, где и кончил свои дни в 1537 году.

Франциск и Маргарита летом 1534 года обратились письменно к Меланхтону и пригласили его приехать в Париж, чтобы с местными богословами обсудить некоторые спорные вопросы. Меланхтон охотно откликнулся на призыв, но Сорбонна

возмутилась этим проектом и, испугавшись того благоприятного впечатления, которое, по всей вероятности, произвел бы на короля немецкий реформатор, послала к Франциску депутацию с целью доказать ему: будет гораздо удобнее спорить письменно, а не устно; ей, Сорбонне, вообще не пристало дискутировать со схизматиками. Таким образом, приезд Меланхтона в Париж затянулся, и удобный для этого момент был пропущен навсегда.

В октябре 1534 года Франциск находился в Блуа. Выйдя утром из своей комнаты, он увидел приклеенное к дверям воззвание (плакард) антикатолического содержания. Гнев его был беспределен. Франциск усмотрел в этом не только средство религиозной борьбы, но и личное оскорбление: какие-то люди имели дерзость проникнуть в глубь его дворца, чуть не в его спальню, для того чтобы в грубых и непристойных выражениях глумиться над религией, к которой принадлежал он сам – «Христианнейший король»! Вскоре стало известно, что такие же плакарды вывешены были во многих местах.

Маршал Монморанси, два брата Гиза и жестокий фанатик кардинал де Турнон (Tournon) воспользовались гневом короля, поклявшегося жестоко наказать виновных, и еще подлили масла в огонь, уверив Франциска, что все это – начало анабаптистского движения,[70] что в столице очень много анабаптистов и что они собираются сжечь все церкви и разграбить Лувр. К негодованию на неслыханную дерзость смельчаков в душе короля прибавился еще слепой страх перед народным бунтом.

Было назначено денежное вознаграждение тем, кто выдаст виновных. К 10 ноября все тюрьмы переполнились и было уже подписано семь смертных приговоров. Тогда изобрели всякие приспособления для мучений казнимых. Их вешали, например, над кострами на блоках и затем медленно подымали и опускали в пламя. Гонения, начавшиеся в Париже, скоро распространились по всему королевству, и ужас охватил протестантов, которым некуда было бежать, кроме владений Маргариты или соседних протестантских государств. Пытки и казни продолжались полгода без перерыва.

Маргарите не удавалось на этот раз смягчить гнев брата. Франциск был беспощаден. 13 января 1535 года он издал эдикт об уничтожении всех типографий – как средств распространения ереси. Правда, вскоре он опомнился и сам приостановил (26 февраля) действие своего указа. 21 января в Париже совершилась грандиозная искупительная процессия, закончившаяся трапезой в епископском дворце, во время которой король возбужденно произнес речь о своей преданности единой католической церкви и поклялся пожертвовать своими собственными детьми, если

окажется, что они заражены «лютеровой ересью». Торжество завершилось сожжением шести еретиков; присутствовали в качестве зрителей король с королевой, окруженные своими придворными. В то время это не казалось чем-то необычным. Как правило, вместе с еретиками сжигали и все их крамольные рукописи и книги. Вот почему (из-за отсутствия многих документов) теперь довольно трудно восстановить с точностью историю французских протестантов-мучеников.

«Много и других еретиков было сожжено в последующие дни, – рассказывает очевидец, – так что в Париже только и видны были что столбы, торчавшие в разных местах и пугавшие народ». Мужество, с которым умирали протестанты, предварительно измученные страшными пытками, возбуждало в толпе любопытных удивление и даже сочувствие.

Газета «Парижский обыватель» (Journal d'un bourgeois de Paris), говоря об ужасных карах, налагавшихся королем на лютеран, сообщала:

> Сам папа написал ему, что хотя он, папа, и уверен в том, что король это делает из добрых побуждений, однако, когда Господь был на земле, то больше употреблял милосердие, нежели суровое правосудие, и что сожжение живого человека – ужасно жестокая казнь. Вот почему святой Отец просит и убеждает короля утишить свою строгость и рвение, и помиловать их…

Но увещания папы не сразу подействовали на Франциска. Чтобы достойно закончить «очищение» столицы и страны от ереси, 29 января 1535 года был издан эдикт, по которому те, кто принимал и укрывал у себя протестантов, приравнивался перед судом к ним самим, а всякий доносчик на еретика получал четверть его конфискованного имущества. Понятно, что последняя мера значительно увеличила число обвинений… Уже через несколько дней парламент потребовал к ответу 73 человека, в числе которых находился и Клеман Маро, который, едва узнав об этом, скрылся сначала в Беарн, а потом в Феррару.

К весне гонения на реформатов несколько поутихли. Король, подумав, что его действия могли произвести крайне неблагоприятное впечатление на союзников, немецких протестантских князей, принял меры, чтобы оправдаться в их глазах. Он сам написал им, что все казненные были бунтовщиками и анабаптистами, прикрывавшимися только именем Лютера; приказал выпустить всех немецких подданных и снова, обратившись к Меланхтону, пригласил его в Париж.

Несмотря на эти уступки в пользу протестантизма, можно

сказать, что с этого времени (1534–1535 годы) началась черная полоса в истории французской Реформации: систематические и серьезные гонения, раскол между гуманистами и реформатами. Период, когда всякий ученый непременно оказывался более или менее протестантом, уже миновал. Теперь те гуманисты, которые даже и сочувствовали в душе новому религиозному движению, глубоко таили свои симпатии, боясь поплатиться за них жизнью и предпочитая пользоваться некоторыми из новшеств, внесенных протестантизмом, не отказываясь, однако, и от тех преимуществ, которые им давала прежняя система. Любя больше всего уединение и тишину своих рабочих кабинетов, они уже полагали, что должны существовать две религии: одна – для простого народа, другая – для философов, а последним так же мало годился протестантизм, как и католичество. В конце концов, они не поддержали ни реформированную, ни римскую церковь, но им принадлежит честь сохранения «сокровища свободной мысли».

Глава 11
Высокое покровительство

Отношение Франциска I к реформатской церкви резко изменилось с началом «дела плакардов». До 1534 года король еще не решается безусловно поддерживать католиков, которые, преследуя еретиков, преследуют в то же время и ученых. Но вот он становится открытым врагом Реформации, окончательно подчиняется гибельному влиянию Монморанси и кардинала де Турнона, является слепым орудием в руках ультракатолической парии. После искупительной процессии по Парижу, после эдиктов об уничтожении типографий и о наказании за укрывательство протестантов можно утверждать, что прежнего Франциска, который был покровителем наук и искусств, уже больше нет.

Религиозным преследованиям теперь подвергаются не только те, кого называют еретиками, но и поэты, и ученые. Многие бежали из Парижа. Руссель поспешил уехать в Наварру, Амио нашел убежище в Бурже (у Маргариты), Кальвин вернулся в Париж в мае 1534 года и бежал в ту же осень через Страсбург в Базель.

Клеман Маро был вызван парламентом на суд, когда он находился в Блуа. Уверенный в том, что ему удастся доказать свою полную непричастность к «делу плакардов», поэт уже собирался ехать в столицу, как вдруг получил известие, что у него на квартире, в Париже, произвели обыск и нашли компрометирующие его книги. Видя Франциска слишком раздраженным, чтобы хоть сколько-нибудь рассчитывать на его заступничество перед Сорбонной и парламентом, Маро бежал в Наварру. Но и там он оставался недолго – вскоре покинул Наварру по совету самой Маргариты и отправился искать убежища во владениях Ренаты Феррарской, близкого ей человека.

Рената Феррарская – дочь Людовика XII и Анны Бретонской, родилась 25 октября 1510 года. В детстве принцесса училась у Лефевра д'Этапля и постоянно переписывалась с Маргаритой. В 1528 году она стала женой герцога Эрколе (Геркулеса) д'Эсте. По примеру Маргариты, которую она очень любила, Рената покровительствовала ученым, поэтам, художникам и реформаторам. В особенности она благоволила французам, для которых двери ее дворца всегда были гостеприимно открыты. Вот и Клемана Маро молодая герцогиня приняла очень радушно, хотя прежде не знала его лично. В июле 1535 года он получил место ее секретаря.

Гонения, которым Маро подвергся во Франции, докончили его обращение в протестанта. И он, найдя герцогиню очень подготовленной к принятию нового вероучения, начал сильно на нее влиять. Герцог Феррарский совсем не знал Маро и потому не препятствовал своей супруге в решении принять к себе на службу «галльского поэта», от которого не ждал ничего, кроме безобидных стихов и остроумных эпиграмм. Поэтому он не обратил внимания на донесения своих дипломатов, уведомлявших его, что «некий француз, по имени Клеман, недавно поселился у светлейшей герцогини, будучи изгнан из Франции за лютеранство, и что этот человек очень способен привить ей язву ереси». Опасения послов сбылись. Вскоре маленькая Феррара оказалась прибежищем для всех, кто не мог оставаться во Франции из-за своих взглядов и убеждений. В марте 1536 года к Ренате приехал Кальвин. Герцогиня с радостью встретила его, подолгу беседовала с ним и вскоре стала его последовательницей. Таким образом, Кальвин докончил то, что успешно начал Маро.

Неожиданный случай нарушил установившуюся жизнь феррарского кружка. 14 апреля 1536 года во время торжественного богослужения один певчий вышел из церкви с громкими богохульствами. Он был француз родом и принадлежал к ревностным ученикам Маро. Началось дело. Трое из приближенных герцогини Ренаты были арестованы; имена двоих известны – Zanetto и Carnillon, что касается третьего, имя которого старательно выскоблено во всех документах по этому делу, то здесь мнения историков расходятся: некоторые полагали, что это был сам Кальвин, другие называли каноника дю Тийе (Tillet), наконец А. Лефран в этюде «О религиозных воззрениях Маргариты» доказывает, что этот таинственный узник был не кто иной, как сам Маро.

По поводу инцидента завязалась переписка Ренаты с французским двором и с Маргаритой, которая, конечно, принялась хлопотать за феррарских заключенных. Лефран доказывает, что именно своему любимому поэту Клеману Маро королева Наваррская не раз писала в феррарскую тюрьму, утешая его и обещая скорое избавление. Историк обращает внимание на одно произведение Маргариты – «Жалоба узника» (Complainte pour un détenu prisonnier). Оно представлялось исследователям загадочным и вызывало самые разнообразные толкования (предполагали, что этот узник – сам Франциск, или Жерар Руссель, или Беркен). От имени кого же писала Маргарита свою «Жалобу»? Вот вопрос, неизбежно возникающий при чтении этого небольшого произведения, и разрешению этого вопроса Лефран

посвящает целую статью. Он приходит к выводу, что «Жалоба» написана королевой за поэта Маро, который сидел в феррарской тюрьме.

Известно, что поэту удалось бежать с помощью герцогини Ренаты и французского посла, и он укрылся в Венеции. Однако Маро здесь скоро стосковался, и его неудержимо потянуло на родину. Ответом на его послания к королю и к дофину было разрешение вернуться во Францию с условием публично покаяться и «жить по-христиански». Маро согласился и был принят в Лионе кардиналом де Турноном, после чего отрекся от всех своих прежних «заблуждений». В Парижской национальной библиотеке хранится письмо кардинала де Турнона к маршалу Монморанси от 14 декабря 1536 года:

> Monsieur Clément Marot est depuis quelques jours en cette ville [Lyon] qui est venu en bonne volonté. Il me semble de vivre chrétiennement; il a délibéré de faire abjuration solennelle devant moi et devant le vicaire de Monsieur de Lyon.[71]

Но благополучие, купленное такой ценой, оказалось непрочным и недолгим. К. Маро – по совету и с помощью своего друга, профессора высшей королевской школы Ф. Ватабля – принялся переводить псалмы, за которые он брался и раньше. Успех был неслыханный. Псалмы распевали с утра до ночи решительно все, причем каждый подбирал к словам любой мотив, нисколько не стесняясь степенью его пригодности к духовному содержанию. Маро поднес даже экземпляр своего перевода Карлу V, проезжавшему в 1539 году через Париж в Нидерланды, и получил от него за это в награду 200 золотых. Однако (несмотря на явное покровительство короля) Сорбонна негодовала на переводчика, дерзнувшего взяться за одну из священных книг; по ее мнению, перевод на французский язык лишал Библию всякого священного значения, а потому это могло быть только делом еретика. Казалось подозрительным и то обстоятельство, что перевод сделан с помощью ненавистного Сорбонне профессора-семитолога.

Приложив некоторое старание, сорбоннисты «открыли ереси» в переводе псалмов и на основании этого открытия послали королю просьбу запретить поэту продолжение начатого им труда. Франциск не сразу согласился, но все же уступил. Это не предвещало ничего доброго поэту; он испугался новых гонений, новых опасностей, надвигавшихся на него, и бежал в Женеву (в 1543 году), думая там найти больше терпимости к убеждениям, больше свободы мысли. К несчастью, он ошибался. Женевский

диктатор был страшнее Сорбонны. Маро не мог оставаться в городе Кальвина и переселился в Турин, где в следующем году и умер на руках у своего верного друга Лиона Жане, который вырезал на его могиле десятистишие, кончающееся гордым девизом поэта: «La mort n'y mord!»[72] Таков финал жизни человека, которым должна была бы гордиться Франция XVI века.

Титульный лист издания К. Маро (Лион, 1558 год)

Другой большой поэт и друг Клемана Маро, Бонавантюр Деперье, был секретарем (и так же, как Маро, другом) Маргариты. Мы уже говорили о том, какое глубокое влияние имела она на развитие его таланта, какое светлое и поэтическое чувство сумела она внушить человеку, заклейменному именем безбожника, не имеющего ничего святого, ничего заветного в душе. Мы сказали также, что некоторые из его произведений дышат искренним религиозным чувством и что пробуждение этого чувства должно быть приписано опять-таки королеве, его покровительнице. Как же объяснить тогда появление из-под пера Деперье такого произведения, как «Кимвал мира»? Оно сразу прославило автора дерзкой смелостью, возмутив и католиков, и протестантов. Все

выступили против, все голоса (в первый раз совпали мнения Кальвина и Сорбонны) слились в один негодующий хор. Книгу запретили, хотя самого автора и не тронули – благодаря заступничеству Маргариты.

«Кимвал мира» был первым французским сочинением, прямо указавшим на существование наряду с двумя теологическими партиями (католической и протестантской) третьей группы – свободных мыслителей. Вначале Деперье примкнул к новому религиозному движению. Как мы знаем, он участвовал даже в издании Библии Оливетана и переводил псалмы и кантики. Но с каждым годом ему становилось все яснее и яснее, что Реформация, выливавшаяся во Франции в конце 1530-х годов в мрачную и нетерпимую догматику Кальвина, становилась такой же сухой, такой же фанатичной, как и само католичество. Деперье выступил против них с четырьмя маленькими диалогами, в которых беспощадно высмеял *всех* «верующих» своего времени, которые *все,* в конце концов, «опирались одной рукой на алтарь, а другой – на плаху». В «Кимвале» было выражено, что «всякая вера есть утверждение того, чего никто не знает и знать не может»; что «все теологи похожи на дерущихся детей»; что «ни Лютер, ни Буцер не изменят строя мира и что после них, как и до них, останутся те же бедствия, те же злоупотребления»; что «за реформаторами идут только до тех пор, пока они – своего рода новинки». Понятно, что такие заявления не могли не задеть. Поэтому книгу назвали самой вредной и возмутительной. Но это не смутило ее автора. Будто подзадориваемый всеобщей враждой, Деперье переиздал свое сочинение в конце года, из-за чего он был удален от двора Маргариты, которая, находясь в это время в открытой ссоре с Сорбонной, не могла защищать его и принуждена была сделать эту уступку общественному мнению. Деперье уехал в Лион, но Маргарита не прекратила общаться с изгнанником, продолжала интересоваться его судьбой и постоянно помогала ему при посредстве своей фрейлины де Сент-Патер.

Деперье страстно хотелось вернуться к своей покровительнице, несмотря на то, что в Лионе он нашел своих старых друзей и знакомых, блистательнейших представителей тогдашней науки, литературы и искусства, постоянно собиравшихся в салоне мадам дю Перрон, супруги Антуана Гонди.

Титульный лист книги Б. Деперье «Кимвал мира» (1537 год)

В 1541 году его надежды оживились. В сентябре в Лион прибыл весь двор, сопровождавший Франциска и его сестру. Деперье воспрянул духом и настойчивее прежнего стал умолять королеву о возвращении ему доверия и о зачислении его снова в штат наваррского двора. В октябре ему выдали 110 ливров в качестве камер-юнкерского жалованья. Это возвращение милости поэту сильно не понравилось многочисленным его врагам. Королеву обвиняли в чрезмерной доверчивости, снисходительности и даже в некотором легкомыслии, ее упрекали за то, что «она поддерживает своими средствами, благосклонностью и расположением тех лиц, которые подозреваются одни в нарушении католической религии, другие в совершенном презрении к ней». Никто из обвинителей не мог понять Маргариту и ее терпимость даже по отношению к тем, чьи

воззрения она не разделяла. Только Ш. де Сент-Март верно оценил мотивы, руководившие поступками Маргариты:

> Королева твердо помнила ответ Аристотеля своему другу. На вопрос последнего – зачем он подал милостыню дурному человеку, философ возразил:
>
> – Я дал эти деньги не порочному человеку, а человечности.

Недаром Маргариту называли «пристанью и убежищем всех несчастных»: она смело и открыто шла на помощь всякому человеку, не спрашивая о его философских и религиозных теориях, но веря, что если только они искренни и бескорыстны, в них всегда найдется доля безусловной истины, к которой, в конце концов, все одинаково стремятся.

Деперье недолго наслаждался вновь обретенной милостью своего друга и покровительницы. В 1544 году он окончил жизнь самоубийством. Невозможно сказать, что побудило его к этому: было ли это результатом его философского мировоззрения, или же нашлись какие-нибудь частные причины, завязавшие перед ним сложный узел, который он не мог развязать иным способом.

Смерть прервала его работу по подготовке к изданию полного собрания своих сочинений – собрания, которое он посвятил Маргарите. Оно вышло в свет уже после смерти автора под редакцией его приятеля, Антуана Дюмулена, тоже секретаря королевы. Дюмулен исполнил последнюю волю поэта и украсил издание посвящением – надписью, долженствовавшей выразить чувства Деперье к Маргарите. Ей завещал поэт единственное свое богатство – свои рукописи.

В 1545 году Кальвин написал трактат «Против либертинов[73]», в котором указывал на то, что Маргарита допускает людей этой категории к себе и что они совращают ее с пути истины. К нему был приложен другой (небольшой) «Трактат, указывающий, что должен делать верный человек, познавший евангельскую истину, когда он находится среди папистов». Здесь Кальвин строго разбирал и критиковал всех людей, окружавших Маргариту, распределив их по классам. Тут говорилось о протестантах, которые, для того чтобы угодить своим покровителям или чтобы сохранить свои бенефиции, соглашались служить мессу под тем предлогом, что это вещь внешняя и безразличная (намек на Русселя); говорилось о вельможах и царедворцах, которые, пожалуй, и перешли бы в новое вероисповедание, если бы оно не мешало им предаваться всякого рода удовольствиям и наслаждениям; упоминалось об ученых и

гуманистах, которые только в теории желают церковной реформы, но ничего не делают для этого и создают «свою собственную религию» при помощи платоновских идей, считая себя выше всяких внешних форм. Нападки, казалось, были прямо направлены против королевы. Естественно, что оба эти трактата, написанные человеком, которого она ценила, защищала и укрывала у себя в пору гонений, произвели на нее тяжелое впечатление. Это дошло до Женевы, и Кальвин написал (ставшее знаменитым) письмо к Маргарите. Это письмо мы приводим целиком ввиду его особенной ценности как для характеристики королевы, так и для характеристики самого реформатора.

> Я получил от одного человека письма, которые будто бы написаны по Вашему приказанию. Судя по их тону, мне кажется, что моя книга о «либертинах» не заслужила Вашего одобрения. Я огорчен тем, что огорчил Вас, но, может быть, это огорчение на пользу; может быть, это то огорчение, о котором говорится, что не надо бояться причинять его? Тем не менее я не могу постичь, почему Вам так не понравилась эта книга. Тот, кто мне пишет, объясняет это тем, что она будто бы направлена лично против Вас и против друзей Вашего дома. Что касается первого пункта, то мне никогда и в голову не приходило нападать на Вас и таким образом нарушать то *почтение, которое Вам обязаны оказывать все благочестивые люди… Я знаю те особые дары благодати, которыми так щедро одарил Вас Господь и которые Вы употребляли на укрепление и распространение царства Его на земле.* Всех этих причин совершенно достаточно, чтобы я относился к Вам с полным уважением. Будьте уверены, что те, кто восстанавливает Вас против меня, делают это не для Вашего блага, а для того, чтобы ослабить *ту искреннюю привязанность к церкви Божией, которую Вы всегда к ней имели.* Что же касается до круга Ваших обычных друзей, я не могу не пожелать, чтобы Ваш дом был более достоин называться истинной семьей Иисуса Христа. Между тем некоторые из них заслуживают скорее имя служителей дьявольских, и не только служителей, но даже и сотрудников его. Вы, конечно, не ждете от меня измены доверенному мне делу распространения Евангелия ради угождения Вам… Тот, кто писал мне, говорит, что Вы не нуждаетесь в таких слугах, как я, что они Вам бесполезны и неприятны. Это справедливо: я сам сознаю, что не могу быть Вам полезен, и мне

кажется, что Вы действительно не нуждаетесь в человеке моего склада. Но не преданности Вам не хватает у меня: даже если бы Вы совершенно отвергли меня и пренебрегли мной, я все-таки сохранил бы к Вам прежнюю свою постоянную привязанность. Те, кто меня знает, могут удостоверить, как мало я ищу благоволения королей: для меня достаточно быть допущенным на службу великого Господа…

Как только я получил письмо, я поторопился ответить, опасаясь, как бы Вы не охладели из-за меня к святыне. Да сохранит Вас Господь Иисус Христос, и да внушит вам Духом Своим продолжать тот путь, который он предначертал Вам, с прежним рвением и осторожностью.

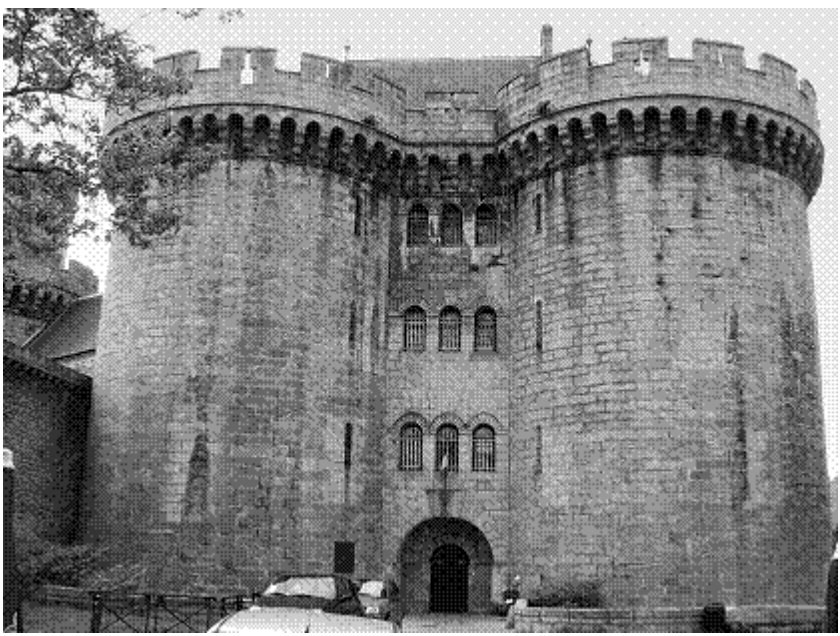
28 апреля 1545 года.

Но и это письмо Кальвина не заставило королеву изменить своему привычному образу действий. Не внимая увещаниям реформатора точно так же, как и угрозам Сорбонны, она продолжала защищать и спасать всех, кто искал у нее помощи и защиты.

Глава 12
Тяжелые события

Маргарита и во втором своем браке не нашла счастья. Генрих Наваррский обращался с королевой не только резко, но по временам даже грубо, так что Франциску приходилось вмешиваться в их распри и усмирять гнев несдержанного Генриха. К тому же он был ужасно ревнив.

В семейной жизни королевской четы наступил очень трудный момент, когда возник вопрос о замужестве их дочери. Отношения Генриха и Маргариты тогда так обострились, что посланники докладывали об этом в своих донесениях. Дескурра писал Карлу V, что Генрих Наваррский пригрозил Маргарите «такой несчастной старостью, какой еще не видывала ни одна женщина, если она выдаст его планы королю Франциску».



Герцогский замок в Алансоне

Жанна была у них единственным ребенком. Рождались и другие дети, но все они рано умирали. Да и жизнь Жанны, слабенькой и болезненной девочки, не раз висела на волоске. Детские годы она провела в имениях своей матери, в замках Лонгре, Блуа и, главным образом, в Алансоне, любимой резиденции Маргариты, где сама она, даже будучи уже королевой Наварры, проводила немало времени. Жанне здесь, в Алансоне,

было раздолье. К замку примыкал огромный старинный парк, в котором девочка чувствовала себя полной госпожой и в одном из уголков которого у нее было свое хозяйство: ручная белка, попугай и семейство индеек (эти крупные птицы тогда только что были завезены в Европу и представляли из себя заморскую редкость).

Жанну рано начали учить. Маргарита хотела дать ей отличное образование и потому поручила это дело одному из первых латинистов своего времени, поэту Никола Бурбону. Сохранилось несколько учебников, написанных им для своей ученицы. Он преподавал по-новому, не так, как учили в тогдашних школах; казалось, он взял себе за образец учителя, выведенного в романе Рабле (Понократ). Во время прогулок он начинал свое объяснение по поводу виденного или слышанного, и незаметно, без труда девочка знакомилась с окружавшим ее миром. Через некоторое время Жанна, подчиняясь моде и примеру своего наставника, сама стала описывать в стихах то, что особенно поражало ее детское воображение.

У Жанны была еще и воспитательница, Эме де Лафайет, заменявшая ей, в сущности, мать, так как Маргарита слишком часто и надолго оставляла свою дочь; причина тому, в частности, – государственные дела и желание Франциска как можно больше видеть сестру при своем дворе. Со временем у маленькой принцессы появились еще несколько фрейлин и придворных, составлявших ее постоянный штат.

Жанна являлась полноправной наследницей наваррской короны. Поэтому вопрос о ее замужестве равнялся вопросу о том, кому будет принадлежать Наварра, а это очень волновало как Францию, так и Испанию.

Конный портрет Карла V (Работа Тициана)

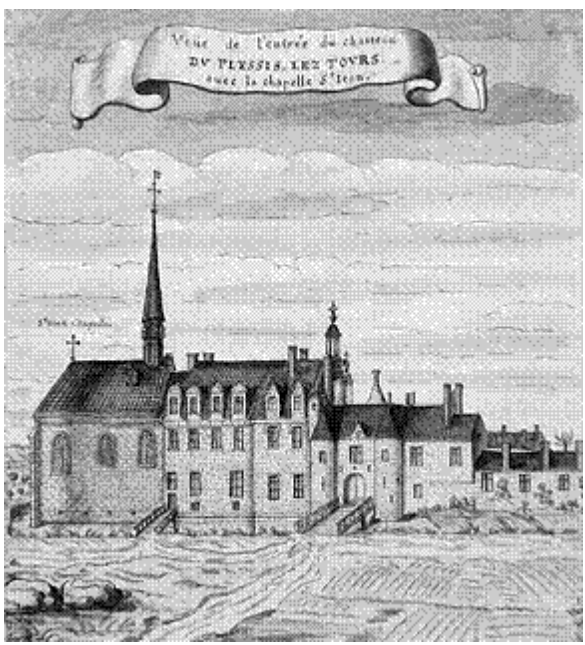
Конный портрет Франциска I (Работа Ф. Клуэ)

Прошло уже 11 лет с тех пор, как Франциск пообещал своему зятю помочь вернуть южную часть Наварры, отнятую Испанией, но обещание все еще не было исполнено (несмотря на многократные напоминания и просьбы Маргариты). Генрих Наваррский поставил целью своей жизни восстановить прежние границы своего королевства. Видя, что Франциск ничего не хочет предпринять, чтобы помочь ему, Генрих пытался действовать самостоятельно. У Карла V был сын годом старше Жанны, знаменитый впоследствии Филипп II Испанский. Если бы инфанта удалось женить на наследнице Наваррской, то, с одной стороны, Наварра получила бы свою отторгнутую часть, с другой – Жанна вступила бы со временем на могущественнейший престол Европы.

Карл V тоже очень желал этого брака, поэтому между испанским и наваррским дворами с конца 1535 года завязались тайные сношения и переговоры. Несомненно, что лично Маргарите больше бы понравился брак ее дочери с французским принцем, но – с кем? Наследный принц, дофин Франциск, умер в 1536 году, его брат Генрих Орлеанский был уже женат на

Екатерине Медичи, а для третьего сына, своего любимца Карла Ангулемского, Франциск ждал какой-нибудь блестящей партии. Правда, король предлагал наваррской чете выдать их дочь за первого принца крови, герцога Антуана Бурбонского, но эта кандидатура не соответствовала желаниям Генриха и Маргариты: человек без всякой будущности, расточительный, легкомысленный – не о таком супруге мечтала королева для своей Жанны.

Карл V так долго не решался дать Генриху Наваррскому ответ, что Франциск успел узнать о тайных брачных переговорах и принял крутые меры для пресечения их. Он отнял дочь у родителей и перевез ее из Алансона, принадлежавшего Маргарите, в Турень, зависевшую непосредственно от самого короля, что очень облегчало охрану маленькой пленницы. Ее поместили в мрачный, неприступный замок Плесси-ле-Тур, сооружение Людовика XI – с решетчатыми окнами, с глубокими рвами и подъемными мостами. Никто не мог туда проникнуть без ведома доверенных лиц короля.



Замок Плесси-ле-Тур (Рисунок XV века)

Жанна горько плакала. Невозможно установить с точностью дату этого тяжелого для Маргариты события. Во всяком случае, оно должно было произойти никак не раньше самого конца 1538 года, а по свидетельству Дено – относится даже к 1539 году. В это время Жанне было 10–11 лет, а не 2 года, как передают многие

биографы Маргариты, очевидно, относя это событие к 1530/31 году. Таким образом, жестокий поступок Франциска утрачивает, по крайней мере, свою бессмысленность: он был вызван опасениями короля навсегда потерять Наварру.

В 1539 году мечта Генриха относительно дочери была близка к осуществлению. В этом году произошло крупное восстание в Генте. Для его усмирения Карл V торопился в Нидерланды и просил разрешения у Франциска проехать туда через Францию. Король согласился и устроил Карлу пышную встречу. Но среди праздников и веселья не забывали политику. Карл обещал отдать Франциску Милан, а Франциск отнесся благосклонно к предложению императора выдать Жанну за инфанта, если последний, однако, признает всю Наварру вассальным Франции королевством. На этом и расстались. Казалось, мир между двумя монархами закреплен был надолго. Франциск торжествовал и гордился тем, что одними переговорами вернул теперь себе то, чего не мог добиться силой оружия. А Карл, приехав в Брюссель, отказался от всех обещаний под предлогом, что они даны были устно маршалу Монморанси и не занесены ни в какие акты. Вместо Милана император предлагал выдать свою дочь за герцога Карла Ангулемского, младшего французского принца, и продолжал просить для инфанта руки Жанны д'Альбре.

Карл V

Франциск I

Франциск был взбешен. Он видел себя не только обманутым, но просто одураченным – посмешищем всей Европы. Его краткосрочная дружба с императором сменилась страстной враждой и жаждой жестоко отомстить Карлу. Поэтому он стал всюду искать союзников, особенно между врагами Карла, и охотно ответил на заискивания герцога Клевского, одного из самых могущественных князей Северной Германии. Герцог посватался к Жанне д'Альбре. Франциск не желал ничего лучшего, и с июня 1540 года начались усиленные переговоры по этому поводу. Франциск добился согласия Генриха, поклявшись снова употребить все усилия для возвращения ему Транспиренейской Наварры, и Генрих в очередной раз попался на эту удочку. Что касается Маргариты, то, по всей вероятности, ей просто пришлось подчиниться двойной власти – короля-брата и короля-мужа.

Подписав контракт, Генрих не расстался с надеждой уклониться от его исполнения и выдать свою дочь все-таки за инфанта. Уже в начале августа 1540 года он снова вступил в тайные сношения с уполномоченным Карла, оттягивая, по возможности, брачные переговоры с герцогом Клевским и под

разными предлогами не соглашаясь ехать ко двору.

Франциск догадывался, в чем дело, и в раздражении высказал однажды наваррскому послу, что если король Генрих не сдержит своих обещаний, то он, Франциск, насильно выдаст замуж Жанну, и притом не как наследницу короны, а как одну из рода д'Альбре. Жестокая настойчивость брата и упреки мужа совершенно расстроили здоровье Маргариты. Она заболела.

– Нечего плакать, сударыня, – говорил ей Генрих. – Вы являетесь виновницей всех бед. Без вас я бы давно сумел устроить так, чтобы не дать разрастись этому делу до настоящих размеров.

В отчаянии Маргарита придумала: пусть Жанна протестует против этого брака. Пусть она скажет перед свидетелями:

– Я заявляю перед вами, что я не хочу выходить замуж за герцога Клевского и клянусь никогда не быть его женой. И если я впоследствии обещаю быть его супругой, то это будет сделано только из страха, как бы король Франциск не сделал зла моему отцу. Я протестую перед вами, подписываю свой протест и прошу вас также подписаться под ним в качестве свидетелей.

Эта мысль очень понравилась Генриху, но он усомнился в возможности ее выполнения:

– Вы все равно расскажете все это королю по вашей привычке, – сказал он Маргарите.

Она поклялась свято сохранить тайну и устроить так, чтобы Жанну только обручили с герцогом, а не венчали. Немедленно был послан в Плесси-ле-Тур тайный агент и составлен формальный протест, подписанный госпожой де Лафайет и виконтом и виконтессой де Наведан. Этот первый протест не сохранился, и о его существовании мы знаем только из донесений Дескурры.

Жанна д'Альбре

Между тем Франциск сам поехал с женихом к Жанне, и тут между ними произошел очень резкий разговор. Девочка в слезах объявила, что она «лучше бросится в колодезь, нежели выйдет замуж за герцога Клевского», а король, взбешенный этим неожиданным отпором племянницы, поклялся казнить всех тех, кто подучил маленькую принцессу к таким ответам.

Весть об этом свидании застала короля и королеву Наваррских на пути в Париж. После долгих колебаний и совещаний решено было совсем переменить тактику. Стало очевидно, что прямым сопротивлением ничего нельзя добиться от такого самовластного, упрямого и настойчивого в своих капризах монарха, каким был Франциск I. Благоразумие требовало *притвориться* покорными – только так можно было еще спасти положение. Ввиду молодости Жанны ее брак мог быть заключен *только* формально, поэтому, как уверяли некоторые знатоки церковного права, впоследствии достаточно будет простого протеста Жанны, чтобы расторгнуть такой брак. Заручившись этим советом каноников, Генрих и Маргарита решили допустить совершение всех церковных обрядов, чтобы не ссориться окончательно с Франциском, и немедленно после того увезти свою дочь в Наварру, а затем, не торопясь, обдумать дальнейший план действий.

Маргарита предваряет свой приезд ко двору письмом к брату.

Она уверяет его в своем полном ему подчинении и резко порицает поведение своей дочери: Жанна забыла повиновение, которое должна оказывать своему королю; забыла, что «девушка не должна иметь собственной воли». Маргарита признается, что ее и Генриха огорчил поступок Жанны, и заявляет: если бы она могла думать, что кто-нибудь подучивал к этому маленькую принцессу, она бы так наказала виновного, что Франциску поневоле пришлось бы убедиться в том, что «это безумие сделано против воли отца и матери, которые не имеют других желаний, кроме желаний их короля».

20 мая 1541 года весь двор переехал в окрестности Шателлеро, где 14 июня состоялся обряд бракосочетания.

Брак наследницы Наваррской, являясь не просто семейным вопросом, а вопросом политики и дипломатии, мог быть разрешен в пользу либо франко-германских отношений, либо наварро-испанских, имел в глазах Франциска исключительную важность. Но последующие события изменили его планы. В 1543 году герцог Клевский, не будучи в силах бороться дальше с Карлом V, принес ему повинную. Он отказался от союза с Францией и согласился быть в феодальной зависимости от Священной Римской империи. Можно представить, как эта перемена раздражила самолюбие Франциска! Теперь он и слышать не хотел об отъезде Жанны к ее супругу. Мечта родителей исполнилась: брак необходимо расторгнуть!..

Маргарита писала в октябре 1543 года:

> …Вы разрешили, Государь, королю Наваррскому и мне сказать по совести, как перед Богом, то, что мы знаем [относительно брака], что мы и исполним с Вашего согласия…
>
> *Мы не будем больше бояться говорить правду,* дабы расторглись узы, которые, в сущности, так же мало связывают Жанну с герцогом Клевским, как меня с императором, в чем я готова поклясться именем Господним. И потому, Государь, так же, как я прежде умоляла Вас *по незнанию* заключить этот брак *для Вашей пользы,* так теперь я умоляю Вас помочь нам освободить нашу дочь в глазах церкви и людей, ибо пред лицом Божиим – она свободна!

Долгая история притворства Маргариты и протестов Жанны подошла к концу. Папа Павел III 12 октября 1545 года подписал бракоразводную буллу, в которой говорилось, что союз Жанны с герцогом Клевским расторгается, потому что принцесса была принуждаема к нему силой, как она сама об этом неоднократно

заявляла, и что брак этот ограничился лишь одной простой церемонией.

Глава 13
Ужасы гонений

Маргарита, как и прежде, не отказывается от своей роли покровительницы и не перестает деятельно помогать всем, кто обращается к ней за помощью. А нуждались в ее поддержке не только частные лица, но и различные группы и организации. Так, в 1535 году Женевский городской совет прибегает к ее посредничеству, прося помощи у французского короля для борьбы с герцогом Савойским и епископом Женевским. В этом году в Женеве, откуда был изгнан епископ и свергнута власть герцога Савойского, происходила борьба партий и смута. Городские власти объявили епископа лишенным прав светского властителя и прекратили католическое богослужение.

Женевцы писали королеве Наваррской:

> Мы знаем, что Вы приходите на помощь всем несчастным. К последним принадлежим теперь и мы по попущению Божию… Но, хотя мы жестоко страдаем, все же не падаем духом и с помощью Господа все укрепляемся в истинной вере… Мы хотим написать королю и, не сомневаясь, что он посвятит Вас в наше дело… просим Вас поступать так, как Вы найдете то наилучшим, ибо сам Бог направляет Вас, и Вы лучше знаете, что нам нужно, чем мы сами.

После женевцев к королеве обратились сначала страсбургцы (3 июля 1535 года), потом (в 1537 году) Базель и Берн – прислали сообща целую депутацию, чтобы умолять Маргариту заступиться за гонимых *валъденсов* и протестантов. Несмотря на то, что в это время настроение при дворе и в столице было неблагоприятно для каких бы то ни было ходатайств в пользу «еретиков», Маргарита сделала все, чтобы оправдать возлагавшиеся на нее надежды.

В 1536 году по ее просьбе Ж. Руссель был возведен в сан епископа Олоронского, к большой радости населения Беарна и торжеству Маргариты и ее друзей. Кальвин написал Русселю длинное письмо, в котором порицал его, ученика Лефевра и проповедника чистого евангелического учения, за принятие епископской кафедры из рук католического кардинала. Свое суровое послание он закончил так:

> А пока ты не отделишься от них, я никогда не буду

тебя считать ни христианином, ни даже честным человеком. Прощай.

Эти жесткие слова женевского диктатора произвели очень тяжелое впечатление на Русселя, но он не последовал совету своего прежнего друга и не отказался от своих новых обязанностей. Однако мы очень ошибемся, если будем объяснять этот поступок проповедника Маргариты какими-то материальными расчетами и побуждениями, совершенно чуждыми этому скромному, мягкому и бескорыстному человеку. Руссель не был ни теологом, ни догматиком: его интересовала не реформа доктрины, а исправление жизни посредством живой и теплой веры, которая «восстановляет сердца и порождает милосердие». Сам он был настоящим «добрым пастырем». Все, кто о нем писал, даже католики, не могли не признать, что он вел безупречно чистую жизнь и исполнял свои обязанности, как истинный ученик Христов. Главной его заботой было воспитание подрастающего поколения: «Если не учить детей, – говаривал он, – то нечего надеяться на будущее». Поэтому Руссель содействовал открытию школ, в которых не только сам преподавал, но еще по окончании уроков собирал вокруг себя подростков и своими беседами «пробуждал в них истинное религиозное чувство вместе с жаждой знания». Этими средствами он добился того, что Наварра, страна довольно дикая, сделалась цивилизованнее многих других областей Франции и была уже отчасти подготовлена к принятию Реформации, которую окончательно ввела в королевстве дочь Маргариты – Жанна д'Альбре.

Неистовый Кальвин заклеймил всех тех, кто не решался или не хотел открыто порвать с католицизмом. В этой категории он соединял вместе с Русселем и Маргариту, которая так же, как и ее друг-епископ, никогда не отрекалась *формально* от католичества и никогда не присоединялась *формально* же к протестантизму.

Уступки, сделанные Маргаритой и ее друзьями в пользу католических обрядов при богослужении, не успокоили католиков. Они продолжали видеть в королеве Наваррской и ее проповеднике ревностных пропагандистов «лютеровой ереси». В самом Беарне нашлись фанатичные враги религиозной терпимости и покровительства протестантизму. Во главе этой местной партии охранителей католичества стоял епископ Кондомский, который, насколько можно понять из писем Маргариты, не только проповедовал против нее самой, но и против Франциска, о котором он не стыдился повторять глупые и

гадкие басни, ходившие тогда в Германии. Этого королева не могла стерпеть. Для разбирательства король прислал двух следователей – после того как Маргарита отправила ему письмо:

> …Если бы оскорбили меня одну, мне приятнее было бы простить, нежели наказывать. Но оскорбление Вас не может быть прощено теми, для кого Вы – свет очей. Я надеюсь, что по приезде сюда Ваших коммиссаров Вас узнают в этой стране лучше и в ином виде, чем тот, в котором Вас желали здесь изобразить.

Епископу Кондомскому вскоре было предписано покинуть Беарн и удалиться в Блуа. Но родственники епископа и его единомышленники стали держать себя еще смелее и непочтительнее, не скрывая вражды к Маргарите. Те, кто хорошо относился к королеве, начали опасаться за ее жизнь, и королева «получила некоторые предостережения, что здесь очень в ходу всякие отравы». Она сама сообщает в письма к д'Изерне:

> Поэтому я попросила короля Наваррского удалить из Нерака всех приверженцев епископа Кондомского на то время, что я пробуду здесь. Он устроил это совсем мирно, без шума и отдал приказ не нанимать новых слуг во дворец. Говорят, что монахи выдумали новое средство отравления посредством ладана, но этого я не боюсь, ибо с тех пор, как вы уехали, я чувствую себя так плохо… что все рождественские службы справлялись у нас в зале, а утреню и обедню я слушала, лежа в постели…

Однако даже всех этих предосторожностей оказалось недостаточно: нашелся какой-то злоумышленник, который пробрался во дворец с целью действительно отравить королеву, но он был вовремя схвачен и тут же признался в своем преступном намерении.

В начале 1540-х годов был обвинен в ереси и брошен в тюрьму Андреас Меланхтон, племянник знаменитого реформатора. Узнав об этом, королева тотчас же написала бордосскому парламенту, требуя, чтобы Меланхтона, как иностранца, немедленно выпустили. Не прошло и двух недель, как парламент ответил Маргарите, что узник уже бежал и что он находится на границе, но что если он вздумает вернуться – его постигнет жестокая казнь.

Все это была ложь. Парламент хотел таким образом успокоить королеву, чтобы она не вмешивалась в дальнейшее

ведение этого дела, а Меланхтон между тем был только переведен из одной тюрьмы в другую. Но Маргарита не удовлетворилась теми официальными сведениями, которые ей прислали из Бордо, и вскоре узнала правду. Возмущенная тем, что ее хотели обмануть, и еще более обеспокоенная судьбой узника, за которого ее просил сам курфюрст Саксонский и два раза писал Филипп Меланхтон, Маргарита отправила письмо архиепископу Бордосскому, наместнику короля Наваррского. Архиепископ переслал это письмо в парламент, подчеркнув недопустимость заключения в тюрьму иностранного подданного. Однако парламент узника из тюрьмы не выпустил, хотя и смягчил свой приговор. Тогда Маргарита решилась действовать иначе.

26 марта 1544 года она торжественно прибыла в Бордо, сопровождаемая своими дамами и придворными, в числе которых находился и Руссель, ее проповедник, епископ Олоронский. У городских ворот королеву Наваррскую приветствовали парламент и магистратура.

На следующий день, отслушав обедню, королева проследовала в парламент и спокойно заняла приготовленный для нее трон. Никто не видел в этом ничего удивительного и не ожидал каких бы то ни было особенных последствий от этого посещения Маргариты. Она так часто заменяла своего супруга в делах правления, что ее интерес к ним был вполне естественен и обычен.

Заседание прошло своим чередом и только в конце его Маргарита обратилась к парламенту с речью. Она говорила о правосудии вообще и о правосудии парламента в частности, говорила о политике, о современном положении страны, о военных планах и предприятиях и, наконец, перешла к вопросу о ереси. Она указывала на ту осторожность и мягкость, которые необходимо применять к делу, когда вопрос касается религиозных убеждений человека, говорила о жалком положении Андреаса Меланхтона, которого по ее приказанию уже успели навестить в тюрьме, прочла вслух письма виттенбергского реформатора и в заключение высказала пожелание, чтобы парламент отсрочил окончательный приговор до тех пор, пока не придет ответ короля, которому она уже написала. Как дочь французского королевского дома, как сестра Франциска I, она просила парламент не лишать ее прекраснейшей привилегии правителя – права миловать. Пусть откроет парламент двери перед узником и вернет ему желанную свободу!

Парламент не последовал этому совету Маргариты, но, не изменяя своего приговора, он ослабил надзор за узником, чтобы дать ему возможность бежать.

В целом обстановка в стране становилась все мрачнее и зловещее. Ультракатолическая партия крепла, а вместе с ней возрождались пытки и все прочие ужасы.

С середины 1530-х годов провансальские вальденсы, примкнувшие к лютеранству, подвергались жестоким гонениям; позже королю внушили мысль о необходимости совершенного искоренения лжеучения самыми радикальными средствами. 18 ноября 1540 года парламент в Эксе приговорил сжечь на костре 23 человека, а их жен и детей отдать в рабство тем, кто успеет их схватить. Центр провансальских вальденсов, город Мерендоль (Merindol), надлежало разрушить до основания, погреба засыпать, леса срубить, плодовые деревья, так старательно взращенные трудолюбивыми и мирными вальденцами, вырвать с корнем.

Уже все было готово для приведения в исполнение этого варварского приговора, как вдруг последовал (18 февраля 1541 года) королевский указ, отменявший временно решение провинциального парламента и дававший «еретикам» срок в три месяца для отречения от своих заблуждений. Этим неожиданным спасением вальденсы были прежде всего обязаны сестре короля. Через два года король пошел еще дальше: 14 июня 1544 года, уступая просьбам Кальвина, протестантских кантонов и Шмалькальденской лиги, Франциск приказал прекратить все процессы против вальденсов, выпустить на волю всех заключенных и вернуть им все их права. Несчастные мнили себя уже спасенными, но жестоко ошиблись. В 1545 году кардинал де Турнон, выбрав время, когда король, мучимый тяжким недугом, мог не читая подписать все что угодно, подсунул ему бумагу, по которой уничтожались все прежние указы относительно вальденсов и предписывалось парламенту в Эксе немедленно привести в исполнение постановление 1540 года. Опасаясь, как бы Франциск, спохватившись, не отменил снова свой жестокий приказ, кардинал сразу же унес с собой эту бумагу. Так как хранитель государственной печати не хотел ее приложить к такому неслыханному повелению, кардинал де Турнон сам приложил какую-то печать.

В результате 3 города и 22 деревни были разрушены, 3 тысячи человек убиты, 255 – казнены, 700 – сосланы на галеры, масса детей продана в рабство. Эта расправа с населением Прованса привела в ужас протестантов всех стран. Европа содрогнулась, узнав, что повторились сцены мученичества первых времен христианства.

Наступил час, когда Франциск опомнился и сам ужаснулся тому, что было сделано. На смертном одре, в минуты сознания, король умолял своего наследника немедленно приняться за

пересмотр дела и наказать тех, «кто, прикрываясь королевским именем, учинил эту жестокую несправедливость».

Кроме истребления вальденсов еще двумя не менее постыдными событиями отмечены последние годы жизни Франциска I – это сожжение гуманиста Этьена Доле (обвинявшегося одновременно «в атеизме и в лютеранстве») и окончательное очищение города Мо от ереси, «двадцать лет тому назад появившейся в епархии Брисонне». 7 октября 1546 года на торговой площади было воздвигнуто 14 костров для протестантов, измученных уже пытками, но все же не отказавшихся от своей веры.

Царствование Франциска началось сплошным праздником, а закончилось неудачами во внешней политике и ужасом религиозных гонений. Франциск умер 31 марта 1547 года. Он уходил, снедаемый страшным недугом и видевший, как Генрих, его нелюбимый сын и наследник, нетерпеливо ждет того дня, когда он, Франциск, испустит последний вздох. Франциску не с кем было поделиться своей тоской: Маргарита сама болела и не могла приехать.

А ее друг и наставник Руссель стал жертвой слепого и дикого фанатизма католиков, которые возмущались осуществляемыми им нововведениями. В самом начале 1550 года он отправил одного из своих проповедников в Гасконь. Так как тот проповедовал против индульгенций и против поклонения святым, то был изгнан рассвирепевшей толпой, возбужденной каким-то фанатиком. Тогда на место бежавшего проповедника явился сам епископ. Он долго успокаивал и увещевал народ, а когда для проповеди поднялся на кафедру, она рухнула, подрубленная топором (это сделал человек, который перед тем возбуждал религиозную вражду). Русселя подняли полумертвым; врачи отправили его лечиться на воды; он скончался по дороге. Его убийца был оправдан бордосским парламентом, сына же его назначили на место покойного епископа «в награду за благочестивое и прекрасное деяние отца».

Глава 14
Спасительная любовь

Еще в конце 1542 года Маргарита окончательно переселилась в Беарн. Плохое состояние здоровья не позволяло ей предпринимать такие длинные путешествия по всей Франции, как бывало в прежние времена. Теперь, когда Маргарита покидала свое королевство, чтобы изредка навестить брата и дочь или же посмотреть, как идут дела в ее герцогствах Берри и Алансоне, ей требовалось часто останавливаться, и эти остановки с каждым разом становились все продолжительнее, потому что в пути она сильно утомлялась.

Маргарита по-прежнему очень внимательно следила за всем, что заботило короля, и к французскому двору постоянно отправлялись гонцы с длинными посланиями (написанными иногда стихами) и небольшими подарками «на память»; брат и сестра часто обменивались подарками – например, в 1544 году Франциск прислал Маргарите большое распятие из слоновой кости, а она ему – изображение Давида, в другой раз он подарил ей изображение святой Екатерины.

Маргарита Ангулемская (1545 год)

Забот у Франциска было немало. Он воевал с Карлом V, и Франция выставила одновременно две большие армии: одну на северо-востоке, другую на юго-западе. Франциск снова обещал своей сестре и ее мужу, что вернет им Нижнюю Наварру, и они следили за передвижением южной армии. Но их надежды очень быстро рассеялись. Войско пришлось распустить ввиду приближавшихся осенних разливов. Сам король с отрядом наемных ландскнехтов двинулся на север, в город Ла Рошель, взбунтовавшийся из-за увеличения налогов на соляной промысел. Франциск был раздражен и собирался наказать непокорных. Но по дороге он заехал (1 ноября 1542 года) в Нерак, к своей сестре.

Маргарита устроила ему блестящую встречу. Между забавами и весельем она не забывала о горькой участи, готовившейся ларошельцам, и употребила свое влияние и красноречие, чтобы смягчить гнев Франциска и воскресить утраченный образ великодушного и милосердного монарха. Поэтому король прибыл в Ла Рошель под впечатлением того, что внушила ему сестра, – совсем не с тем настроением, какого от него там ожидали. Когда 1 января 1543 года перепуганные жители предстали перед его троном, он обратился к ним с речью, напоминавшей давно прошедшие счастливые годы. Франциск сказал народу:

– Я не хочу ни губить вас лично, ни отбирать ваше имущество, как то сделал император с гентцами за провинность меньшую, чем ваша. Мне ценнее завладеть вашими сердцами и вашей волей, нежели вашей свободой и вашими богатствами. И так как вы сознались и покаялись в своем проступке, то прошу вас забыть о нанесенном мне оскорблении, а я, со своей стороны, никогда в жизни не вспомню его. Освобождаю вас от всех наказаний и прощаю вам все без исключения. Пусть сейчас освободят всех узников. Пусть вернут вам ваши городские ключи и герб и пусть все солдаты удалятся из вашего города, а вам – возвращаются свобода и привилегии.

Огромная толпа радостно загудела, едва прозвучали последние слова короля. Зазвонили колокола, загрохотали городские пушки, весь город наполнился праздничными огнями, и Франциск в сопровождении городских представителей направился в ратушу, где в честь него был дан торжественный обед и бал.

На следующий день, прощаясь с ларошельцами, король произнес:

– Я думаю, что завоевал вашу любовь. И клянусь честью – вы победили мое сердце!

Историки, рассказывая об этом событии, характеризуют его,

как «прекраснейший момент в жизни Франциска», но не забудем, что этот момент был подготовлен королевой Маргаритой и что ей обязаны ларошельцы неожиданным милосердием короля. Несмотря на свою болезнь, совершенно изнурившую ее и даже уложившую в постель, Маргарита с замиранием сердца следила за действиями брата и когда наконец получила достоверные известия о том, что произошло, немедленно взялась за перо и восторженно прославила гуманность и великодушие Франциска.

В 1545 году, 8 сентября, от чумы умер младший из французских принцев, любимый сын Франциска – Карл. Маргарита поехала к брату, чтобы утешить его и вместе пережить это ужасное горе. Смерть Карла стала последним ударом, сломившим здоровье короля. Не было теперь человека, на которого он возлагал все свои надежды, в котором узнавал себя самого в дни юности.

Присутствие сестры, как всегда, действовало на него благотворно. Он оживился. Однажды ему вздумалось осмотреть вместе с сестрой свои величественные сооружения, вызывавшие в его воспоминаниях образы прекрасной поры его царствования. Тусклым зимним днем Франциск увидел снова грустный Шамборский парк. Стоя у высокого стрельчатого окна и опершись на руку Маргариты, он обводил взором бесконечную темную линию оголенных лесов, выделявшуюся на сером горизонте. Это было последнее свидание брата с сестрой: им не суждено было больше увидеться. В марте королева уже вернулась к себе.

Маргарита была удручена болезнью брата и озабочена судьбой дочери, продолжая терпеть оскорбления мужа, раздраженного постоянным сопротивлением со стороны Франциска. Больная, утомленная жизнью и борьбой за осуществление надежд, она оглядывалась кругом, тщетно ища своих многочисленных друзей, и, не находя их, готова была воскликнуть вместе с Рабле: «Добрые люди, где вы? Я вас что-то не вижу!» Талантливые, выдающиеся люди, охотно собиравшиеся, бывало, вокруг милой и гостеприимной хозяйки, давно разбрелись по свету, оставляя по себе грустные воспоминания о минувших днях. Многих недосчитывалась Маргарита.

На ее руках скончался старцем Лефевр д'Этапль. Перед смертью он назначил Маргариту своей наследницей, прибавив при этом, что библиотеку завещает своему любимому ученику, Жерару Русселю, а все имущество – бедным.

– Что же вы оставляете мне в таком случае? – спросила королева с улыбкой.

– Вам?… Заботу о бедняках…

К этой утрате в последующие годы добавились другие.

Страшным ударом стала для Маргариты смерть любимого брата. С этого момента жизнь ее была кончена: она не жила, она только существовала – так рассказывает Брантом. Смерть, еще недавно казавшаяся ей такой страшной, теперь – желанный конец… конец печали и мукам, радостное воссоединение с тем, без кого она не в силах жить.

Маргарита не захотела покинуть мирное убежище, в котором получила печальную весть. Тихая монастырская жизнь вдали от шума и суеты наиболее соответствовала ее душевному настроению и действовала на нее успокаивающе: она забывала свои неудачи, свои заботы, свои сомнения – словом, все, что составляло ее земное существование. В Туссоне Маргарита пробыла до середины лета, и здесь была написана большая часть ее «Духовных песен», поэма «Корабль» и последняя часть «Темниц». Очевидно, что, едва улеглась острейшая боль, королева снова вернулась к своим литературным занятиям, и произведения ее за этот период составили целый большой том.

Только одно событие вывело ее отчасти из того настроения, которое совершенно овладело ею за последнее время, – бракосочетание ее дочери с герцогом Антуаном Бурбонским. Узнав о твердом и непреложном намерении короля Генриха II выдать Жанну именно за него, Маргарита решила снова бороться против нежелательного, с ее точки зрения, союза. Она обращалась за помощью к Екатерине Медичи, но это не возымело успеха: сопротивляться Генриху было тем труднее, что на этот раз воля короля совпадала с несомненной склонностью самой невесты.

20 октября 1548 года совершился брак наследницы Наваррской с первым принцем крови, а через несколько дней Маргарита уехала обратно к себе. Ее прощание с дочерью было мучительно.

Генрих II в письме к Монморанси не без иронии заметил:

> Вы, наверное, никогда не видели столько слез, как я, присутствуя при отъезде моей тетушки. Если бы не моя воля, она никогда не поехала бы со своим мужем, с которым у нее теперь самые плохие отношения, из-за любви к дочери; но последняя не обращает внимания на королеву…

Таким образом, все рушилось в личной жизни Маргариты: за смертью боготворимого брата последовало замужество Жанны; дочь, поглощенная своим счастьем, не замечала матери. Маргарита осталась с человеком, который давно уже стал для нее чужим, а в последнее время чуть ли не врагом, ибо она знала, что ее муж согласился на брак их дочери, только прельстившись

денежными обещаниями Генриха II.

Маргарита осознавала, что ее дни сочтены. В ночном видении ей явилась однажды лучезарная фигура с прекрасным венком в руках, который она ей протягивала, говоря: «Скоро он станет совсем твоим». Маргарита верила в это и смиренно ждала того часа, когда Господь призовет ее и успокоит.

Осушит печальные очи
От долгих рыданий
И в сумраке благостной ночи
Покроет забвеньем страданье.

Неосторожность Маргариты ускорила развязку жизненной драмы. В декабре 1549 года появилась комета. Королева непременно хотела наблюдать ее; в этом желании в последний раз сказалась та страстная жажда знания, которая так ярко характеризует эпоху Возрождения вообще и ее блестящую и обаятельную представительницу в частности. Совсем больная, едва двигаясь, Маргарита вышла на балкон, но вскоре должна была вернуться, так как ей внезапно сделалось очень плохо. Ее тотчас же уложили в постель и немедленно приняли все необходимые меры. Но через неделю ее не стало.

Она умирала в полном сознании, совершенно спокойно, с твердой верой в душе, находя в себе силы еще утешать окружавших ее людей.

Благодаря исследованиям Ла Феррьера, Франка и в особенности Лефранате восторженные отзывы, которыми неизбежно сопровождалось и сопровождается имя Маргариты, этой «жемчужины дома Валуа», – кажутся теперь не только не преувеличенными, а недостаточными, банальными для выражения того обаяния, которое испытывали и испытывают все при знакомстве с ней, даже на расстоянии веков, даже путем одного только беспристрастного изучения ее светлой личности.

Драматизм Маргариты заключался в основных свойствах ее характера, и прежде всего в том вечном стремлении к идеалу, к возможно полному его осуществлению, которое она сама охарактеризовала в своем девизе: «Non inferiora secutus».[74] Это вечное «стремление в высшие сферы» не позволяло ей ни на минуту успокоиться, а постоянно требовало от нее мучительного искания света и истины.

Маргарита поняла жизненную задачу человека в высшем идеальном смысле, то есть как познание истины, но разрешила она эту задачу не умозрением, а чувством. Оно внушило ей, что

истина есть любовь и что потому познается она только любовью же. Вот где кроется таинственная причина обаяния королевы Наваррской: ее сила была в той любви, которой дышало все ее существо, которая чувствовалась всеми современниками. Не зная еще человека, она уже любила его за то только, что он человек. Но Маргарита и страдала через тех, кого любила, особенно через того, кого любила больше всего: через Франциска. Он мешал ей проводить в жизнь те идеи, в спасительную силу которых она верила; он являлся гонителем и палачом ее друзей; он убивал не только Реформацию, но даже и Возрождение.

Маргариту часто сопоставляли с Ренатой Феррарской. Действительно, в их деятельности, их симпатиях и взглядах обнаруживается много общего. Но у Ренаты не было философской широты и одухотворенности Маргариты, которые заставляют верить вместе с ней в существование идеала. Вся жизнь Маргариты Ангулемской есть доказательство того, что добро, красота и любовь реально существуют и способны придавать жизни высший, прекраснейший смысл.

notes

Примечания

1

Шарль Огюстен Сент-Бёв (Sainte-Beuve) (1804–1869) – французский литературный критик.

2

Еретики, призывавшие к аскетизму и отвергавшие необходимость духовенства.

З

По доверенности (*франц.*).

4

Анна нравилась Людовику давно, еще до того, как она стала женой Карла VIII; он даже тайно обручился с маленькой красивой бретонкой. А подросток Карл в то время обожал другую девочку – Маргариту Австрийскую.

5

Ее покойный муж Карл, граф Ангулемский, приходился кузеном Людовику XII.

6

Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом (Brantôme) (1540–1614) – французский писатель, историк.

Тем более что они были ровесницами.

8

Маргарита была внучатной племянницей Карла Орлеанского. В битве при Азенкуре, произошедшей в октябре 1415 года (в ходе Столетней войны), англичане нанесли поражение французам. Герцог Орлеанский попал в плен. К тому времени юноша (Карлу исполнился 21 год) имел прекрасное воспитание и вкус ко всему изящному, а также большой интерес к литературе, прочитал в оригинале многих античных авторов, хорошо знал произведения Боккаччо и Петрарки и приобрел уже некоторый литературный опыт, написав несколько песен и баллад. За долгие годы плена он разовьет в себе поэтические способности.

9

Салический закон, или Салическая правда, – сборник записей обычного права (судебник); свидетельствует об усилении королевской власти у франков; составлен в конце V – начале VI в., при Хлодвиге (около 466–511), короле салических франков, из рода Меровингов.

10

Здесь и далее имеется в виду дневник.

11

Сравниваются обделенные счастьем Клод Французская и Жанна Французская. Жанна – дочь короля Людовика XI. В 1461 году у него родилась первая дочь, Анна. В том же году умер его отец, Карл VII, и он (в 38 лет) был провозглашен королем. Довольно скоро Людовик забеспокоился о своей короне: в 1462 году в замке Блуа у 68-летнего Карла Орлеанского (он приходился Карлу VII кузеном) родился сын. Есть версия, что Мария Клевская, молодая жена известного нам поэта, герцога Орлеанского (который по возрасту мог быть ее дедом), родила сына от кастеляна (смотритель замка, или, проще говоря, завхоз), а герцог сразу же признал новорожденного за своего сына и наследника дома Орлеанов. Людовик XI встревожился не зря, ибо собственного сына у него еще не было: Карл (в будущем король Карл VIII) появится на свет в 1470 году. Значит, родившийся в Блуа мальчик по праву может претендовать на корону (младенец стал его тезкой, получив имя Луи, Людовик; через много лет он тоже будет королем – Людовиком XII). В 1464 году у Людовика XI родилась дочь Жанна, и он обручил ее с малышом Людовиком Орлеанским – в письме предложил это герцогу, после чего был подписан брачный контракт, при посредстве нотариуса. В Блуа не знали, что принцесса Жанна была от рождения рахитичной, уродливой (горбатой и кривоногой). Расчет Людовика XI заключался в том, что, когда обрученные вырастут и поженятся, больная Жанна не сможет родить юному герцогу Орлеанскому наследника. В 1476 году герцог, несмотря на его протесты, был принужден жениться на Жанне. Молодой супруг не уделял ей ни малейшего внимания. А она его любила. В него также была сильно влюблена с детства (и долгое время любила тайно) старшая сестра Жанны – Анна. Та самая Анна, которая в 22 года окажется регентшей при 13-летнем брате, короле Карле VIII, и которая, чтобы расстроить план герцога стать мужем 15-летней Анны Бретонской (из ревности и в надежде, что герцог все же будет принадлежать ей, а не другой Анне), женит на юной герцогине Бретонской своего брата Карла VIII. Людовик Орлеанский будет довольно долго бороться с женщиной, которая его очень любила, с ней и с ее братом – бороться за корону. После внезапной смерти Карла он стал королем. Желая побыстрее жениться на вдове короля Карла, Людовик XII отправил папе римскому Александру Борджиа письмо, содержавшее просьбу расторгнуть его брак с Жанной. Вскоре с разрешения папы состоялся судебный процесс – весьма унизительный для Жанны,

ибо королева подверглась не только расспросам об интимной жизни, но и телесному осмотру с целью убедиться, что она в действительности не была женой Людовика. Их брак был расторгнут. Несколько позже Жанна созда ла монашеский орден. Она у мерла в 1505 году, в 40 лет.

12

По доверенности (*франц.*).

13

Когда король Людовик XII умер, юная вдова Мария Английская вышла замуж за своего любовника, герцога Саффолка. Анна Болейн (Boleyn), которой было тогда всего 8 лет, стала фрейлиной королевы Клод. Через 10 лет, после Павийской битвы, она перебралась в Англию, и вскоре ей удалось обольстить короля Генриха VIII. Ради нее Генрих добивался у папы римского Климента VII развода с женой Екатериной Арагонской, сестрой матери Карла V (сама она – мать Марии Тюдор). Хотя папа согласия на развод не давал (из-за чего – после длительной переписки – стал злейшим врагом английского короля), Генрих в 1533 году развелся с Екатериной и сразу же женился на Анне Болейн. Эти события стали поводом для разрыва отношений с Ватиканом и проведения Реформации в Англии; в 1534 году Генрих VIII был провозглашен главой англиканской церкви. Анна пробыла английской королевой недолго: в 1536 году ее уличили в супружеской неверности и казнили (обезглавили).

14

Пьер Террай, сеньор де Байар (Bayard) (1476–1524) – военный, прославившийся своей храбростью во время Итальянских войн и получивший прозвище Рыцарь без страха и упрека (le Chevalier sans peur et sans reproche). Перед битвой при Мариньяно, закончившейся победой французов, Франциск I захотел быть посвященным в рыцари и чтобы сделал это шевалье Байар (Баярд).

15

Жюль Мишле (Michelet) (1798–1874) – французский историк, автор 17-томной «Истории Франции» и 7-томной «Истории Французской революции».

16

Луизе Савойской нравилось то, чего до сих пор у нее не было. Она стала женой 30-летнего Карла Ангулемского в возрасте 12 лет; в 16 лет родила дочь Маргариту, в 18 лет – сына Франциска, а в 19 – стала вдовой. И потом долгие годы ее жизнь заполняли лишь заботы о детях. Так прошла вся молодость.

17

Высшее духовенство.

18

Кто искусно мыслит / И изящно выражается, / Тому все прощается (*франц.*).

19

Фридрих Кристоф Шлоссер (Schlosser) (1776–1861) – немецкий историк, автор 19-томной «Всемирной истории».

Скитался постоянно по всей Франции! *(итал.)*.

21

Гийом Бюде (Budé) (1467–1540) – ученый-гуманист, способствовал созданию Коллеж де Франс; Этьенн Доле (Dolet) (1509–1546) – издатель, поэт и переводчик, был обвинен в ереси и сожжен; Франсуа Ватабль (Vatable) (умер в 1547) – филолог-гуманист, профессор Коллеж де Франс (преподавал древнееврейский язык).

22

Иероним Алеандр и Иоанн Ласкарис – одни из первых греков, преподававших во Франции. Ласкарис (Lascaris/Laskaris) (1445–1534) был библиотекарем Лоренцо Медичи, а потом в Париже преподавал греческий язык и греческую литературу, его выдающимся учеником оказался Г. Бюде.

23

Франческо Гвиччардини (Guicciardini) (1483–1540) – не только историк, но и философ-гуманист; служил у римских пап Льва X и Климента VII, а также у Медичи; написал «Историю Италии» (где высказался за объединение итальянских земель в форме федерации), критиковал католическую церковь.

24

Коллеж де Франс.

25

Сорбонна фактически была богословским университетом, а Коллеж де Франс был задуман и создан как светский вуз.

26

Жак Огюст де Ту (Thou) (1553–1617) – французский писатель, историк, судья; в 1604–1608 годах написал на латыни (и опубликовал) «Всемирную историю», которую позже (более чем через столетие), в 1734 году, перевели на французский язык.

27

Богословский коллеж в Латинском квартале Парижа, основанный в 1215 году и названный по имени основателя – Р. де Сорбона, духовника Людовика IX. В 1554 году, при короле Генрихе II, сыне Франциска I, был переведен в статус теологического факультета Парижского университета.

28

Мишель де Монтень (Montaigne) (1533–1592) – французский философ и писатель.

29

Робер Этьенн/Этьен (Estienne) (1503–1559) – сын Анри (I) Этьенна (около 1460–1520), который в 1502 году основал в Париже издательскую фирму, открыл типографию и до конца жизни издал 130 книг. Робер успешно продолжил семейное дело. Фирма существовала до середины XVII века.

30

Питаю и гашу *(лат.)*.

31

Одно из произведений (весьма известных) Брантома – «Жизнеописания галантных дам» (Vies des dames galantes). И его бабушка, и мать Анна де Вивонн, жена барона де Бурдей, были придворными дамами королевы Маргариты Наваррской (баронесса Анна, кстати, является одной из рассказчиц в «Гептамероне» – под именем Ennasuite или, в некоторых рукописях, Emarsuite), поэтому неудивительно, что он знал многое о «галантных дамах». Детство Брантома прошло при дворе Маргариты, а позже он ухаживал за фрейлинами королевы Екатерины Медичи.

32

Меценат (Maecenas) – римский всадник из знатного этрусского рода Лукумонов, близкий друг Августа, покровитель Вергилия, Горация и других поэтов; умер в 8 году до н. э.

33

См. сноску на с. 108.

34

Жан Маро (Marot) (около 1450–1526); Клеман Маро (1496–1544).

35

Жан Лемер де Бельж (Lemaire de Belges) (1472–1515) – хроникер, писатель, поэт бельгийского происхождения, писал на французском языке; Гийом Кретен (Crétin) (1460–1525) – французский хроникер, писатель, поэт

36

Жак Пелетье (Peletier) (1517–1582) – французский поэт, один из поэтов «Плеяды» (поэтическая школа эпохи Возрождения).

37

Так называемое «дело плакардов» связано с тем, что 17–18 октября 1534 года во многих больших городах Франции были расклеены листовки (*франц.* le placard – «объявление, плакат») резко антикатолического содержания. Эта акция очень разозлила Франциска I, и он отреагировал на нее жестко. Протестанты подверглись репрессии.

То есть XIX века.

39

Имеется в виду французский писатель-романтик Франсуа Рене де Шатобриан (Chateaubriand) (1768–1848) и его повесть «Рене» (1802), главный персонаж которой, Рене, мучим противоестественной страстью сестры Амели к нему.

40

В 1516 году в Болонье Лев X и Франциск I заключили конкордат (соглашение), что на долгие годы определило во Франции отношения между церковью и государством. Ватикану были возвращены отмененные в 1438 году аннаты (единовременные сборы в пользу папской казны с тех, кто получал бенефиций, церковную доходную должность), а за это папа уступил королю право назначения на все высшие церковные должности.

41

Высший суд в королевской Франции.

42

Генрих Бебель (Bebel) (1472–1518) – прозаик, поэт, ученый, сын бедного швабского крестьянина, с 1497 года преподавал поэзию и красноречие в Тюбингенском университете.

43

Жак Лефевр д'Этапль (Lefèvre d'Étaples) (1450–1536) – французский гуманист, филолог, богослов, церковный деятель. Перевод и комментарии Библии, которые он сделал, стали основанием для того, чтобы заподозрить его в приверженности идеям Реформации.

44

Гийом Брисонне (Briçonnet) (1472–1534) – с 1516 года и до смерти был епископом города Мо, где вместе с Лефевром объединил единомышленников для реализации идеи истинного христианства на основе изучения евангельских текстов.

45

Один король, одна вера, один закон *(франц.)*. Французские существительные, составляющие фразу, созвучны: руа, фуа, луа.

Женщина *(франц.)*.

47

Часто у Франциска взгляды меняются. / Тот дурачок, кто доверяется *(франц.)*.

48

Главнокомандующий армией.

49

Карл де Монпансье (Montpensier), герцог Бурбонский, познакомился с Луизой Савойской на церемонии обручения Франциска с Клод. Карлу тогда было 18 лет, Луизе – 30. Карл в то время уже был женат на Сюзанне Бурбонской, дочери Анны Французской и Пьера де Боже, сеньора де Бурбона. (Анна Французская, или Анна де Боже, – старшая сестра Карла VIII и его регентша, а значит, Сюзанна – кузина короля Карла VIII.) Вдовствовавшая много лет Луиза быстро сделала Карла Бурбонского своим любовником; она по-настоящему, сильно влюбилась в него, и юноша недолго сопротивлялся. Хотя герцог Бурбонский ни в чем не испытывал нужды, все же любовная связь (о которой знала, кстати, вся Европа) с матерью Франциска имела и практическую пользу: Луиза щедро одаривала любимого Карла, а едва Франциск взошел на престол, он сразу (по просьбе матери) сделал герцога своим коннетаблем. В 1521 году умерла болезненная Сюзанна. Обрадованная Луиза начала склонять Карла к тому, чтобы они поженились. Но Карл не хотел жениться на Луизе и, не выдержав, сказал ей об этом. Придя в себя от обморока, Луиза возненавидела герцога Бурбонского (вскоре всей Европе стало известно, что мать французского короля пытается отомстить бывшему любовнику; симпатии многих были на стороне герцога). Задумав разорить Карла Бурбонского, Луиза затеяла судебный процесс, чтобы отнять у него поместья, замки и прочее; в результате через год Карл лишился всего своего имущества. Вот тогда-то, потрясенный, подавленный, оскорбленный, он и решил перейти к Карлу V. В декабре 1523 года герцог ускакал на лошади во вражеский стан. Карл V, довольный тем, что к нему явился сам коннетабль Франции, сделал его генералиссимусом своей армии

50

Франциск был окружен испанскими всадниками и препровожден к главнокомандующему Карлу Бурбонскому. Бывший коннетабль с подчеркнутой учтивостью разоружил короля, а потом пленнику перевязали раны в палатке герцога.

51

Дофин – наследник королевского престола во Франции; инфант и инфанта – принц и принцесса королевского дома в Испании и Португалии.

52

Анн де Монморанси, или герцог Монморанси (Anne, duc de Montmorency) (1493–1567) – друг (с раннего детства) Франциска I, всегда находившийся при нем. В 1522 году стал маршалом Франции, в 1525 году попал в плен вместе с королем, но вскоре был выкуплен и, оставаясь при короле, содействовал его освобождению. В 1537 году назначен коннетаблем Франции. Являлся советником двух королей – Франциска I и позже его сына, Генриха II. Был смертельно ранен в Сен-Дени во время столкновения с кальвинистами.

53

Карл V, освободив Франциска I в 1526 году, одновременно взял в заложники двух его малолетних сыновей (7 и 8 лет) – во исполнение королем Мадридского договора. Но Франциск не собирался исполнять условия договора, и позже у него не нашлось денег (два миллиона золотом), чтобы выкупить детей (а Карл хоть что-то хотел получить). Принцы провели в испанской тюрьме (именно в тюрьме) более четырех лет и вернулись домой только тогда, когда довольно неожиданно решился вопрос с женитьбой Франциска: его новой женой стала сестра Карла – Элеонора, которая была уже давно влюблена в короля Франции. Она и привезла в Париж несчастных мальчиков, которые стали ее пасынками.

54

Томас Уолси, или Булей; ранее говорили и писали: Вольсей (Wolsey) (1473–1530) – канцлер английского королевства, архиепископ Йоркский, кардинал (с 1515 года). В 1529 году, потеряв расположение Генриха VIII, был обвинен в государственной измене; умер до суда.

55

Екатерина стала женой Генриха, будучи вдовой его брата Артура.

56

Фердинанд II Католик (1452–1516) – дед Карла V по материнской линии (и, кстати, отец Екатерины Арагонской), король Арагона и Кастилии, осуществил объединение Испании; в 1512 году захватил Верхнюю Наварру (часть Наварры, расположенную у южных отрогов Пиренеев, со стороны Испании). После его смерти испанским королем стал Карл V.

57

Анна Писле (Pisseleu) (1508–1580) – дочь военного командира, ставшая фавориткой Франциска I. Позже король сделал бедного дворянина Жана де Бросса герцогом Этампским, чтобы Анну выдать за него замуж; так она стала герцогиней д'Этамп (d'Etampes).

Скорее всего, историк Ж. Мишле просто оговорился.

59

Французское название Бискайского залива.

Французская *(франц.)*.

61

Te Deum laudamus – «Тебе, Бога, хвалим» *(лат),* церковный гимн у католиков и православных; поется на благодарственных молебствиях.

62

Карл V, надеясь на получение того, что ему причиталось по Мадридскому договору, вел против Франциска I очередную войну. Чтобы закончить ее, в 1529 году в Камбре (на севере Франции) было заключено мирное соглашение, получившее название «мир Дам», или «Дамский мир» (la paix des Dames), так как от имени французского короля выступала его мать Луиза Савойская, а императора представляла его тетушка Маргарита Австрийская. По этому договору Франциск отказывался от Италии, Карл – от Бургундии.

63

Бонавантюр Деперье (Des Périers) (около 1500–1543 или 1544) – писатель-гуманист, поэт; автор сборника сатирических новелл «Новые забавы и веселые разговоры» (изобразил нравы своего времени). Написанная им в 1537 году (и ставшая широко известной) книга диалогов «Кимвал мира» (Cymbalum mimdi), сатира на христианство, была приговорена к сожжению.

64

Ульрих Цвингли (Zwingli) (1484–1531) – швейцарский священник, выдающийся гуманист, известный реформатор; погиб при столкновении католиков и протестантов. Он был выразителем настроений набиравшего силу бюргерства, сторонником республиканской формы правления; призывал возвратиться к чистоте нравов и простоте жизни. Стал основателем цвинглианства (бюргерский протестантизм в немецкоязычной Швейцарии и в Германии), которое уже в XVI веке слилось с кальвинизмом.

65

Андреа Альциати (Alciati; *франц.* André Alciat) (1492–1550) – итальянский юрисконсульт; сделал углубленным изучение романского права, проведя значительный лингвистический и исторический анализ текстов.

66

Теодор Беза, или Без (Beza, de Bèze) (1519–1605) – французский протестант, теолог и писатель; после смерти Ж. Кальвина в 1564 году стал лидером кальвинистов.

67

Жак Амио (Amyot) (1513–1593) – французский гуманист, писатель, переводчик; по совету короля Франциска I принялся за переводы Плутарха, которые в дальнейшем оказали огромное влияние на общество (от Монтеня до деятелей Великой французской революции). Был наставником внуков Франциска I, будущих королей Карла IX и Генриха III, а позже их главным духовником. Служил епископом Осера (город между Парижем и Буржем).

68

Филипп Меланхтон (Melanchthon; настоящая фамилия *Шварцерд,* что означает «черная земля», была им переведена на греческий язык, и получилось *Меланхтон)* (1497–1560) – немецкий протестант, богослов и педагог, сподвижник М. Лютера, после смерти которого в 1546 году стал во главе лютеранства.

69

Свидетельство об отпущении грехов, выдававшееся священниками от имени папы римского – за деньги (то есть продававшееся). Торговля такими справками была средством значительного обогащения духовенства, поскольку – кто не грешен и кто не хочет облегчить душу?

70

Радикальное сектантское движение в XVI веке, участники которого – анабаптисты (иначе: перекрещенцы) – выступали за вторичное крещение (уже в сознательном возрасте), а также за введение общего имущества, поскольку осуждали богатство; отрицали церковную иерархию.

71

Господин Клеман Маро несколько дней по доброй воле пребывает в этом городе [Лионе]. Мне кажется, он настроен жить по-христиански; он принял решение торжественно отречься передо мной и в присутствии викария Монсеньора Лиона [заместителя епископа Лионского] – *(франц)*.

72

Смерти не по вкусу! *(франц.)*

Свободомыслящих *(франц.)*.

Устремленный не ниже *(лат)*.